

К84(2=411.2)6-Ч6
Л 69

Екатерина ЛОГИНОВА

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

ДЛЯ ДЕТЕЙ
12+
СТАРШЕ
ДВЕНАДЦАТИ ЛЕТ

Екатерина ЛОГИНОВА

ПОРТРЕТ
НА ФОНЕ
ВРЕМЕНИ

Детям моим – Юлии и Александру посвящается...

Дабы они сами узнали и внукам моим рассказали, чему их мать и бабушка посвятила свою жизнь. И простили бы за то, что слишком мало внимания она уделяла им в детстве...

*Благодарю за особое участие в издательстве книги
Софью Васильевну Липявко, Валентина Фёдоровича Солохина,
Валентину Кимовну Звягину.*

Фото Леонида Березницкого.

В книге также использованы снимки из домашнего архива, сделанные в разные годы местными фотомастерами, в том числе и любителями, за что автор приносит всем глубокую благодарность.

Екатерина ЛОГИНОВА

ПОРТРЕТ
НА ФОНЕ
ВРЕМЕНИ

Книга очерков

УДК 821.161.1-1 Логинова Е.С.
ББК 84(2Рос=Рус)5

Л 69

Логинова Е.

Л 69 Портрет на фоне времени: Очерки / Екатерина Логинова. – М.:
ЛУЧ, 2013. – с. 312

ISBN 978-5-88915-070-1

Екатерина Степановна Логинова-Матвеева – заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа, легенда югорской журналистики, автор, составитель и редактор шести документальных книг, посвящённых людям Севера, книги художественной прозы «Последняя четверть», цикла публицистических и художественных произведений, опубликованных в периодической печати. Она лауреат международных, всероссийских, региональных творческих конкурсов и киновидеофестивалей, обладатель Почётного знака Союза журналистов России «За заслуги перед журналистским сообществом».

Объектом публицистического и литературного осмысления Екатерины Логиновой-Матвеевой на протяжении последних 40 лет были и остаются личности, преображающие Западную Сибирь, а также ключевые события, происходящие на её территории. Именно это и отражали написанные ею в разные годы книги, очерки, документальные рассказы, подготовленные для радиоэфира и телезкрана программы.

Своебразным продолжением творческого осмысления сибирского характера и преобразований территории округа, города и района стала новая книга Екатерины Логиновой-Матвеевой «Портрет на фоне времени» – результат её литературной деятельности за последние годы.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)5

Охраняется законом об авторском праве

ISBN 978-5-88915-070-1

© Логинова Е.С., 2013
© ООО ИД «ЛУЧ», 2013

Пролог

Эта книга о тех, с кем мне довелось встретиться на перекрёстках Судьбы в разное время на Севере. Она включает серию очерков о людях, которых я достаточно хорошо узнала за десятки лет своей работы в Сургуте, о которых рассказывала на страницах газет, в радиоэфире, снимала документальные телевизионные фильмы. Герои книги трудились на территории округа в самые сложные и (уверена!) в самые прекрасные годы – в эпоху освоения подземных кладовых Среднего Приобья, экономического и духовного преобразования территории. Как мне кажется, в их судьбах отразилось Его Величество Время, История некогда абсолютно провинциального, глубинного, затерявшегося среди болот и тайги края, куда во все времена ссылали неблагонадёжных граждан государства Российской. С помощью персонажей очерков и при их непосредственном участии жизнь здесь теперь коренным образом преобразилась. Причём до такой степени, что на одном из этапов уже новейшей истории досужие журналисты назвали территорию Югры «Оазис благополучия».

Некоторые очерки написаны недавно. Тем не менее все мои герои свою трудовую биографию начинали здесь 20-40 лет назад. За это время они выросли профессионально, в карьере некоторые стали «генералами». Я имела возможность наблюдать за ними со стороны, а Время давало оценку их действиям и делам в эти непростые десятилетия глобальных общественных перемен.

В каждом очерке отражена своеобразная история той или иной промышленной отрасли, общественной деятельности или культуры в определённом отрезке времени. Каждый герой, проходя сквозь эту историю, оставил свой след. Как памятник Прошлому. Ведь именно оно даже через века привлекает внимание людей, ибо преподносит будущим поколениям свои уроки.

Единственная любовь краеведа

Он пришёл в «Сургутинтерновост» как только телекомпания обустроилась во Дворце культуры «Энергетик».

— Об этом обязательно надо рассказать, — предложил с порога.

В руках Флегонта Яковлевича Показаньева было несколько тяжёлых альбомов. Мы сели в студии, и он повёл свой эмоциональный рассказ о сургутских фронтовиках.

К тому времени я, конечно же, знала, кто такой Показаньев. Во-первых, председатель городского Совета ветеранов войны и труда. Во-вторых, краевед (в одном из документальных фильмов режиссёра Беляева Флегонт Яковлевич стоит на пожарной каланче — самой высокой точке Сургута — и рассказывает о городе); им собран богатейший материал о спецпереселенцах, коренных жителях ханты и манси, о городе и районе, о ветеранах Великой Отечественной войны, ушедших на фронт из Сургута. В-третьих, историк (в нашем доме до сих пор хранится маленькая, но такая объёмная по содержанию книжечка — исторический очерк «Сургут», подготовленная к печати совместно с журналистом Лилией Цареградской). В-четвёртых, создатель городской редакции радиовещания, где долгое время принимал активное участие в подготовке материалов. Произошло это в далёком 1960 году. К тому же был прекрасным лектором и пропагандистом, умел в одинаковой степени грамотно беседовать и с простыми рабочими, и с руководителями, и с представителями интеллигенции. В-пятых, писатель, издавший немало книг, в том числе и автобиографическую повесть «Лёнькина наука», «Записки уездного исправника Пирожникова» и т. д.

При его содействии открыли первую в городе музыкальную школу, организовано городское отделение Общества охраны памятников истории и культуры, создано экскурсионное бюро, для которого он сам собирал исторические материалы, писал лекции,

проводил экскурсии. А ещё он восстановил имена павших воинов-сургутян, благодаря чему в Сургуте появился мемориал Славы.

К тому же Флегонт Яковлевич был активным членом многих общественных организаций, старался во всё вникать, всем помогать и создавать то, чего так не хватало быстро растущему нефтяному городу. Рассказывать о нём можно бесконечно...

Умер Флегонт Яковлевич 1 марта 1996 года. Прощание проходило во Дворце культуры «Энергетик», куда пришли тысячи горожан. Я плакала навзрыд, как будто потеряла дорого и близкого мне человека. Наверное, так оно и есть...

Память его увековечена: в городе появился Дом краеведа имени Показаньева. Сюда мы сейчас и переместимся – символически, ибо никто о нём не расскажет больше и лучше, чем экскурсовод.

Людмила Шестакова, старший методист историко-просветительского отдела ИКЦ «Старый Сургут» очень обрадовалась при виде нашей съёмочной группы. Этот гостеприимный дом всегда готов поделиться обширной информацией о своём герое. Но в тот день меня интересовала не только биография Флегонта Яковлевича. Она должна была пойти лишь фоном к тем письмам, которые любезно предоставила мне его жена – Лилия Николаевна (в девичестве Тетюцкая). Все они написаны очень ровным, красивым почерком учителя и раскрывают Показаньева совершенно с другой, ранее неизвестной стороны. В сущности, это история Любви, о которой рассказала его жена.

Постараюсь не очень разрушить сценарий передачи, подготовленной в 2003 году для ВГТРК «Югория».

Людмила Шестакова берёт указку и начинает рассказ:

– Вы находитесь у экспозиции, которая посвящена почётному гражданину города, заслуженному работнику культуры, историку-краеведу, участнику Великой Отечественной войны – Флегонту Яковлевичу Показаньеву.

Родился он 17 января 1922 года в Курганской области в селе Калиновка в крестьянской семье. В 1930 году семья была раскулачена. В морозную январскую ночь вывели всех из дома, посадили на подводы, разрешив взять лишь минимум одежды, обуви и продуктов, и увезли на станцию Мишкино. Оттуда отправили в Сургутский район в посёлок Банный.

Из воспоминаний Показаньева:

«Обозы двигались медленно, было холодно и голодно. По дороге умерло много детей. Их не хоронили, а оставляли в деревнях на милость местных жителей и власти. Отец, узнав у конвоя, где будет очередная остановка, уходил вперёд и подыскивал дом для ночлега, ведь семью из 12 человек разместить было непросто. К весне добрались в Демьянское, а в начале июня всех переселенцев погрузили в смрадные, тесные, сырье трюмы парохода и повезли в Сургут».

– *Посёлок Банный построили руками спецпереселенцев*, – продолжает рассказ Людмила Васильевна Шестакова, – здесь Флёна (так ласково называла его мать) пошёл в школу. К десяти годам он умел читать, писать, считать, знал очень много стихотворений Пушкина и Лермонтова.

Окончив семь классов, работал кучером и водовозом, но через год вновь пошёл учиться. В 1941-м окончил сургутскую среднюю школу номер один и поступил в Омский педагогический институт на историко-филологический факультет. Хотя учиться пришлось очень мало – грянула война. Работал на выкатке и распиловке дров на Тобольской электростанции и учителем русского языка в деревне Карбаны Ярковского района Тюменской области. 3 марта 1942 года призван в Красную Армию.

Во время войны Флегонт Яковлевич был сапёром, разведчиком, миномётчиком. Дважды ранен. Защищал Северную Таврию, Крым, Донбасс, Литву. Имеет награды: медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орден Отечественной войны 1-й степени.

В августе 44-го откомандирован с Первого Прибалтийского фронта в Челябинское танковое училище, которое успешно закончил в декабре 1945 года, затем служил в войсках Забайкальского военного округа в разных должностях – от командира взвода до начальника штаба Отдельного учебного танкового батальона.

– *В 1946 году я ехала из Новосибирска домой*, – рассказывает莉莉亚·尼古拉耶娃。– *Пароход отошёл ночью, утром проснулась, вижу, как-то полненький офицер бегает с бутылочкой молока. Как потом ока-*

залось, он помогал одинокой женщине с маленьким ребёнком управляться – подогревал для него молочко. Поначалу внимания особого не обратила. Днём сижу, окно открыто, а тут он... Заговорил: куда? Отвечаю: «В Сургут». – «И я в Сургут, родители в Банном живут».

Слово за слово, доплыли до Нижневартовска. Мы ещё не пришвартовались, как от пристани отошёл наш пароход, который вниз по Оби курсирует. Что делать?

Но он такой шустрый был, к тому же офицер, в погонах. Побежал по причалу, нашёл катерок почтовый, маленький такой (тогда по чту катерами возили и «верёвочкой»), договорился. Конечно, его взяли. Оказывается, он семь лет дома не был и семьдесят суток уже домой добирался. А я осталась, неделю ждала, когда вернётся пароход.

Приезжаю, меня мама с папой встречают, а около них кто-то крутится в военной форме с погонами и в белых перчатках. Мне это в глаза бросилось. Как только трап на берег выбросили, он уже рядом со мной... Встретил... Ну, родители его пригласили в гости, пообедали вместе. А вскоре он вернулся на службу – отпуск закончился.

– Он в вас сразу влюбился? – спрашиваю.

– Влюбился... Сразу, наверное... – Лиля Николаевна улыбается, лицо её светлеет, словно шагнула в далёкое прошлое – трогательное и приятное. – Я была такая худенькая, изящная. Он меня вот так взвымет, на ладошку посадит и поднимет.

Лилия Николаевна показывает, как ловко держал её на одной руке Флегонт Яковлевич.

– Он был такой плечистый, сильненький. А я – как куколка, честное слово! Когда его мать увидела меня впервые, то сказала: «Она у тебя какая-то хрустальная». Не то чтобы «тощенская», но и не полненькая, а... изящненькая.

После этого он целый год писал мне письма. Вот они все...

Передаёт мне пачку писем. Выбираю самые первые, судя по почтовым штемпелям.

«26 марта 1946 года.

Здравствуй, Лиля!

Дорогая, высылаю тебе фотокарточку. Получилось неважно, потому что фотограф свой – наш офицер, любитель. И высыпаю не для того, чтобы показать свою красоту, ты меня знаешь, а для напоминания о себе, чтобы постоянно быть вместе».

«10 февраля 1948 года.

Слишком большое пространство и время разделяют нас с тобой, дорогая, слишком долго письма идут. Это письмо ты получишь не раньше 8 марта. За это время можно двадцать восемь раз жениться и пятьдесят шесть раз выйти замуж. А ответ на письмо я получу только через два месяца, а может быть, и позднее. Это не составляет почти никакого интереса. Тем более что письма, идущие с севера, несут в себе холода, и никакого не согревают. Если бы поблизости было, чтобы почта производить обмен письмами, несомненно, было бы поинтереснее».

«25 февраля 1948 года.

...Когда я уезжал, наказывал тебе учиться хоть чему-нибудь, где-нибудь. Что ты сделала во исполнение? Знай, дорогая, что не вечно будешь жить с папой и с мамой. Когда-нибудь придётся самой приобретать средства для жизни, воспитывать детей. Если ты будешь моей женой, то я не гарантирую себя в том, что до конца дней своих буду офицером, буду получать большие деньги, более того – до последнего ли дня буду здоровым и способным к труду, способным зарабатывать средства для более или менее обеспеченной жизни. Нельзя так легкомысленно и легковерно подходить к сложным вещам. Нельзя устремляться в далёкое плавание, не имея необ-

ходимых запасов, средств управления и подготовленности, чтобы не оказаться разбитым или выброшенным за борт в безбрежном бушующем океане, без всякой надежды на спасение.

Точно так же нельзя бросаться в жизнь без соответствующей подготовки, очертя голову, на произвол судьбы».

— Он читал вам когда-нибудь стихи, дарил цветы? — спрашиваю Лилию Николаевну.

— Конечно! Всё было — и стихи, и цветы... Он очень много писал, и всё, что писал, читал мне. Говорил: «Иди посиди, послушай». И я слушала.

«15 марта 1948 года.

Почему ты не пишешь, родная? Приближается отпуск, поэтому я с особым нетерпением жду от тебя писем и никак не дождусь. Я обожаю до некоторой степени на тебя, но только немножечко. Может быть, я сам виноват, может быть, поступил грубо, не ласково, возможно, мало подавал надежды на любовь и бракосочетание, так это потому, что я уже не пылкий юноша, и словом «любовь» и чувством «любовь» не разбрасываюсь, чтобы смолоду не рассеять по свету способность любить.

Взрослый мужчина влюбляется медленно, зато любит нежно, бережно, сильно, надёжно. А ты, милая, по молодости своей и наивности не сумела меня понять. Родная, поверь моей совести, поверь моей искренности и самой чистосердечной признательности, что я незаслуженно могу оказаться в неприятном положении. Я снова могу приехать в отпуск и вернуться ни с чем и ни с кем. А время идёт. Безвозвратно проходят годы жизни. Огонь молодости в душе перестаёт бушевать. Пройдёт ещё несколько лет, и будет только теплиться...

Ураган любви пролетит в вечность, и по его следам будут ощущаться только слабые его порывы. Ведь мне уже двадцать седьмой год. В нашей жизни это очень много. Через два месяца поеду в отпуск. Думаю жениться. Ты есть единственная кандидатура, на которую я ориентируюсь. В этих словах я открыл тебе все свои думки, стремления, всю душу. И сейчас я не знаю на одного или на двоих братья проездные документы. К маю месяцу должен получить ответ. Жду.

До свидания, родная».

— Лилия Николаевна, а почему вы ему не писали? — ох уж это женское любопытство!

— Я вообще не любила писать... а он слишком настойчиво требовал ответы на свои письма.

Она заливается звонким смехом. Наверное, так хотела, когда Флегонт Яковлевич пытался упрекнуть свою любимую за долгое молчание, которое вызывало в нём постоянную тревогу.

«19 марта 1948 года.

Ты замечаешь, что письма тебе идут всё чаще и чаще. Мне кажется, что ты за первые письма на меня разобиделась или даже возненавидела, а сейчас ты, по-видимому, ждёшь этих писем. Я лично на твоём месте испытывал бы такое чувство. Действительно, сейчас я от злости жду письма. Во мне кипят и любовь и злость. Если бы ты сидела рядом со мной, то услышала бы, как затрешили мои зубы от сильного скрежета, и я с силой ударил кулаком по столу...»

«21 марта 1948 года.

...Меня крайне беспокоит и даже нервирует твоё безмолвие. Нельзя быть такой безразличной и жестокой к живому человеку. Срочно дай ответ и определённо в ту или иную сторону. От того будет зависеть отпуск, его продолжительность и время в году, поездка или отказ от поездки на родину и вообще очень многое.

...Лиля, молчанием отговариваются только люди легкомысленные, недалёкие, люди, не умеющие прямо посмотреть жизни в глаза, не умеющие открыто высказать голос своей совести. Ты не обидишь меня, если даже заявишь отказ, но огорчишь, если умолчишь о нём. Не нужно терять самообладания и бодрости духа, а говорить то, что есть, бодро, уверенно. Этим ты покажешь свою стойкость, волю.

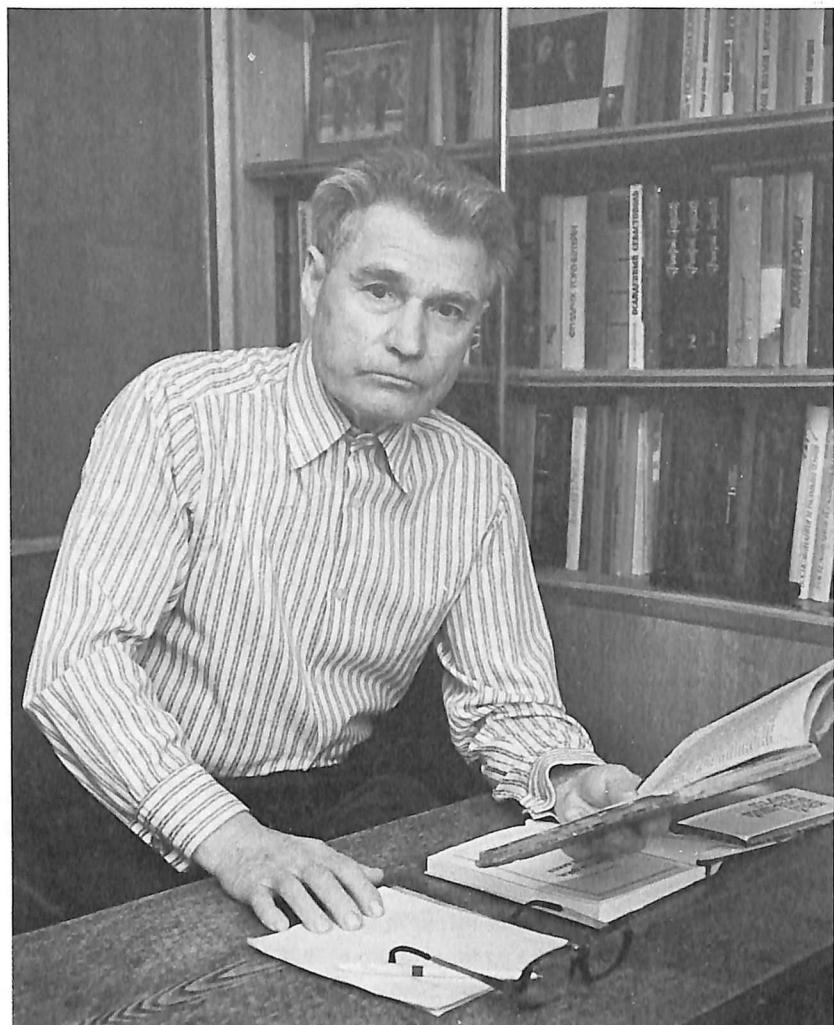
Итак, пиши или... или. Или я... в общем... в другую сторону».

— Мне кажется, он очень страдал... — сделала я вывод, прочитав очередное письмо. — И любил вас безмерно.

— Любил, — гордо подтверждает моя собеседница.

— А дальше-то что было?

— Ну вот, приехал он. В 1948 году сыграли свадьбу быстренько-

быстроенько, потому что времени у него уже было в обрез. Поехали в Забайкальский военный округ, к месту его службы. Это было нашим свадебным путешествием. Туда приехали, в гарнизоне жёны офицеров вышли на нас посмотреть. Мне неловко стало от такого пристального внимания. Я даже разозлилась. Потом поняла, что приезд жены офицера – это большое событие.

Людмила Шестакова, Дом краеведа, продолжение экскурсии:

– В 1957 году Флегонт Яковлевич уходит в запас и приезжает в районный посёлок Сургут, где снова начинает свою педагогическую деятельность – работает учителем физического воспитания и военного дела в своей родной школе № 1, мечтает восстановиться в Омском педагогическом институте на историко-филологическом факультете. Но жизнь распорядилась по-своему. Его утверждают зав. отделом районного отдела культуры. И с 1961 года вплоть до ухода на пенсию он находится на партийной работе.

– 48 лет прожили мы вместе, – вздыхает Лилия Николаевна, – он два года не дожил до нашей золотой свадьбы...

Пауза повисла, как горечь, накопившаяся с момента утраты. Я не тороплю собеседницу. В глазах заблестели слезинки, но она не позволила им выкатиться, продолжила:

– Муж мой был очень красивым, хорошим человеком, внимательным мужем.

Когда приехали в Сургут, дом купили за Саймой. Но там нас постоянно топило, ничего не могли сделать. Геологическая экспедиция потом его купила, а мы переехали жить на улицу Мостовая. Может быть, там бы и остались, но Мелехов – начальник пароходства – стал дорогу к речпорту строить, наш дом ему мешал. Убрай, говорит, свой дом! Убрай! Ну, мой Флегонт отдал его государству... за бесплатно...

Он много работал, но везде успевал. Часто ездил в командировки, списки погибших собирал. Тогда же ни в Ханты-Мансийске, ни в Сургуте ничего не было! Ходил по домам, к старушкам, они сундучки свои раскрывали, доставали похоронки или другие документы какие. Ездил и по деревням, там собирал историю. Этих деревень теперь нет. И старушек тоже. А похоронки были написаны таким почерком, что и не разберёшь, да и чернила выгорели уже к тому времени. Раньше же чернилами всё писали. Вот и разбирали с ним, где что написано.

Сам писал много писем в архивы всякие и музеи – в Москву, Ленинград, Тюмень, Тобольск, Новосибирск – куда только не писал! Тяжело было, но всё же он эту работу сделал. И хантыйский язык выучил, чтобы разговаривать в посёлках национальных на их родном языке.

Из поездок привозил в дом всякие туески из бересты, луки-самострелы, табакерки – словом, утварь хантыйскую.

– И где она?

– В музей сдал, краеведческий. Когда первое открытие мемориала состоялось, многие недовольны были: моего мужа не вписал, моего брата, моего отца... Он перед смертью написал в газете, что ещё многих нужно найти и дополнить этот список. Ходил продолжать эту работу, да смерть помешала.

Из дневника Флегонта Показаньева:

«По моей инициативе и при моём личном участии построены памятники борцам за Советскую власть, первым комсомольцам, воинам-сургутянам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В результате длительного поиска мне удалось установить имена 75 сургутян, погибших в борьбе за Советскую власть, и тысячи сургутян, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. По моей инициативе, личными исследованиями и стараниями установлены мемориальные доски на зданиях старого города в память об исторических событиях. Разработаны десятки лекций и докладов».

Людмила Шестакова, продолжение экскурсии:

– К краеведческой деятельности Флегонт Яковлевич приступил с декабря 1957 года. Он собрал очень большое количество экспонатов. Записал воспоминания старожилов Сургута. И в 1963 году в конце ноября открыл Сургутский краеведческий музей на общественных началах.

По настоящию Показаньева появились мемориальные доски в честь отбывавших в Сургуте ссылку декабристов и революционеров, в память о первом коммунистическом субботнике, об открытии первого в городе промышленного предприятия – рыбоконсервной фабрики.

– Он очень энергичным был человеком! Так много успевал! И доклады помогал готовить, и в общественных организациях, и с мемориалом, музеем... – Лилия Николаевна не скрывает своих эмоций, продолжает с обидой:

– А теперь многие приезжают из других городов, стран – идут в музей. Но там даже его фотокарточки нет. Спрашивают у меня: «Лилия, а где же Флегонт Яковлевич, ведь всё это с него началось?!

Хоть бы памятку написали, что он создал этот музей на общественных началах». Мне, как жене, это, конечно, обидно...

Ведь он везде и всё делал «на общественных началах», то есть бесплатно. Когда в горкоме партии работал, получал 80 рублей. Вот и всё. Зато всегда в работе, в заботах. К нему очень много людей обращалось за помощью, за консультациями. Он потом музей этот передал, потому что времени не стало хватать. Приняли туда директора, положили ему оклад, пришли к нам домой, пересняли его архив и забыли, кто был первым организатором...

Людмила Шестакова, продолжает экскурсию:

– Городское отделение Общества охраны памятников истории и культуры создано Флегонтом Яковлевичем в феврале 1966 года. Вы видите Устав этого общества, свод законов по охране памятников истории и культуры, членский билет Показаньева, марку, значок этого же общества и различные почётные грамоты, благодарственные письма за его активное участие в охране и пропаганде памятников истории и культуры...

– Ну, а так... жили славно, – вспоминает Лилия Николаевна. – В лес ходили, на лодке плавали. Он сразу, как демобилизовался, мотор «Москва» привёз, так мы куда ни ездили с ним по Оби! И за грибами, и за ягодами. Природу очень любил.

За два дня до смерти он сидел, заканчивая печатать на машинке рукопись Пирожникова (машинку эту ему Яков Семёнович Черняк подарил). Вдруг стало плохо. Мы машинку убрали, я говорю: «Ты больнее за неё не сядешь! Ложись полежи!» Мне бы вызвать «скорую помощь», да он отказался. Вытил таблетки, лёг на диван... Отлежался вроде. На другой день его в Центральную библиотеку пригласили. Он отказался, сославшись на плохое самочувствие. А сам всё-таки пошёл в библиотеку, только семейного чтения. Тут близко, две минуты ходьбы.

– Идём со мной, – позвал.

– Ну, Флегонт, тебя везде приглашают, я же не буду за тобой как хвостик ходить, неприлично это, – ответила ему.

А он так звал, так звал... Пошёл один. Опаздывать не любил. Дверь за ним закрылась, я встала на пороге и думаю: может, действительно сходить с ним, посидеть, послушать. Не решилась. Вдруг скажут, что мужа на минуту оставить не может. Жду. Вот уже семь, восемь часов, его нет. Я от одного окна к другому мечусь. А ему прямо во время выступления плохо стало. Когда вызвали «скорую», мне позвони-

ли. Прибежала – его уже увезли. В сознание он не пришёл, умер в три часа. Так мы и не увиделись больше...

– Лилия Николаевна, каким вы вспоминаете мужа, когда вам одноко?

– Плохого ничего не было. Водку он не пил, ему некогда было. Если гости придут, конечно, подымал рюмочку, а так чтобы с получки выпить или с аванса, после бани – никогда. Придёт, денежки положит. Надо ему – возьмёт. Мне надо – я возьму. Так у нас было. И никакой ругани по поводу того, что детей нет, даже спору не было никогда. Жаль, конечно, что ребёночка Бог не дал...

Когда уезжал куда-нибудь – в Чехословакию или Забайкалье, всегда очень много писал. Все письма его у меня до сих пор хранятся.

Собеседник, вы сами знаете, какой он был. За этим столом частенько народ при нём собирался, и мужчины и женщины. Все что-то обсуждали, говорили, к чему-то готовились. Петь любил в компании. Голосок у него нежный, приятный. Когда его юбилей был,правляли в «Собеседнике» (кафе). Лариса Ивановна Золотухина со своими фронтовыми подружками спели ему песню «Белая берёза». Он её очень любил. А они его уважали и всегда приглашали на свои мероприятия.

У Флегонта родители прекрасные были, братья. Младший в Новосибирске живёт. Муж любил свою племянницу Валентину, дочь старшего брата. Все его родственники ко мне хорошо относятся. Помогают, не оставляют без внимания.

Конечно, с ним жизнь была полной, интересной, насыщенной. Как его добрым словом не вспомнишь...

Я до сих пор думаю, вот откроется дверь и он войдёт. Вернётся из очередной поездки своей. Столько лет прошло, а я всё не перестаю ждать...

– Людмила Васильевна, кто сегодня интересуется биографией Флегонта Яковлевича? – спрашиваю я Шестакову.

– Прежде всего наша экспозиция рассчитана на молодёжь – учащихся школ, лицеев, гимназий. Приходят к нам и студенты, которые пишут курсовые работы, рефераты.

– Это часто бывает?

– Довольно часто.

– Можно сказать, что Показаньев всё ещё интересен в городе?

– Я считаю, да. Флегонт Яковлевич интересен учащейся молодёжи.

В маленькой комнатке Дома краеведа, заполненной экспонатами, витринами, одеждой, книгами, наградами... уместилась целая жизнь одного человека. Ей здесь тесно. Как тесно и тем, кто приходит сюда на экскурсии, чтобы познать, удивиться и восхититься тому, как много можно успеть за одну жизнь.

2003 г.

Миссионер в культуре Севера

Шёл 2004 год. Мэр Александр Сидоров вручал группе сургутян высшие знаки отличия «За заслуги перед городом». Когда прозвучала фамилия Липявко, раздался шквал аплодисментов. Несмотря на то что Софья Васильевна с 1989 года не живёт в Сургуте, её здесь по-прежнему помнят, любят, уважают. Понятно почему. Софья Липявко стала в своё время одной из немногих, кто заботился не о хлебе насущном, не о добыче «чёрного золота», «живого серебра», «голубого топлива», хотя без этого вряд ли на территории округа выросли бы такие города, как Сургут. Она относится к разряду миссионеров, которые создавали культурную атмосферу, духовный климат с его особым, высшим содержанием. Стремление поставить культуру на уровень достижений нефтяников, строителей, геологов, энергетиков, газовиков – увенчалось успехом. И теперь уже сложно определить, что более «матери Истории» ценно? Первое или второе? Думаю, одно без другого просто не состоялось бы...

Истоки

В начале прошлого века в селе Тимошинская Верхне-Ландаховской волости нынешней Ивановской области жил Василий Иванович Козлов. Во всей округе говорили о нём уважительно: золотые руки у человека! За что ни возьмётся, всё у него толково выходит. Добротно – на загляденье: из лозы сплетёт, печь сложит, дом построит. Ветеринарные амбулатории, больницы, аптеки, школы, дома культуры, детские сады – всё это в районе возводилось по чертежам и при непосредственном участии «народного» архитектора и строителя Козлова. Сам Василий Иванович нигде ремеслу не учился – родителей потерял рано. Род сиротой, как былинка, а впитал много солнца и душевного тепла, жизненных сил и мудрости. Жители окрестных деревень приходили к нему с поклоном: помоги! И он помогал.

Во всем аккуратен. Носил сталинский френч и галифе. Брюк не признавал, называл их презрительно – портками. Сапоги всегда начищал до зеркального блеска. Жители Тимошинской удивлялись порой: откуда в сельском хлопце такая тяга к чистоте и порядку, недюжинные познания в строительстве, непривычная для местных людей утончённость во вкусе?! Видимо, так уж распорядилась природа, щедро наделив его особым даром.

А в соседнем селе жила Александра, дочь Ивана Улитина, купца второй гильдии. Тоже сирота. И тоже с детства выделялась среди сверстниц. Не могли два этих человека не встретиться и не полюбить друг друга. Так и случилось. Создали семью, и было в ней девять детей: шесть девочек и три мальчика. Александра Ивановна строго следила, чтобы в доме царили порядок и чистота, достаток и красота. С раннего возраста детей приучали и к труду. Они занимались хозяйством, ходили в лес за ягодами и грибами. Собранные детьми дикоросы мать увозила в Иваново, во Владимир или в Нижний Новгород, там продавала, а на вырученные деньги покупала чадам одежду. «Купеческая жилка» в ней билась до конца дней.

Александру Ивановну в народе откровенно чтили, и не случайно она была самой грамотной женщиной в селе. Имея побочный заработок, никогда не чуралась повседневной чёрной работы. Как и другие, занималась домашним хозяйством, ходила за плугом, лён теребила, косила сено. Её называли «стахановкой», поскольку за утро скашивала на колхозных угодьях по сорок соток! О трудолюбивой многодетной матери рассказывали по Всесоюзному радио. А в годы Великой Отечественной, когда большинство мужчин ушло на фронт, односельчане доверили Александре Ивановне возглавить колхоз.

Соня помнит, что одежду в семье мать шила сама. Позже выяснилось, что все тётки служили портняхами при дворянских усадьбах. В ту пору их называли «белошвейками». Примеряя очередное платышико, мать говорила Соне: «Какая же ты у меня ладненькая, да красивенькая! Одно удовольствие шить на тебя!».

Мать частенько покупала в городе мануфактуру. Иногда привозила с Ивановской ткацкой фабрики отбракованные кусочки тканей. Из них выходили славные наряды для дочерей. После каждой такой поездки у Сони появлялась обновка. Малышка ходила по деревне и на вопросы односельчан гордо отвечала: это «ивановский кусочек». Тогда-то и закрепилось за ней прозвище Ивановский кусочек.

С раннего детства запомнила Соня, как проходили на селе народные гулянья. К примеру, Троица. Каждая семья, где были девочки, наряжала цветами и лентами берёзку. Около церкви ставили общий стол. Блюда готовили и накрывали родители. Сначала детей кормили, а затем усаживались сами. Слушали, как их чада водят хороводы вокруг берёзки и поют русские народные песни... Праздник заканчивался своеобразным концертом, в котором участвовали все жители села. Кто пел, кто играл

на свирелях или свистульках, кто на тазике выводил свою «барабанную» мелодию, а кто на ложках стучал. Соня Козлова любила танцевать. Сельчане знали об этом и подзадоривали: «Ну-ка, Соня, попляши, твои ножки хороши!». И шестилетняя девчушка без устали плясала всем на радость.

В селе отмечали как престольные, так и светские праздники. Александра Ивановна умела их организовывать. В такие дни гостями становились и жители соседних деревень. Звучали застольные и обрядовые песни, молодёжь водила хороводы, плясала. Заканчивалось веселье традиционной кадрилью.

И мать, и старшие сёстры считались большими мастерицами по выпечке русских пирогов. Украшением стола становились рулетики, крутики, расстойники... Каждый праздник имел своё «коронное» блюдо. К Крестовоздвижению пекли из теста кресты с «загадкой» внутри. К Благовещению готовили «жаворонки» из сдобного теста. Девушки брали их, шли к хозяйственным постройкам, загадывали суженого (с какой стороны придёт) и перекидывали «жаворонка» через крыши.

Ивановский край и сейчас богат народными традициями, обрядами и самобытными талантами. В те далёкие времена их хранительницей была Александра Ивановна Козлова. Она знала множество обрядов, которые, как наследство, передала своим отпрыскам.

К носительнице народного фольклора Шуре Улитиной (так её звали односельчане) неоднократно приезжали экспедиции из Москвы, записывали старинные русские песни и обряды. Где-то в столице хранятся её рассказы, а может, уже и книги изданы о том, как жили люди в Верхне-Ландеховской волости, какие имели традиции, что пели и чем питались в начале двадцатого века...

Соня восприняла от родителей всё самое лучшее. От матери – безотказность в работе, организаторские способности и внутреннюю собранность, дисциплинированность. Как и мать, дочь всегда чувствует, что надо сделать и как, понимает красоту и доброту русской души. От отца переняла аккуратность в любом деле, обязательность – в слове.

Детская память навсегда запечатлела тяготы крестьянского обихода. Особенно досталось в годы военного лихолетья. И прежде всего женщинам. Маленькой Соне, ставшей восьмым ребёнком в семье Козловых в 1941 году, на всю жизнь запомнилась картина: худенькая мать, в плечо которой врезалась упругая лямка, тянет по полю плуг... Ведь лошадей

забрали на фронт. Приходилось пахать на быках, а когда животныепадали от усталости, женщины впряженись сами и выдерживали непомерное напряжение.

Уставшие до изнеможения, с пропылёнными лицами, они возвращались с полей после пахоты или сенокоса. Казалось, не было сил даже разговаривать. Однако Александра Ивановна не давала унывать. Затянет песню, селянки тут же подхватят, и вот уже сливаются голоса, несётся над полями мелодия, исполненная силы и моцчи, крепости духа и веры. Распрямляются плечи, поднимаются головы, преображаются лица. Песня взбодрит, как разбудит. И захочется умыться у ручейка, прибрать растрёпанные вспотевшие волосы, обрести надежду прожить и пережить подстерегающие трудности.

… Председатель колхоза Александра Козлова после посевной, сенокоса, в честь окончания жатвы или льноуборки непременно устраивала общие праздники. Кололи и жарили барана, и всегда начинали песней о Сталине: «На дубу зелёном, да над тем простором, два сокола ясных вели разговоры. Первый сокол – Ленин, второй сокол – Сталин, а над ним летали соколята стаей. Ой, как первый сокол со вторым прощался, он с бессмертным словом к другу обращался. Сокол ты мой сизый, позабудь тревоги, мы тебе клянёмся, не свернём с дороги. И сдержал он клятву, клятву роковую, сделал он счастливой всю страну родную».

Соня во время праздников с восторгом наблюдала за матерью. Из строгой и требовательной женщины, которая большую часть суток пребывала в заботах и трудах, решала постоянно возникающие на селе проблемы, она вдруг превращалась в совершенно иного человека. Её наструженные руки двигались плавно, когда танцевала, а голос становился чистым и звонким, когда запевала. И вся она была такой весёлой и обаятельной, что Соня невольно ею любовалась. Девочке так хотелось быть похожей на мать! Тогда-то и пришло подспудное решение: обязательно выучусь и буду устраивать праздники. Как можно чаще. Чтобы мама, да и все другие жители села были такими же красивыми, как в эти удивительные мгновенья, когда великие труженицы из усталых работяг превращаются в излучающих внутренний свет прекрасных женщин.

Навстречу судьбе

Соне нравилось быть в центре внимания. Она часто пела и танцевала на публике, а ближе к окончанию десятилетки стала организатором концертов, с которыми старшеклассники ездили по сёлам. В репертуаре

школьной культбригады значились не только песни, стихи и спортивные номера, но и спектакли. Богатые традиции в проведении вечеров, игр и посиделок, святок и рождества дочь переняла от матери.

Наступило время жизненного выбора. В принципе он определился давно. Но... несмотря на явный сценический успех, по примеру сестёр и подруг Соня отправилась поступать в педагогический институт. И... не прошла по конкурсу. В послевоенные годы в первую очередь принимали тех абитуриентов, у кого отцы погибли на фронте. Таких оказалось много. Девушка, не привыкшая терпеть поражение, очень расстроилась. К тому же угнетала мысль: как воспримут в селе её провал? Что скажет мама? Ведь целый месяц жизни в городе потребовал достаточно больших финансовых расходов семейного бюджета. Как посмотреть в глаза отцу, братьям, сёстрам?

Решив, что жизнь закончилась, переполненная жуткой печалью отправилась Соня на поиски железнодорожного вокзала. Хотела броситься под поезд. Как Анна Каренина. Других вариантов смерти себе не представляла. И стыдно. И горько. И жалко себя. Шла и плакала. Одна сердобольная женщина, заподозрив неладное, остановила девчушку, спросила:

- Что случилось, доченька?
- Ничего... Вы не подскажете, где вокзал?
- А тебе куда ехать?
- Просто... хочу попасть туда, где поезда ходят...
- Зачем?

И она вдруг призналась в задуманном. Женщина всё поняла и так повела разговор, что Соня не заметила, как они оказались на автостанции. Девушка успокоилась, а незнакомка не отошла от неё до тех пор, пока автобус не тронулся в путь.

Александра Ивановна очень обрадовалась возвращению дочери. А когда та рассказала, что едва не лишила себя жизни, заплакала. От радости. И ни одного слова упрёка не прозвучало... Не теряя времени, Соня тут же поехала в Нижний Новгород. Теперь уже с твёрдым намерением поступить в училище культуры. Родители, не считающие сценическую деятельность серьёзным делом, на сей раз не возражали. Поступила на режиссёрское отделение. Началась учёба.

На втором курсе студенты проходили практику. В село Лукаяново Болдинского района (недалеко от Арзамаса) направили трёх девочек – вокалистку, хормейстера и режиссёра. Не хватало концертмейстера. Но

в селе нашли местного музыканта-самоучку – Володю Тужилкина. Он и аккомпанировал девчатам на протяжении всей практики.

Студентке Козловой за два с половиной месяца предстояло поставить одноактную пьесу, подготовить выступление агитбригады, составить концертную программу, представить не менее двух танцев. А ещё пропагандировать передовой опыт, вести научно-техническую пропаганду, проводить обрядовые мероприятия и т. д.

Соня читала стихи и танцевала, прекрасно рисовала, писала лозунги и плакаты, выпускала стенную и светозвуковую газеты. Всё это делала с лёгкостью, с настроением и азартом. Естественно, представители местной власти заприметили молоденькую практикантуку. Пригласили её после окончания училища на работу в Лукаяново. Когда девчата уезжали, жители села пришли провожать их на автостанцию (!).

– Получишь диплом, приезжай к нам, – предложил председатель колхоза Соне Козловой. – К тому времени дом построим.

И правда, вскоре из Лукаянова пришёл вызов. С гарантией предоставления жилья. Но Соня уже решила: распределяться будет... на Сахалин! Её всегда тянули новые края, неизвестность. Нравились морские офицеры. Она видела, как красиво они ухаживали за старшими сестрами, а её, Соню, угожали конфетами «Красная шапочка» и говорили комплименты. Как младшенькой. В сознании укрепилось чувство, что все офицеры – очень воспитанные, интеллигентные люди. И она тайно надеялась стать невестой морского офицера.

Училась Соня Козлова отлично и потому имела возможность распределиться в любой населённый пункт. Выбрала Дальний Восток. Её направили директором Дома культуры в портовый город Невельск, что расположен на берегу Татарского пролива.

Вот по этому маршруту и отправилась Соня в дорогу. Навстречу судьбе. В поезде ехали выпускники вузов и техникумов со всего Союза. Среди них много ленинградцев. За 14 дней пути останавливались на каждой крупной станции. В областных центрах организовывали митинги, встречные концерты. Естественно, подружились. Энтузиазма – хоть отбавляй! Настроение – прекрасное! Его подогревала вера в будущее, в собственные силы и знания, которые помогут решить любые проблемы. Ни у кого и в мыслях не гнездилась жажда зарабатывать «большие и лёгкие» деньги. Молодых людей объединяла идея – непременно совершил в жизни что-то значимое. И для себя, и для страны.

Выбор

Невельск... Морской порт... Население – несколько десятков тысяч. Основные отрасли: рыболовецкая, судоремонтный и рыбоперерабатывающий заводы. Мореходное училище... Стратегическое направление – добыча рыбы. И... «море» моряков! Их чёрно-сине-белой формой затоплены улицы. Раскачивающейся «корабельной» походкой гордо проходили они мимо гостиницы, где жила выпускница Нижегородского училища культуры Соня Козлова. Казалось, мечта сбылась: уж здесь-то, среди этой массы воспитанных и интеллигентных офицеров, она найдёт свою половинку.

Буквально с первых дней жизнь понеслась с невероятной стремительностью. Она сразу поступила в Хабаровский Восточно-Сибирский институт. Через полтора года в составе бригады ЦК комсомола поехала по городам и весям Дальнего Востока. Сначала все участники агитационной поездки собирались в Комсомольске-на-Амуре в честь его 30-летнего юбилея, где с чисто советской помпезнстью, особой пышностью и торжественностью проходили встречи с Пахмутовой, Добронравовым, Гагариным, Зыкиной... Затем группы разлетелись по территории. Бригаде, куда входила Соня, предстояло посетить Камчатку и Северные Курилы.

Первая же поездка произвела неизгладимое впечатление. В Камчатской области, где базировались морские лётчики, проходили отчётно-выборные комсомольские конференции. Соню Козлову – пре-восходного оратора, лидера (она в эту командировку была приглашена не как работник культуры, а в качестве представителя ЦК ВЛКСМ), слушали внимательно. Её искренние, эмоциональные выступления производили огромное впечатление на слушателей. В каких бы населённых пунктах она ни выступала – перед моряками, рыбаками, представителями общественности – ей всюду предлагали высокую должность и хорошую квартиру. Всем обещала подумать. Понимала, что после окончания училища предстоит отработать положенные по закону два года. Хотя при желании вопрос был бы решён в её пользу.

Главная задача той поездки: возбудить интерес к Дальнему Востоку была выполнена. Молодёжь уверовала, что сделала правильный выбор, приехав в этот богом забытый край. Бригады ЦК сумели вселить в души молодых людей оптимизм, уверенность, зарядить стремлением на большие дела.

Постижение трудных истин

Вернувшись из командировки, Соня решила разделить свои сомнения о переходе на работу в комсомол с другом – Юрий Липявко. Уж слишком заманчивыми казались предложения.

– Знаешь, – ответил он, – комсомол в судьбе человека – временная штука. Сегодня он для тебя есть, а завтра – вопрос...

Шёл 1962 год! Откуда в молодом человеке, весьма далёком от политики, проявилась эта прозорливость – и сейчас непонятно. Соня удивлённо посмотрела на друга и подумала: «Что за белогвардец?». Тем не менее к совету прислушалась, от предложения перейти на работу в Камчатский обком комсомола отказалась. А через год вышла замуж за «белогвардееца» – Юрия Дмитриевича Липявко.

Мечтавшая стать женой морского офицера или лётчика, Соня увялась… бурильщиком. Молодой специалист приехал на Сахалин после окончания Уфимского нефтяного института отрабатывать положенные два года. Красивый, статный, с утончённым чувством юмора, весельчак, интеллектуал до мозга костей! В геологических экспедициях всегда встречалось много интересных, интеллигентных ребят. На Сахалине их считали городской элитой. Может, потому, что среди местных жителей преобладали рыбаки, моряки, портовые работники да инженеры судоремонтного завода. А может, и правда все они были в духовном плане на порядок ниже недавних студентов-геологов. По крайней мере невельские работники культуры отдавали предпочтение именно им.

Не зря говорят: любовь зла… Не знала и не ведала Соня Козлова, когда давала согласие на предложение руки и сердца Юрию Липявко, на что обрекает свою судьбу. Вскоре после свадьбы её «белогвардеец» с головой «забурился» в работу, уезжал в длительные командировки, а когда возвращался, все разговоры были только о недрах, буровой, нефти… Соня не сразу поняла, что он и его коллеги – отрешённые от мирской суэты люди, фанатично преданны Её Величеству Геологии. Она до сих пор шутя говорит, что не понимает, как при таких обстоятельствах у них появился ребёнок. Естественно, отец сына видел редко. От рождения и до взросления воспитание и забота о ребёнке легли на плечи Сони. Рядом ни няни, ни тёти, ни бабушки…

Но больше всего молодую жену поражало одно обстоятельство. Спустившись с сопок на очередную «побывку», Юрий приводил в дом своих коллег. Соня, естественно, их угождала. Частенько рядом с приготовленными ею изысканными блюдами на столе лежал керн. К нему

относились как к живому существу, его обнюхивали, тёрли, едва не лизали... и всё говорили, говорили, говорили... О месторождении, о бурении, о трудностях и перспективах геологических изысканий. Глядя на пробы, слушая бесконечные разговоры мужчин о работе, Софья чувствовала себя абсолютно лишней. Словно её предназначение только в том и состояло – накормить. Понятно, что обязанность большинства женщин того поколения заключалась в том, чтобы «обслужить» мужа и воспитать детей. Но её такое положение не устраивало.

...Квартира Липявко находилась в 25 метрах от моря. Выросшую на равнине Софью восхищало всё: дыхание огромной массы воды в штиль или стремительные накаты волн в бурю; живописнейшие прибрежные места, сопки, покрытые стелющейся кустарниковой зеленью, богатейшая и красивейшая земля! Местные жители называли её вторым Закарпатьем. Недаром оно находится с Южно-Сахалинском на одной широте и имеет одинаковый климат – субтропики. Но самым поразительным были всё-таки не природные красоты, а люди. Удивительные! Потрясающие красивые! С особым даром гостеприимства, честностью, высокой духовной культурой. В городе (не в деревне!) квартиры не имели запоров. Зачем? Воровства-то не было. Привычные для творческих коллективов интриги, «подковёрная» борьба за место под солнцем или должность – отсутствовали. Возможно, объясняется это тем, что после изгнания японцев освобождённую территорию стали заселять ленинградцы – в основе своей люди культурные, образованные, порядочные. И все последующие годы город на Неве присыпал в этот регион выпускников своих вузов, лучших представителей молодёжи, которые и заложили здесь добрые традиции бытия.

Одиночество в личной жизни Соня «топила» в работе. Она развила такую бурную деятельность, что Дом культуры ожил. В его стенах зазвучали выступления поэтов, любителей авторской песни, музыкантов и художников. Она сумела сплотить вокруг себя творческое ядро, состоящее из работников библиотек, педагогов и... пищевиков, объединив их в литературные и поэтические клубы. На «заседания» этих клубов приходили жители межрайсовых домов отдыха. То есть моряки, месяцами живущие в ожидании окончания ремонта судна, к которому приписаны. Предстояло организовать и заполнить их свободное время, направить интересы во благо развития личности. И у них это неплохо получалось. «Музыкальная пятница», «Литературные вечера», «Вечер вопросов и

ответов»... Формы работы использовали и придумывали самые разные. В клуб тянулись не только рабочие и моряки, но и представители местной интеллигенции, которые тоже нуждались в культурном общении. Темы мероприятий возникали с учётом интересов посетителей. Возможно, кому-то теперь это покажется наивным, но именно во второй половине двадцатого века, особенно в 60–80-е годы люди были более активными, более требовательными к организации своего досуга. От работников культуры ждали не просто развлечений, но заполнения свободного времени полезными делами. И те не оставляли без своего внимания ни моряков, ни рыбаков, ни их семьи. В городе заработали женские клубы, стали проводить коллективные дни семейного отдыха. Была разработана специальная программа «В клуб – всей семьёй», в которой принимали участие дети, мамы, бабушки. Мероприятия проходили настолько интересно, что в Доме культуры не хватало мест для всех желающих. Что постепенно становилось проблемой для директора.

…До сих пор Софья Васильевна вспоминает об этом периоде с любовью и теплотой.

А потом заболел ребёнок. Пневмония… Врачи порекомендовали родителям немедленно сменить климат. Юрий Дмитриевич списался с друзьями, и его пригласили на север Тюменской области, в Сургут.

Сургутские дебюты

Итак, Сургут. Старый аэропорт в микрорайоне геологов… Ноябрь 1967-го… Белый-белый снег. Морозно. Счастливый муж (он раньше уехал в Сибирь) встречает Софью и ребёнка… «приятными» новостями: квартиры нет, поживём у друзей. Потрясло, однако, не это, а то, что предстало перед взором… Город, похожий на деревню. Деревянные дома в районе геологов и рыбоконсервного комбината – серые, убогие, неказистые. Даже шапки снега, под которыми скрывались крыши, не облагораживали их. Лица прохожих – озабоченные, угрюмые, безрадостные… Сразу подумалось: «Куда приехала?». Невельск остался сказкой.

Через несколько дней страна встречала очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Собрались друзья, коллеги. Но не веселились. Вновь одни разговоры об открытии месторождений, бурении, перспективных площадях… Ни о литературе, ни об искусстве, ни о музыке – ни о чём подобном здесь никто не говорил. И мужчины, и женщины словно зациклились на теме геологии.

Багаутдиновы (хозяева трёхкомнатной квартиры) выделили чете Липявко одну комнату. Жили дружно. Софья водила сына в детский сад, готовила еду, убирала в квартире, мыла полы, ходила в магазин за продуктами... Этот её «общеполезный» труд всех устраивал. Всех, кроме неё самой. Однажды решила сварить тройную уху. На Сахалине из рыбы она готовила множество вкусных блюд. Купила окуней и... начала их чистить, как горбушу. Исколола и разодрала руки до крови, но обед приготовила. А когда друзья увидели её израненные пальцы, удивились и посмеялись: кто ж окуней для ухи чистит?!

...В какой-то момент Софья почувствовала себя домохозяйкой. В 26 лет это показалось оскорбительным. Она была выброшена из привычного ритма бытия, как рыба из воды. Её угнетали потребительские разговоры женщин в убогом, с запылёнными полками магазине, вызывали оскомину геологические дела, домашние обязанности. Софья начала задыхаться от бытового однообразия. И... плакать. Три месяца глаза не просыхали. В голове постоянно колотилась мысль: «Зачем он (Юрий то есть) меня сюда привёз?!».

Наконец Багаутдинов (заметьте: не муж, а коллега) не выдержал:

– Может правда на работу пойдёшь?

Фраза прозвучала как сигнал к действию. Не дожидаясь, пока мужчины найдут ей место в геологии в качестве «подснежника» (работники её профиля в геологоразведочной экспедиции не требовались), пошла в городской отдел культуры. Недавно назначенная заведующей отделом Виктория Павловна Бастракова предложила Софье Липявко устроиться в городской Дом культуры методистом. Временно. В перспективе «светила» должность директора. Виктория Павловна не обманула. Прежнего руководителя сняли, как не справившегося со своими обязанностями.

А спрашивать с ними было действительно трудно. Одни танцы чего стоили! Каждые субботу и воскресенье в единственный культурный центр города стекались сотни молодых людей. Нефтяники приезжали на ГТТ в болотных сапогах, туфли – в авоськах. В раздевалке не хватало места для одежды. Её сбрасывали на пол. В зале – яблоку негде упасть! А когда музыка смолкала, начиналось столпотворение в раздевалке. Каждый раз приходилось вызывать наряд милиции, потому что у кого-то что-то непременно пропадало. Потом стражи порядка по три-четыре дня разбирались с заявлениями, а в выходные всё начиналось сначала. Соня решила: такая «работа» не для неё. Всё, что угодно, только не эти

разборки с административными органами. Однако полгода всё же пришлось поработать.

В первые же дни исполняющая обязанности директора Софья Липявко выяснила, что лишь трое, в том числе и она, – гражданские лица. Остальные 80 процентов творческих работников – условно-освобождённые, бывшие заключённые.

Танцевальный коллектив возглавляла женщина с лицом, похожим на печёное яблоко. Видимо, каждый день проживала втройне. Про себя Софья называла её «молодой старушкой». Эстрадный, духовой, хореографический, драматический коллективы… Кстати, Владимир (фамилию намеренно упускаем), руководитель духового оркестра, когда-то служил во внутренних войсках у Берии – трубач от бога. Когда Берию арестовали, оркестр расформировали и «разослали» по разным регионам. Владимир попал в Сургут. Его жена – Октябрину Игнатьевну в Доме культуры числилась завхозом, но делала всё, что требовали обстоятельства. Заведовала костюмерной, в нужный момент могла собрать оркестр (муж, как правило, был не в «форме»), привезти нефть для котельной, которая обеспечивала ДК теплом, заменить пьяного кочегара… Бывшая фронтовичка имела боевые ордена и медали. Она не знала, где её обязанности начинаются, а где заканчиваются, воплощала собой ту силу, которая позволяла Софье Липявко заниматься непосредственно творчеством. Решение всех хозяйственных вопросов Октябрину Игнатьевну брала на себя. И до такой степени доработалась, что дети не выдержали постоянного маминого отсутствия. Продали корову, купили билеты и улетели на Украину к бабушке. Однажды женщина пришла с работы – ни детей, ни коровы…

Заменить условно-освобождённых некем. Людей в город прибывало много, а специалистов культуры в Сибирь не привлекали даже северные надбавки. И всё-таки постепенно новое начальство стало освобождаться от бывших зэков. В микрорайонах подрастали будущие культурные центры. У нефтяников появился кинотеатр «Рубин», который служил одновременно и клубом. Возглавила его Тамара Ивашко. В моду вошли вокально-инструментальные ансамбли (ВИА) во главе с Владимиром Кореневым, Салаватом Гумеровым. В городском Доме культуры сложился творческий коллектив достаточно высокого профессионального уровня, который начал внедрять новые для Сургута формы: сахалинские «музыкальные пятницы», вечера отдыха для молодёжи, для ве-

теранов. В орбиту общественной жизни города включились педагоги музыкальных школ во главе с Екатериной Лоншаковой.

Искать и не сдаваться

Годы летели, как во сне. Софья снова жила любимым делом. Но вскоре Юрия Дмитриевича Липявко направили в Нижневартовский район. И она, естественно, отправилась за мужем. В небольшом посёлке Ваховске стояла полевая экспедиция. Связь с Большой землёй – только вертолёт. Летом по реке можно добраться до районного центра. Условия – более чем «комфортные»: спальная комната, столовая, кадка для воды, печка с дровяным отоплением. Каждый день приезжала водовозка… Глухомань! Связь с миром осуществлялась через приёмник.

Юрий Дмитриевич по-прежнему был отягощён своими делами. Считал, что его заработка вполне хватает для жены и ребёнка, поэтому женщине не следует искать для себя заделья. Её предназначение – воспитание сына, содержание дома, забота о муже. Даже если она красива и талантлива. Великолепный специалист в геологии – он чувствовал и знал всё, что творится на тысячеметровых глубинах под землёй, вокруг скважины, на буровой, но не мог или не хотел видеть и понимать другого, не менее важного – как живёт его половинка. Созерцать всё это каждый день Софье было обидно и тяжело. Жизнь, между тем, шла своим чередом.

Бытовую ношу Софья взвалила на себя и понесла через дни, месяцы, годы. Да не просто понесла, а с улыбкой. Научилась и квартиру «пробивать», и места для сына в детском садике добиваться, к школе его подготовить, и путёвку выхлопотать в пионерский лагерь, и билеты доставать на самолёт (в те годы в летний период это было архисложно). Юрий Дмитриевич этого даже не почувствовал, и искренне удивлялся, почему жена придаёт так много значения делам хозяйственным, почему огорчается, да ещё и требует от него чего-то особенного. По-другому не должно быть, ибо «кесарю – кесарево…». Не сразу, постепенно Софья смирилась с требованиями мужа и не стала ему докучать своими проблемами.

…Для жителей Ваховска главный интерес составляли геология и бурение. Но помимо буровиков, геодезистов, геофизиков, транспортников, механиков в посёлке находились их семьи. К тому же мужчины работали в основном вахтами: неделя – на буровой, неделя – дома. Как они проводят свободное время – никого не интересовало.

Софье Липявко немного времени понадобилось, чтобы разобраться в ситуации. Официально её оформили в экспедицию геодезистом, фактически – работала заведующей библиотекой. Как человек неравнодушный, не могла смириться с убогостью. Навела порядок в помещении, пополнила фонды новыми изданиями. Люди за книгами стояли в очереди. В поселковом Доме культуры директора не было. Так Соня и туда добралась. Умея красиво рисовать, оформила помещение рисунками и плакатами, стала вести танцевальный кружок, организовала хор. Сама музыкантом не была, но принципы работы дирижёра знала. Создала фольклорный коллектив. Впоследствии на районном фестивале народного творчества в Нижневартовске её инициатива получила высокую оценку. В результате несколько номеров в исполнении самодеятельных артистов из Ваховска вошли в программу окружного фестиваля, посвящённого юбилею Великого Октября.

Софья сама находила себе работу. Заметив активную позицию молодой женщины, её избрали секретарём комсомольской организации экспедиции. И вскоре она стала «хозяйкой» посёлка. Да ещё какой! Увидев однажды на Большой земле поциальному телевидению «Голубой огонёк», тут же организовала в Ваховске нечто подобное. А когда на экраны вышла передача «От всей души», которую вела Валентина Леонтьева, буквально влюбилась в неё и поистине «выпестовала» в себе образ обожаемой ведущей. В посёлке геологов стали проводить «огоньки» для ветеранов, молодёжи. Затем – вечера на темы песен известных в стране композиторов и поэтов, проводы в армию, чествование передовиков производства. И всё это – «От всей души» Софьи Липявко. Она сама рисовала пригласительные билеты, комсомольцы их распространяли, закупали продукты (чай, печенье, конфеты). Вечера проходили в единственной столовой. Парни и девчата во главе с Софьей накрывали столы на 100–150 человек, проводили мероприятие, а когда все участники расходились, убирали, мыли посуду, пол, чтобы к утру столовая могла принять рабочий люд на завтрак.

В составе комитета комсомола числилось девять человек. К уборке привлекали и неорганизованную молодёжь. Конечно, не всем нравился заключительный акт вечеров, но секретарь комитета комсомола была строга: если не мы, то кто же? И первой включалась в работу, лихо орудя шваброй. Домой уходила последней.

Однажды в посёлок приехали представители центральных газет –

«Московского комсомольца» и «Известий». Посмотрели поселковую программу «От всей души» и оценили:

– А ведь здорово! Можно прямо отсюда трансляцию вести.

Комplимент приняли с восторгом, но и только...

А вот отчёт комитета комсомола Ваховской экспедиции Софии Липявко секретарь райкома партии Сергей Дмитриевич Великопольский оценил. Он рекомендовал использовать опыт его работы в других населённых пунктах. Действительно, учиться было чему. В отчёте прозвучало не только привычное: сколько молодёжи поставлено на учёт, сколько взносов собрано. За год комсомольцы и молодёжь посёлка построили стадион, организовали «бюро добрых услуг», в обязанности которого входило заготавливать и колоть дрова, сложить поленницу старикам, забрать из детского сада детей. Вокруг вертолётной площадки посадили деревья, чтобы её не так сильно заметало снегом, регулярно заливали каток для подростков, высадили рябиновую аллею от «вертолётки» до посёлка, провели озеленение улиц, построили и облагородили спуск к пристани...

Как-то, возвращаясь с работы, коллеги спросили у главного инженера экспедиции Юрия Дмитриевича:

– Вы ничего не замечаете?

– Что я должен заметить? – удивлённо пожал плечами Липявко.

– Смотрите, какие «сады» появились с помощью вашей жены!

А он и правда не заметил...

Комсомольцы организовали полноценную работу Дома культуры. Сами оформляли декорации. К примеру, придумала Софья литературно-музыкальную композицию «Светёлка» – так ребята построили специальный сценический домик, вырезали наличники, сделали всё, что требовалось. Члены комитета во всём поддерживали своего вожака. А она придерживалась девиза: каждому комсомольцу – комсомольское поручение! Интересно жили, дружно, радостно.

Юрий Липявко, между тем, получил новое назначение. На сей раз в Главтюменьгеологию. Судьба сделала очередной виток, приближая нашу героиню к тому этапу, где с наибольшей полнотой проявились её организаторские способности, творческий потенциал. И то, чем её изначально одарила природа. Своебразным перевалочным пунктом на этом пути стала Тюмень.

Набор высоты

Квартиру в Тюмени получили сразу. Юрий, как и прежде, ушёл с головой в свои геологические заботы. Софье предложили должность заведующей методическим кабинетом областного управления культуры. Пришлось окунуться в доселе неведомую работу. Начала с командировок по районным глубинкам – Ишим, Голышманово, Ярково, Нижняя Тавда, Селькуп, Уренгой... Объездила практически всю территорию области, используя каждую возможность побывать в городах и сёлах. Особенно часто приходилось выезжать с бригадой облисполкома. Вывод оказался плачевным: в сельских районах – духовный застой, коллективы художественной самодеятельности существовали только в районных центрах, фестивали народного творчества проводились бессистемно, досуговая работа с различными социальными группами отсутствовала или находилась в зачаточном состоянии... Но больше всего её поразило отношение к своему делу сотрудников культурных учреждений. У них не горели глаза! И тогда, засучив рукава, она стала писать методические рекомендации, сценарии вечеров, организовала учёбу – районные, окружные, областные семинары. Разбудила «спящее царство» своих коллег. Всё закрутилось, завертелось вокруг неё, впрочем, как всегда.

И вновь очередной перевод супруга. В знакомый уже Сургут.

…Шёл 1974 год. Возвращение в стремительно растущий город произошло уже в должности заведующей отделом культуры. В распоряжении Софьи Васильевны – городской Дом культуры (недавно сгоревший), две библиотеки (для взрослых и детей), кинотеатры «Октябрь» и «Рубин» (куда билеты продавали в качестве поощрения за хороший труд), ДК «Строитель», ДК «Геолог». Более-менее стабильные творческие коллективы можно было сосчитать по пальцам одной руки. Конечно, кадры имелись, но они в основном концентрировались в учебных заведениях, а в клубных учреждениях специалистов подобного уровня не наблюдалось. С чего начинать?

…Март на севере – ещё зима. Морозы – иногда за тридцать. Но солнце веселилось, снег излучал ослепительное сияние, согревая душу надеждой на скорое возвращение тепла. Софья Васильевна шла на встречу с секретарём горкома партии Евгенией Ивановной Калентьевой и думала о том, как убедить городские власти в очевидном: решить кадровую проблему в сфере культуры. Как?!

Беседовали они недолго, результат не замедлил сказаться: на самом высоком уровне приняли положительное решение. Специалистов пригласили из Харькова. Их оказалось немного: режиссёр Александр Монастырский, балетмейстер Рафаил Карасёв, вокалисты Нина Карасёва, Гарий Казаченко, Эмиль Пыркэлаб, танцоры Владимир Стрельченко и Владимир Ермаченко.

Пригласить несложно. Изначально это решение властей выглядело авантюрой. Ведь всем пообещали квартиры, а в те годы главной проблемой являлось именно жильё. Люди ютились в балках и вагончиках, в «курятниках»-самостроях, по несколько семей жили в благоустроенных квартирах! Очерёдность контролировали со всех сторон. Но лазейку всё же нашли: из фонда горисполкома выделили в долг тресту «Сургутгазстрой» несколько квартир с тем, чтобы при следующей сдаче домов тот вернул их обратно. С точки зрения юристов – это оказалось возможным. С точки зрения культуры – необходимым. С точки зрения будущего – правильным. Риск оправдался. Уже через семь месяцев после приезда специалистов создали творческую программу «Есть такой город – Сургут!», которая ошеломила сургутян, делегатов партийных конференций всех уровней. С ней же впервые выступили на ВДНХ, завоевали симпатии москвичей. Столица узнала, что есть такой город – Сургут! И что он значит не только в масштабах Сибири, но и всей Советской державы.

Это стало очень крупной стратегической победой в кадровой политике промышленного города, перед которым правительство ставило крупномасштабные задачи государственной важности: нефть – любой ценой! И всё остальное, что обеспечивало её добычу – электроэнергия, строительство, разведка... – тоже в первую очередь.

Софье Васильевне с большим трудом удалось повернуть внимание власти предержащих к проблемам культуры. По кирпичику, вместе с коллегами закладывала она фундамент под сегодняшнее «здание успехов» Сургута на мировом поприще.

В городе в рамках Всесоюзного музыкального фестиваля «Тюменский меридиан» ежегодно проходили встречи артистов, композиторов с трудовыми коллективами. А в 1980 году его открытие состоялось в Сургуте. Город принял более 250 артистов, музыкантов, других деятелей культуры и искусства. Насколько сложно это было сделать, знают только непосредственные участники памятных событий. Ведь городской гостиницы тогда ещё не существовало. А, как известно, каждому «народному» и «заслуженному» требовались и условия проживания повышенного уровня, и персональная машина, и многие другие «особенности», которые сейчас воспринимаются, мягко говоря, со снисходительной улыбкой...

Председателем оргкомитета того фестиваля был Максим Дунаевский, ныне известный композитор. Он абсолютно не знал ни города, ни его жилищных и транспортных проблем. Поэтому все они достались Софье Васильевне Липявко. Однажды разгорячившись, спросила:

– А чем же занимается оргкомитет? Почему все вопросы – ко мне? И решаются они только после непосредственно моего звонка или письма?!

Тот беспомощно развёл руками:

– У гениев на детях природа отдыхает.

Объяснение получено, но легче от этого не стало.

Примерно так же (в организационном плане) проходили Декады творческих отчётов Союза театральных деятелей, Союза кинематографистов, Союза писателей и пр. Исключение составил только Союз художников. Под руководством секретаря Союза Германа Черёмушкина все мероприятия готовились тщательно, как в плане проведения творческих лабораторий, так и встреч.

При Софье Васильевне и с её подачи организовывали выставки художественного творчества и прикладного искусства ведущих мастеров

всех республик. Регулярными стали творческие отчёты музыкальных школ. Причём не только учащихся, но и педагогов. Впоследствии они объединились в сводный оркестр народных инструментов, в камерный оркестр...

Липявко обязала всех педагогов музыкальных школ «ходить на хор» (очевидцы помнят, как лихо произносила она эту фразу). Таким образом, возродилась городская хоровая капелла. Затем пошли дальше: культуру в массы надо нести, начиная с детских садов и общеобразовательных школ.

Понятно, что многим подчинённым не нравились её нововведения. Тогда Софья Васильевна заинтересовала педагогов материально: каждому, кто примет участие во внеклассной работе, разрешат иметь от полутора до двух ставок. В результате учащиеся школ, ребятишки в детских садах получили возможность слушать музыкальные лектории.

Вскоре возникла идея о программе эстетического всеобуча. Разрабатывали её вместе с заведующей гороно Зинаидой Николаевной Сидоровой и председателем спорткомитета Олегом Главизниным. Это была система, которая включала в орбиту совместной деятельности педагогов музыкальных школ и музыкального училища, руководителей всех творческих коллективов, библиотек, музея. Город разбили на районы с центрами в домах культуры. Чётко расписали, кто и за что отвечает, составили расписание. Каждую субботу во всех 22 средних школах проводили воспитательные и оздоровительные, музыкальные, театральные, литературные мероприятия. «Детище» Софьи Васильевны впоследствии одобрила коллегия Министерства культуры. Правда, в начале 90-х годов (уже после отъезда Липявко из Сургута) идею «похоронили» под обломками рухнувшего здания социализма...

Находит тот, кто ищет

Софья Васильевна умела в толпе разглядеть «горящие глаза», привлечь к своему делу талантливых, преданных культуре людей. Что позволяло каждый год брать всё новые и новые высоты.

В начале 80-х годов в округе решили провести фестиваль народного творчества. На заключительном этапе он принял поистине грандиозный размах. Города и районы соревновались по системе «Веер». Сургуту выпал жребий выступить с отчётным концертом в Нефтеюганске. Все культурные учреждения города старались попасть в программу, а её следовало представить в едином режиссёрском решении. Между глав-

ными специалистами в области культуры началась конкуренция за участие своих творческих коллективов, готовая перерасти в конфликтную ситуацию.

Создали оргкомитет. Его возглавил секретарь ГК КПСС Владимир Трифонов. Номера, представленные для отбора, были настолько профессионально подготовлены, что Софья Васильевна даже растерялась. Хотелось показать самое лучшее, но его оказалось так много! И она рискнула – взять как можно больше! Получились две полторачасовые программы. Одну режиссировали Александр Монастырский, Рафаил Карасёв, Яков Черняк, вторую – Альбина Дулова и Индар Хейшхо.

В Нефтеюганск выехали на 12 автобусах 900 человек! На переправе (автомобильного моста ещё не было даже в проекте) всех высадили. Начался великий переход через Обь. Людской коридор растянулся на всю двухкилометровую ширину реки, от берега до берега. А когда добрались до концертного зала, выяснилось, что зрителей в нём вмещается в три раза меньше, чем приехавших артистов. Поэтому переодевались в автобусах. Концерт длился четыре часа! Гром аплодисментов! Каждое выступление во всех отношениях выглядело неповторимо...

Не только вопросы культуры и её развития приходилось решать заведующей городским отделом Софье Васильевне Липявко. С этим, как профессионал, онаправлялась достаточно легко. Сложнее было с тем, что непосредственно к сфере культуры вроде бы не относились. Например, с «выбиванием» транспорта для поездок по району, в окружной или областной центры, где сургутские творческие коллективы выступали на партийных конференциях, фестивалях, в дни календарных праздников. До Ханты-Мансийска в те годы дороги не существовало. Летали на самолётах. Поэтому Софье Васильевне приходилось каждый раз обращаться к кому-то из руководителей промышленных предприятий за помощью, чтобы оно либо оплатило поездку, либо предоставило вертолёты для отправки артистов на концерт в окружной центр. К сожалению, «бедная культура» никогда не имела на эти цели средств. Прибавьте сюда расходы на пошив сценических костюмов, оплату за гостиницы, питание...

Масса времени уходила на всякого рода согласования и деловые переговоры! Тут главную роль играли личные взаимоотношения с руководителями крупнейших предприятий города. Среди них управляющий трестом «Запсибэлектросетьстрой» Игорь Киртбая, заместитель генерального директора объединения «Сургутнефтегаз» Григорий

Кукуевицкий, начальник УБР-1 Юрий Цареградский, командир объединённого авиаотряда Роман Марченко, генеральный директор объединения «Обынефтегазгеология» Виктор Пархомович, генеральный директор «Сургуттрансгаза» Леонард Рафиков, заместитель управляющего трестом «Сургутнефтепромстрой» Олег Саруханов, управляющий трестом «Сургуттрубопроводстрой» Геннадий Рубанко... Помогая отделу культуры, они зачастую в прямом смысле рисковали. Или шли на должностные нарушения. Тем не менее «входили» в бедственное положение сферы, которая всегда финансировалась по остаточному принципу. Этих людей по праву можно назвать первыми меценатами города.

Конечно, и отдел культуры по первому зову откликался на просьбы своих покровителей. Работали в тесном контакте с отраслевыми профсоюзами, с руководителями промышленных предприятий и их заместителями, которые несли ответственность за культурно-спортивные комплексы, помогали тем, кто не имел собственных ведомственных учреждений культуры.

Как-то среди ночи позвонил Геннадий Иванович Рубанко и попросил срочно организовать для своих «орлов» (так он называл сварщиков) «Огонёк». Оказывается, трассовики закончили сварку последнего участка нефтепровода Уренгой – Помары – Ужгород, и завтра должна состояться сварка «красного стыка» (последнего). Пуск объекта ожидала вся страна. Ввод его в эксплуатацию означал огромную трудовую победу.

– Вечером прилетим в Сургут на вертолётах, – прозвучало в трубке. – Ты уж, Софья Васильевна, постараися сделать всё потеплее, чтоб мои герои с жёнами по первому разряду смогли отдохнуть.

А в конце добавил:

– Вечер вести будешь ты, а я рядом с тобой, мы про них всё расскажем... как следует... Не волнуйся!

Никакой информации о своих «орлах» руководитель не дал: ни имён, ни фамилий передовиков. За восемь часов (!) предстояло узнать о судьбе и жизни более ста «орлов» с семьями. Неимоверными усилиями с помощью кадровиков выяснили их адреса, места работы жён, другие необходимые сведения, чтобы и впрямь получилось от всей души для каждого «орла» и его «орлицы».

И ведь успели! Вместе с Альбиной Дуловой – директором Дворца культуры и техники «Нефтяник», Ольгой Зыряновой, Валерием Исаковым набросали сценарий «экспериментального» вечера, включи-

ли в него несколько сюрпризов, и в стиле Валентины Леонтьевой прошли программу «От всей души». Благо опыт уже имелся...

В водовороте дел, проблем, забот

...Иногда в ходе решения организационных проблем ситуация принимала поистине комические формы. Как-то предстояло лететь в Ханты-Мансийск на окружную партийную конференцию. Горком и горисполком средств на эти цели, как обычно, не имели. А 70 процентов концертной программы, которая становилась заключительным аккордом окружного партийного форума, представлял Сургут. Пятьсот участников предстояло увезти в аэропорт, и оттуда отправить к месту назначения. Требовалось снять с рейсов восемь автобусов для людей и аппаратуры. Два самолёта в течение дня должны были вывозить артистов «туда и обратно». Заметьте: бесплатно! Кто возьмёт на себя все расходы – должна найти и договориться Софья Васильевна.

Сила убеждения в подобных случаях у неё проявлялась просто потрясающая. Она имела контакты с нужными людьми (а ведь все они были ой какими разными!), могла уговорить кого угодно, находила нужные слова, улавливала настроение, умело вставляла шутки... и в результате добивалась своего. Понятно, что уважение к ней базировалось не только на её личном обаянии, но и на умении чётко обозначить цели, убедительно изложить проблемы, которые требовали незамедлительного решения. Она была, может быть, единственным на тот период административным работником, кто заботился о расширении культурного пространства на фоне решения сложнейших, первоочередных экономических задач.

Оплату авиарейсов чаще других гарантировали Рубанко и Киртбая (имели лимиты на авиацию). И вот артисты приехали в аэропорт. Отправили один борт в Ханты-Мансийск, другой... и вдруг перевозку остановили. Начались переговоры.

Липявко: – Почему не отправляете рейсы?

Диспетчер: – У треста «Запсибэлектросетьстрой» лимит по вылетам исчерпан.

– А что это такое – лимит по вылетам?

– Спросите у управляющего трестом Киртбая...

Звонок Киртбая: – Игорь Алексеевич, вы в курсе, что у вас лимит по вылетам закончился?

– Спасибо, что сообщила...

– У меня 400 человек в аэропорту сидят, ждут отправки!

– Сонечка, я всё для тебя сделаю, но... только ты сама можешь договориться с первым секретарём ГК КПСС, а он, в свою очередь пусть переговорит с нашим министром, чтобы... тот добавил лимиты.

Пошла... к первому секретарю. Григорий Михайлович Голощапов, человек далёкий от культуры, отфутболил её к секретарю горкома по идеологии Владимиру Михайловичу Трифонову. Тот, хотя по долгу службы и был обязан оказать помощь заведующему городским отделом культуры, недовольно проворчал:

– Всё на меня вешаете! Как такое могло случиться?!

– Я впервые услышала про лимиты. Если мы сегодня не улетим, сорвётся предъездовская концертная программа.

– А что я сделаю?!

Выскочила из кабинета, направилась ко второму секретарю горкома партии – Александру Владимировичу Чинчевичу. Тот курировал вопросы промышленности. Был человеком коммуникабельным, умел по деловому контактировать с руководителями крупнейших предприятий города. Договорился...

Вот на таком уровне решались в те годы проблемы культуры.

Примерно так же сложились дела и в ту пору, когда сургутские артисты поехали в Москву на первый Всесоюзный фестиваль самодеятельного творчества в 1980 году. Среди городов областного подчинения наша делегация заняла первое место по количеству лауреатов – 120 человек! Ни один город бывшего Советского Союза не имел таких результатов!

...Софья Васильевна Липявко руководила сферой культуры города почти 15 лет. Перечислить всё, что непосредственно ею либо с её участием заложено, сделано, получило дальнейшее развитие, невозможно! Одна постановка оперетты «Сильва» чего стоила! Дирижёр и постановщик спектакля Нина Несмачная потребовала привлечь в симфонический оркестр самых лучших музыкантов города. А чем их привлечь, если в принципе постановка по знаменитому произведению Имре Кальмана осуществлялась на общественных началах? Репетиции после завершения рабочего дня на основном месте службы (где музыканты получали заработную плату) затягивались иногда допоздна. А завтрашний рабочий день никто не отменял. К тому же у каждого имелась семья. Но идея так захватила! Всех! И Софья Васильевна шла, разго-

варивала с лучшими музыкантами, убеждала, доказывала... Со всеми. На кого указывала Нина Ивановна Несмачная, считающая, что именно тот или иной преподаватель музыки сможет войти в состав первого симфонического оркестра Сургута. И ведь согласились репетировать бесплатно!

Второй серьёзной проблемой стала сцена. Её требовалось освободить для участников оперетты. Но ведь «Сильва» – лишь часть программы в работе Дворца культуры. Где заниматься другим творческим коллективом? И тут снова приходилось вмешиваться Софье Васильевне,

чтобы «потушить» конфликты. Она частенько служила «буфером» между обиженными и обидчиками. Желание создать в городе нечто особенное, никому доселе не подвластное горело и в ней. К тому времени уже озвучили статистические данные о том, что многие специалисты во всех отраслях промышленности, прибывшие из театральных городов России, готовы уехать назад только потому, что их жёны не могут и не хотят жить «без духовной пищи». В нефтяных городах не хватало серьёзного искусства, профессиональных музыкантов, художников, артистов... Оперетта могла бы подать надежду и придать уверенность в том, что и на этой суровой земле, в сугубо рабочем городе в частности, возможны и театр, и симфонический оркестр, и художественные выставки профессионалов... Нужно только не терять надежду. И чуть-чуть побольше поработать на развитие культурного пространства. Всем вместе.

Этот действительно очень значимый для Сургута рубеж был взят. Город стал центром не только народного творчества, хореографии, но и классической музыки.

...Помимо своих непосредственных обязанностей теперь уже заведующая городским управлением культуры Софья Васильевна Липявко активно занималась общественной работой. Она была народным депутатом четырёх созывов, шесть лет возглавляла партийную организацию при горисполкоме, куда на каждое партийное собрание приходил и первый секретарь ГК КПСС. Будучи председателем депутатской группы, вела приём граждан. Заниматься всеми этими делами мог только человек авторитетный, уважаемый, явный лидер.

Во многом благодаря заложенному именно в те годы фундаменту, город имеет сегодня: колледж русской культуры имени Знаменского, школу искусств, дворцы и кинотеатры, другие объекты культуры. Депутатская группа, которую возглавлял Гарольд Давидовский, а фактически все вопросы готовил отдел культуры, занималась и этим. Грамотно подготовленные документы к очередному заседанию горисполкома помогали достигать поставленных целей. В уста весьма авторитетных и уважаемых людей (Гарольда Давидовского, Александра Пушкина, Олега Саруханова) Софья Липявко вкладывала свои замыслы, чтобы они озвучивали озабоченность творческой интеллигенции перед депутатами городского Совета. Благодаря этому удалось добrotно подготовить соответствующую почву и засеять её жизнестойкими семенами, всходами которых пользуются теперь новые поколения сургутян.

...В 80-х годах начался бум видео. Сначала бытовые магнитофоны появлялись в редких семьях. Заграничные фильмы, записанные на видеокассеты, смотрели при закрытых дверях, тайно. Ибо статья 228 УК РСФСР гласила, что за распространение порнографических фильмов, а также видеолент, пропагандирующих насилие и жестокость, следует наказание в виде лишения свободы сроком до трёх лет. Тем не менее, несмотря на строгость наказания, видеопиратство получило широкий размах. В московской «Горбушке» можно было купить любую новинку. И покупали. И привозили в Сургут. И смотрели.

Во время перестройки появилась свобода выбора. Видео перевернуло всё представление о том, как живут наши идеологические враги за «железным занавесом». В микрорайонах города стали открывать видеосалоны, видеоклубы, видеодискотеки, дискоклубы. Чтобы обеспечить разнообразие в этих новых культурных заведениях и удовлетворить потребности посетителей, у населения скупали или брали на прокат кассеты. Но те, кто контролировал идеологию, не могли позволить свободного доступа к просмотру всего, что имелось у сургутян.

Олег Абрамович Саруханов, зам. председателя горисполкома, курирующий культуру, сказал Липявко:

– Создайте комитет по отбору видеокассет. Прежде чем показывать фильмы в видеосалонах, их должны просмотреть члены этой комиссии. И не забывайте: нельзя показывать порнографию, эротику – можно.

Но... кто квалифицированно мог с твёрдой уверенностью сказать, где одно, а где другое? И чем они между собой отличаются? Даже расхожий анекдот на эту тему не вносил ясности: приходит Петяка к Василию Ивановичу и спрашивает: «Что такое эротика?» – «Эротика, – отвечает тот, – это когда на порнографию сил не хватает». Тем не менее комиссию создали. Кроме Липявко в неё вошли Ирина Сердюкова, Людмила Сахно, Наталья Джужома (из управления культуры), представители от комитета по образованию, горкома комсомола, правоохранительных органов. За день предстояло отсмотреть 5–6 кассет. Естественно, непосредственной работой заниматься было некогда.

Софья Васильевна не позволяла себе такую роскошь. Слишком много дел. Тут не до просмотров. Однако члены комиссии так и не смогли разобраться, где кончается эротика и начинается порнография. Пришлось обратиться за помощью к людям сведущим. У Сергея Маслова, бывшего сотрудника управления культуры (теперь он крупный бизнесмен), имелась прекрасная домашняя виде-

отека. Софья Васильевна попросила его дать консультацию и объяснить, что должна рекомендовать комиссия для просмотра видеокассет молодёжи.

Собрались. Посмотрели. Испытали при этом жуткую неловкость друг перед другом. Больше Липявко на просмотр не пошла... А члены комиссии хоть что-то поняли после этого. Видеосалоны в городе все-таки открылись.

Предварительные итоги... Жизнь продолжается

В конце 80-х трудовая деятельность Софьи Васильевны Липявко завершилась. Произошло это уже на пепелище советской власти, которая её взрастила, воспитала, выпестовала, позволила подняться до весьма заметных вершин, оценила её творческий и организаторский талант, присвоив звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Между прочим, в нашем округе это звание среди женщин она получила первой. И первой же среди представительниц прекрасного пола в своей сфере деятельности её наградили знаком «За заслуги перед городом».

С тех пор как Софья Васильевна «вылетела из родительского гнезда» после окончания Нижегородского училища, вся жизнь её принадлежала вроде бы и не ей. Все годы она служила культуре. Профессионально вполне состоялась. Ей удалось подняться над суетливостью быта, пережить снискходительное отношение к делу своей жизни со стороны мужа Юрия Дмитриевича Липявко. Они всё-таки разошлись. Через 26 лет. Для неё он остался очень порядочным, умным, честным человеком.

– Такие рождаются один на тысячу, – призналась с горечью Софья Васильевна. – Юрий – большой специалист в области геологии, но для него главной и любимой «женщиной» всегда была буровая.

Сын Дмитрий закончил транспортный факультет Тюменского индустриального института и Московскую академию народного хозяйства при Правительстве России, факультет международных экономических связей. Работает по профилю второго образования. У него две дочери. Старшая – Алёна – закончила МГИМО, сейчас учится в магистратуре (международные экономические связи). Младшей Настеньке три годика. Сын вполне счастлив. Очень уважает и ценит мать, оказывает ей всяческую поддержку. Дмитрий Юрьевич внимательно относится к состоянию духовного наследия в стране. Часто выступает меценатом в реализации духовных, культурных проектов.

Заработав северный стаж, Софья Васильевна уехала в Закарпатье. Это место на земле выбрано не случайно. В жизни появился человек, который оценил её не только как хорошего организатора, прекрасного специалиста, пробивного человека, надёжного друга, но восторгается ею как женщиной. Алексей Ефимович предложил руку и сердце и свою безграничную любовь. Сам из Закарпатья, он договорился (нашёл такие убедительные слова) в управлении культуры областной державной администрации о месте работы для своей будущей жены. И её ждали. Целый год!

Когда она приехала в Закарпатье, увидела этот восхитительный край, то поняла, как устала от севера! И ещё от всякой «руководящей и направляющей», от бытового однообразия. Ей требовалась перемена. В какой-то момент даже стало интересно: а сможет ли она быть просто женщиной? Не руководителем, не лидером, а женщиной, которая купается в любви? И, конечно же, подспудно встал вопрос: сможет ли проявить себя и утвердиться на новом месте? «Оставить всё, и всё начать сначала» – на такое не каждый способен. У неё получилось.

Софья Васильевна по-прежнему живёт культурой, тем миром, где всегда пребывали её радости и горечения, гордость и слава, слёзы и нервы... Именно культура многие годы поглощала всё свободное время, но оставалась совершенно необходимой. Как дыхание. Как рождение ребёнка. Как любовь, без которой жизнь становится бессмысленной.

В Сургуте коллеги Софьи Васильевны с теплотой вспоминают о бывшем руководителе, с деятельностью которого связана целая эпоха в становлении и развитии духовного, эстетического, культурного пространства города. Она выполнила свою миссию перед Сургутом. По её стезе пошли другие – коллеги, ученики, сотрудники, заряженные её энергией, оптимизмом и постоянным стремлением к совершенству...

А сама она по-доброму завидует своим нынешним преемникам. И прежде всего тому, что на вершине городской власти стоят теперь руководители-интеллектуалы. От бывших партийных боссов их отличает внутренняя культура, умение ценить красивое, значимое, необходимое для духовно развитых людей. Они осознанно решают накопившиеся в годы «нефтяной лихорадки» проблемы. У них многое получается. И это искренне радует.

Софья Васильевна на определённом этапе «покорения» Западной Сибири сумела стать своеобразным трибуном на поприще культуры. Ведь в те годы весь люд Среднего Приобья находился в «рабочей спецовке». Тогда казалось, что, кроме работы, никому больше ничего и не надо, потому что она, эта работа, выжимала все силы, оттягивала на себя средства, внимание, знания... только на то, чтобы выполнить поставленные партией и правительством задачи по созданию уникальной валютной «копилки» государства.

...Когда-то Соня Козлова мечтала «делать праздники». Чтобы глаза людей светились, чтобы женщины преображались, чтобы музыка играла на струнах души, чтобы песни создавали настроение. Импульс, заданный в детстве матерью, всегда помогал жить и работать. И она благодарна **семье**, в которой воспиталась, **земле**, на которой выросла. То, что досталось ей от родителей, сохранила. Всё накопленное – отдаёт людям. Всегда аккуратна, со вкусом одета, энергична, импульсивна, весела. Женщина высокой культуры, которую она сама же по мере заложенных в ней дарований и возвращает. Чтобы продолжилось и не иссякало в человеке человеческое.

2009 год

Призвание – жить талантливо

Мудрецы утверждают: у каждого человека есть предназначение в Судьбе. Видимо, у Создателя было очень хорошее настроение, когда на свет появился Юрий Важенин. Он так щедро наделил его разными способностями, что впору завидовать. Коллеги и друзья отмечают его высокий профессионализм. Утверждают: «Умный, башковитый, во всём вникает досконально, целеустремлённый, решительный, ответственный, «генератор идей». А ещё порядочный, добрый, отзывчивый, щедрый, открытый... За что ни берётся, всё у него получается по самому высокому разряду. Видимо, на этих качествах и базируется главное призвание – жить талантливо.

К такому выводу я пришла после многих лет журналистской практики, неоднократно встречаясь с Юрием Ивановичем в самых разных ситуациях, читая о нём в газетах, слушая по радио, смотря телепередачи с его участием. А главное – осмысливая суть сказанного о нём коллегами – газовиками, соратниками по общественной деятельности, представителями властных структур.

Пожалуй, это единственный генеральный директор, про которого за все 15 лет его работы в этой должности я не услышала ни единого двусмысленного мнения. Честно! Допускаю: мне повезло, но всё-таки хочется верить, что так и есть на самом деле.

Коллеги из Риги прислали видеозапись латвийской столицы, дома, в котором некогда жил Юрий Иванович, корпусов института, где учился будущий генеральный директор. На мои вопросы ответили те, кто его хорошо знал. Естественно, не объять жизнь человека в одной публикации, но хотя бы с помощью штрихов к портрету, «нарисованных» разными людьми, попытаюсь представить многогранный образ современного руководителя из верхнего эшелона нашей экономики.

1.

Итак Рига... Уютный уголок некогда бывшей братской республики Советского Союза вписался в биографию Юрия Важенина десятью годами самого замечательного периода в жизни каждого человека – юности. Когда просматривала видеоматериал, на память невольно пришли слова давно забытой песни:

*Ночью, в тихих улочках Риги,
Слышиу поступь гулких столетий.
Слышиу века, но ты от меня далека,
Так далека, что тебя я не слышу...*

Вспоминал ли эту песню молодой специалист Юрий Важенин, когда приехал в Ивдельское линейно-производственное управление после окончания института, не знаю. Может, он её вообще никогда не слышал. Но слова песни сопровождали меня всё время, пока смотрела видеоряд, слушала интервью. Теперь в столицу бывшей Латвийской ССР выпускник Рижского политехнического института приезжает к матери и на встречи с бывшими сокурсниками. Здесь его помнят, любят, уважают.

Убедитесь сами.

Однокурсники:

– Он – настоящий!

– Немножко озорной...

– Когда Юрку избрали старостой группы, он выбивал стипендию, ходил в деканат... всегда заботился о ребятах. Такие люди, как он, – редкость.

– Юра мог договориться с любым человеком. Это проявлялось в нём уже в студенческие годы.

– Его отношение к преподавателям отличалось от других студентов. Наверное, он с этим родился.

– А мы с ним подрабатывали кочегарами в котельной театра «Русская драма», и даже иногда играли на сцене. Частенько, чтобы у родителей не сидеть на шее, разгружали вагоны. Всё было, как у всех студентов, но учился он легко и непринуждённо.

– Уже тогда чувствовалось, что наши староста – человек с серьёзным будущим. Так и получилось.

– Юра был лидером в группе с первого дня, и как был лидером, так и остался им по сей день.

Преподаватели:

– Группа была очень дружная, почти все успешно закончили институт. Я уверен – это заслуга треугольника: старосты, комсорга, профорга. Очень аккуратный, требовательный был Юрий. Выделялся среди всех.

– Наш вуз имеет почти 150-летнюю историю. Было время, когда его корпуса находились в 50 местах Риги, в том числе и общежития. Курировать группу на таких расстояниях было сложно. Но мне очень повезло, так как в этой группе был Юрий Важенин. Студенты ему почему-то подчинялись.

– Юрий умел и учиться и отдыхать. Под отдыхом я подразумеваю студенческий строительный отряд, который он организовал и возглавил. И этот отряд был на очень хорошем счету.

2.

Мать – Анна Ивановна Важенина – родилась и выросла в Латвии, всю жизнь проработала учителем математики. Женщина с несгибаемой волей, «железная леди» (это определение поддерживает и Юрий Иванович – единственный сын), пользовалась огромным авторитетом. Отец – Иван Михайлович – из Томска, служащий. После Великой Отечественной войны в Сибирь не вернулся, остался в Прибалтике. Здесь и женился. Родители были коммунистами, строго чтили моральный кодекс… который в своде нравственных правил не расходился ни с общечеловеческими ценностями, ни с Библией. Так и детей своих воспитали. В патриотическом духе.

По рассказам матери, читать Юрий научился в пять лет. В школу пошёл в небольшом латвийском городке Скрунде. Сразу же проявил тягу к математике. Из-за малочисленности в местных школах русских детей, учеников разных классов частенько объединяли. Поэтому в одной комнате подчас занимались одновременно учащиеся нескольких классов. Так вот, первоклассник Юра Важенин успевал кроме своего задания решать задачки и за третий класс. С детства проявлял упорство, всегда добивался поставленной цели.

– Что касается формирования характера, – дополнила сестра Светлана, – он в студенческие годы начал заниматься альпинизмом. А

там слабаков не держат. Юра не только брат, но и друг. Я считаю, мне здорово повезло. Он лучший брат на всем земном шаре! Благодаря Юре я и мир посмотрела, и здоровье могу поддерживать.

Находясь в едином экономическом и политическом пространстве советской державы, латвийская школа ничем не отличалась от обычных учебных учреждений шестидесятых годов прошлого столетия. Когда семья Важениных переехала в Ригу, жили в доме по улице Мукисалас, 9. Анна Ивановна уже имеет благоустроенную квартиру, но любит приезжать сюда, где прошли лучшие годы семейной жизни, когда ещё был жив муж, а дети – рядом.

В 2008 году Анна Ивановна отметила свой 80-летний юбилей. И, конечно же, из далёкой Сибири на торжество приехал любимый сын. Надо заметить, он каждый год (хотя бы на несколько часов!) приезжает к матери в день её рождения.

Отношение Юрия Ивановича к родителям, к семье – особенное. Об этом я узнала из беседы с его другом Леонидом Скворковским, генеральным директором ООО «Северавтотранс».

– Юрий Иванович научил нас по-особому относиться к своей семье. Отношение к родителям у него святое. Он просто человечище в этом плане!

День в неделю выделял на укрепление семьи. Что это такое? Это значит полностью посвятить семью. Убедил. Приняв его девиз, мы и у себя внедрили День укрепления семьи.

С отличием завершив учёбу в физико-математической школе, Юрий Важенин не менее успешно окончил Рижский политехнический институт по редкой тогда специальности «автоматизация теплоэнергетических процессов». В 70-е годы её можно было обрести только в семи вузах бывшего СССР. Группа, в которой он учился, стала первой, освоившей эту специальность в Латвийской Республике.

Среди студентов факультета Важенин был вторым по сумме баллов. Своё право выбора (по распределению за пределами Латвии имелось всего два места) он использовал, чтобы уехать на Север, в Ивдельское линейно-производственное управление Тюменьтрансгаза. Три года мотался по трассам, а в 1979 году перешёл в Сургуттрансгаз и уехал на Ортыягунскую компрессорную станцию № 2, которая расположена под Когалымом.

3.

В конце 70-х на территории Западной Сибири важнейшим стратегическим объектом для страны стал газопровод Уренгой – Сургут – Челябинск. Отечественной экономике, Европе требовалось дешёвое голубое топливо. Поэтому ускоренными темпами строили магистраль, компрессорные станции. И одновременно добывали и транспортировали газ. Катастрофически не хватало специалистов. Но дух энтузиазма в те годы царил буквально во всех сферах жизни. Труд строителей, наладчиков, эксплуатационников был поистине самоотверженным. Юрий Важенин вместе с другими пускал газоперекачивающие агрегаты, налаживал оборудование, системы контрольно-измерительных приборов...

Рядом с компрессорными станциями вырастали вахтовые посёлки. Жили в общежитиях барабанного типа. На восемнадцати квадратных метрах размещалось по восемь мужчин. И только пять семей-счастливчиков имели по отдельной комнате. Среди них – семья Важениных. Об этих годах Юрий Иванович вспоминает с ностальгией.

– Вторая компрессорная была и второй компрессорной станцией в моей жизни. Здесь я впервые прочувствовал себя как человек, как отец, как специалист. Здесь проходило становление моей личности. Был прекрасный коллектив, хорошие учителя. Я многому у них научился.

Приехал я туда в непростое время. Не хватало специалистов, становление коллектива только начиналось, а задачи приходилось решать очень серьёзные, важные для всей отрасли. Люди это понимали. Практически каждому было присуще высокое чувство ответственности. Каждый ощущал свою причастность к большому и нужному для страны делу. Это и было компенсацией бытовой неустроенности, житейских неудобств. Собственную значимость люди ощущали именно на рабочем месте.

Об этом периоде вспоминаю только самое хорошее: теплота взаимоотношений, ощущение чувства локтя. Мы жили как единый организм, один – за всех и все – за одного. В тех экстремальных условиях это было необходимо. Сейчас мало где сохранился тот дух, то настроение...

К суровому климату Важенин привык быстро. Ещё быстрее привык к северянам. Почувствовал с ними внутреннее родство. Вместе доводили оборудование до надёжного состояния, обустраивали быт. Отрабатывали сначала смену, а потом ещё... сколько необходимо.

И, заметьте, никто никого не заставлял, не подталкивал к проявлению самоотверженности.

Компрессорная станция – не просто место работы, это автономное маленько государство среди болот и тундры. Образ жизни здесь тоже особенный. И моральные ценности – как в деревне. Только с «сухим» законом, который соблюдают все. Зимой – морозы за 50 градусов, летом – тучи гнуса. На первых порах не было дорог, связи, не хватало жилья и... женщин. Кажется, оставалось только одно – работа. И всё-таки жили полнокровно. Успевали и «казеску» обустраивать, и аварии устранять (кстати, их в то время было немало), и вагоны с овощами и фруктами разгружать, на вечерах петь и танцевать, в выходные – на лыжах бегать с детьми, в футбол играть, на охоту и рыбалку ездить... Вот такой ритм и микроклимат жизни.

Не освобождённый председатель профкома Юрий Важенин во всех делах принимал самое активное участие. Энергии его хватало на всё. Коллеги поражались его организаторским способностям, трудолюбию и терпению. И ещё удивляла забота о людях. Он знал, кто трудно живёт, кому надо помочь в первую очередь. К примеру, даёт поручение одному из членов комитета профсоюза: «Сходи к оператору котельной, возьми у неё заявление на оказание материальной помощи. Она – мать-одиночка, у неё дети»... Заметьте, не женщина обратилась с житейской просьбой в профком, а профком сам предложил помочь! Всегда на первом плане в деятельности Юрия Ивановича Важенина оставался и остаётся человек!

Ортыягунская КС-2 в системе магистрального газопровода Вынгапур–Челябинск одной из первых вступила в строй действующих. Впоследствии она стала кузницей кадров, своеобразной стартовой площадкой для многих перспективных инженеров. Здесь Юрий Иванович отработал почти десять лет. Отсюда он тоже «стартовал» – в Сургут.

Инициативный, талантливый инженер быстро познал все тонкости профессии газовика. По служебной лестнице шагал, иногда «перепрыгивая» через ступеньки: старший инженер КИПиА Ортыягунского ЛПУМГ, там же – начальник службы, главный инженер Сургутского ЛПУ, заместитель генерального директора объединения по кадрам и быту...

Пережив все сложности трассового посёлка, он уже никогда не останется равнодушным к проблемам людей в этих обособленных, рас-

положенных на многокилометровом пространстве вдоль магистрально-го газопровода, населённых пунктах.

Вспоминает Леонид Скворковский:

– По инициативе Юрия Ивановича (когда он уже был заместителем генерального директора по кадрам и быту объединения «Сургуттрансгаз») минимум два раза в месяц звено руководителей выезжало на трассу: на КС, в вахтовые посёлки. Смотрели, как работают газовики, в каких условиях живут. Они знали нужды и проблемы каждого человека, работающего в Новом Уренгое или в южной части Тюменской области. Вопросы ставились конкретные, самые острые. И обязательно изыскивались возможности их решения.

В компетенцию заместителя генерального директора входило ре-шение массы проблем: строительство жилья, детские сады, лечение и отдыkh, разработка социальных программ... Юрий Иванович умел находить нетрадиционные подходы, чтобы снимать проблемы в этой слож-ной сфере. Престиж его должности рос очень быстро. Он стал инициатором перспективной программы строительства жилья для работников объединения на Большой земле, на компрессорных станциях, многие его предложения легли в основу комплексных социальных программ,

коллективных договоров. К нему за опытом приезжали газовики из других регионов страны.

Вот мнение председателя Сургутской районной организации Нефтегазстройпрофсоюза Альбины Цыкиной:

– Если рассматривать их коллективные договоры, то в России, наверное, самый социальный коллективный договор был в «Сургутгазпроме». Он в полном объёме защищал интересы работников. Это касается и условий труда, и заработной платы, организации отдыха детей и взрослых, других вопросов.

Эти слова в адрес Важенина Альбина Алексеевна сказала в 2004 году. Но и сегодня, когда Юрий Иванович возглавляет уже другую структуру – ООО «Газпром переработка» – в этом смысле ничего не изменилось. Всё продолжилось в развитии: он по-прежнему, не на словах (для показухи), а на деле проявляет внимательное отношение к людям, снова у него – лучший коллективный договор в системе Газпрома. И даже, несмотря на кризисный период, при котором существенно сократились доходы предприятия, экономить на людях генеральный директор не пытался и не намерен этого делать в будущем. Социальные гарантии максимально сохранены.

– Юрий Иванович всегда находит разумное решение и помогает людям, – продолжает Альбина Алексеевна, – что характеризует его как человека, сопереживающего, понимающего боль и запросы другого. Думаю, это позволяет ему на высоком уровне держать свой авторитет руководителя и человека, который всегда поймёт и поможет в критической ситуации.

А вот ещё одно мнение – Алексея Филипповича Хайханова, заместителя генерального директора ООО «Газпром переработка».

– Многое из того, что сейчас есть в генеральном коллективном договоре Газпрома, берёт своё начало в самых первых разработках Юрия Важенина и Владимира Ивашикеева. Они были положены в основу кол-договора головного предприятия, а затем доработаны.

4.

В 1994 году Юрия Важенина (неожиданно для многих) назначили генеральным директором «Сургутгазпрома». Это было очень трудное время. Вспомните, 15 лет назад Газпром кредитовал всю страну. Сложилась такая ситуация, при которой сотни миллиардов рублей ока-

зались в долгах, а денег не хватало даже на выдачу заработной платы. В те годы коллектив объединения помимо транспортировки углеводородного сырья занимался добычей газа и переработкой газового конденсата, обустройством и пуском новых месторождений, строительством и капитальным ремонтом жилья, объектов соцкультбыта, имел мощный транспортный парк. Кроме того, в его структуру входили подразделения, которые производили обувь, мебель, вели заготовку и переработку древесины; много внимания уделяли подсобному хозяйству «Сайгатино», расположенному недалеко от Сургута.

Алексей Хайханов, проработавший вместе с Юрием Важениным 15 лет, вспоминает:

— Я с первых дней удивлялся: человек приходит в семь часов утра и уходит домой позднее некуда. Он был в гуще всех дел. А тогда мы очень много объектов строили на севере Тюменской области, Сургутский завод по стабилизации конденсата расширяли. Он знал абсолютно всё, до мелочей! Его компетентность, великолепная эрудиция, знание всех технических вопросов просто поражали!

Приняв груз ответственности за многопрофильное предприятие, Юрий Важенин быстро адаптировался к новой для него роли – генерального директора. Объединение «Сургутгазпром», которое он возглавил в весьма неблагоприятное для России время, оставался одним из самых стабильных, успешных и перспективных в системе Газпрома. Чего ему это стоило – предположить не трудно. Ведь даже в спорте не всегда удается удержать позицию лидера. Если учесть, что предыдущих руководителей и в Москве, и по всей магистрали считали весьма талантливыми организаторами и инженерами, а вновь назначенный «генеральный» пока не имел такого авторитета, можно догадаться, сколько сил, энергии, организаторского таланта ушло у Важенина в эти годы для самоутверждения на новом поприще.

В 1996 году коллектив обслуживал шесть с половиной тысяч километров магистральных трубопроводов. По ним ежегодно отправлялось потребителям 70 миллиардов кубических метров «голубого топлива». Такой объём был равнозначен потреблению населения шести Прибалтий.

На долю Важенина выпали самые тяжёлые «перестроечные» годы. Проблематику ситуации обостряло прежде всего отсутствие «живых» денег. Через какие унижения пришлось пройти генеральному директо-

ру, чтобы выбивать необходимые суммы в «большом» Газпроме, знает только он. Остальные догадываются. Помните? Череда протестов, голодовок, пикетов, митингов охватила тогда всю страну. Бастовали шахтёры, нефтяники, транспортники, учителя... Некоторое время ему удавалось сдерживать недовольство газовиков, объясняя: «Производство должно работать!» – хотя акции протesta запретить он не мог. Да и не хотел, наверное. Понимал всю несправедливость сложившегося положения в стране. Протестные акции всё-таки состоялись на заводе по стабилизации конденсата, на компрессорных станциях. Люди писали обращения, выступали, требовали выдачи зарплаты.

Ничего не менялось...

Не знаю, что чувствовал в то время Важенин, проходя мимо сотен людей, стоящих в очереди за отпускными (касса находилась на одном этаже с директорским кабинетом). Когда ситуация достигла высшего напряжения, случилось так, что даже самые благородные и терпеливые его работники вышли на митинги с плакатами, потребовав выплаты своих «кровных» почти за полгода. Юрий Иванович принял тогда совершенно неординарное решение. Он обратился через прессу к газовикам и предложил им... подавать на него заявления в суд! Дело в том, что по закону того времени заработную плату выдавали только после уплаты всех налогов. А в «Сургутгазпроме» тогда насчитывалось около полумиллиона деноминированных рублей, не выплаченных в три бюджета: Сургутского района, территориального и федерального дорожных фондов. По судебному же решению – выплата зарплаты должна производиться в первую очередь. Представляете?! Вот так, по исполнительным листам через суды многие работники «Сургутгазпрома» и получали в ту пору свои деньги. И не один год...

А сколько надо иметь терпения, выдержки, проницательности, дипломатического дара, чтобы выдержать ситуацию, связанную с нападками правительства на РАО «Газпром» в 1998 году? Ведь не зря говорят: «Паны дерутся – у холопов чубы трещат». Все накаты на головное предприятие, естественно, отражались в структурных подразделениях. Как волны под воздействием извержения вулкана, поползли слухи о раздроблении Газпрома, об ужесточении требований к его долгникам (в основном это различные энергосистемы, предприятия металлургии, химической переработки), которое могло привести к их банкротству; о ликвидации юридических лиц – «дочек», об отставке Рэма Вяхирева... Цепная реакция неплатежей, долгов, взаиморасчётов,

как плесень, охватила всю страну. Выход предстояло найти прежде всего правительству России. Но оно на тот период являло собой воплощённую беспомощность. Оставалось уповать на будущее. И... работать. Но даже в этот непростой период Юрий Важенин выступал против «кавалерийских» методов решения острейших проблем.

В конце концов кредит доверия был исчерпан. Дело дошло до того, что профсоюзный комитет «Сургутгазпрома» обратился с открытым письмом к газовикам страны, в котором обвинил руководство Газпрома в наплевательском отношении к отрасли и призвал к проведению предупредительной забастовки. К их требованиям присоединились коллеги Ямала, Краснодара, Поволжья, других территорий страны. Последствия приостановления подачи газа в магистральный трубопровод могли присниться только в страшном сне. Именно это, думаю, и сыграло тогда главную роль в том, что руководство Газпрома сумело найти компромисс и погасить искры зарождающегося конфликта. Начался процесс реанимации отрасли.

Какова оказалась роль в этой ситуации генерального директора «Сургутгазпрома» Юрия Важенина, в чём он черпал силы, чтобы выстоять, даже с высоты прожитых лет сказать трудно. Наверное, в присущей его характеру стойкости. Понимая справедливость требований профсоюза, он не пошёл на углубление конфликта, проявив сдержанность и мудрость настоящего политика. Может быть, именно в то время он был ещё более приветлив, ещё более внимателен к людям, ещё более честен перед ними в своей «генеральской» должности.

Я видела его в те дни на ЗСК. Снимали видеосюжет о требованиях газовиков – выплатить заработную плату. «Генерал» терпеливо слушал выступления своих подчинённых. Кстати, ни одного критического слова лично в его адрес тогда не прозвучало. Все претензии адресовались головному предприятию, Москве. Но в своём выступлении перед заводчанами Юрий Иванович призвал их к терпению, выразил надежду на понимание и веру в наступление лучших времён. Мне тогда показалось, что уже одно его присутствие на том митинге успокоило людей.

И, представьте, даже тогда, несмотря на безденежье, на предзабастовочные ситуации, постоянные переговоры на самом высоком уровне в Москве, «Сургутгазпром» продолжал развиваться. Уму непостижимо, но именно в эту эпоху авторитет Юрия Ивановича особенно вырос! И в стужу, и в жару он оставался на трассе, там, где нужнее. Сургутские газовики продолжали наращивать мощности, строить жильё, пользо-

ваться внушительным пакетом социальных гарантий. Очевидно поэтому в апреле 1998 года генеральному директору вручили престижную международную награду «Факел Бирмингема» – за выживание в сложнейших кризисных политических и экономических условиях.

Важенину удавалось поддерживать в рабочем состоянии действующие объекты добычи и транспортировки газа, запустить в эксплуатацию Западно-Таркосалинское месторождение. Ко всему прочему наращивали мощности на Сургутском заводе по стабилизации конденсата. И это вопреки тому, что Газпром волевым решением «заморозил» строительство всех недостроенных объектов! Да, от строителей-профессионалов пришлось на некоторое время отказаться. Тогда на объект вышли работники ЗСК! Конечно же, темпы снизились, но всё-таки установку по облагораживанию моторных топлив ЛКС 35-64 построили. В 2002 году её пустили в эксплуатацию.

Я помню этот исторический момент. Важенин собрал журналистов всей территории. На праздник приехали многочисленные гости. И генеральный директор с гордостью знакомил их с новым перерабатывающим объектом. Здесь стали выпускать свыше миллиона тонн автомобильных бензинов и дизельного топлива. Причём хорошего качества. А продукцию ЗСК закупают теперь не только на территории двух ав-

тономных округов, но и в Новосибирске, Екатеринбурге, в Омске. Есть чем гордиться.

– Он – Инженер. И с ним вопросы инженерной политики, подготовки производства, реконструкции, перспективного развития очень легко обсуждать. Человек всё это «прошёл» и владеет сложнейшими вопросами. Мы с ним говорим на одном языке.

Эти мысли по поводу способностей Важенина Игорь Алексеевич Иванов выразил, когда работал ещё главным инженером «Сургутгазпрома» (ныне он – генеральный директор ООО «Газпром трансгаз Сургут»). Его отношение к Юрию Ивановичу в этом плане не изменилось и сейчас.

Мне кажется, Сургутский завод по стабилизации конденсата – это, фигулярно выражаясь, любимое детище Важенина. Сюда он вложил столько сил и энергии, чтобы расширение производства продолжалось, нашёл столько дипломатических ходов и убедительных слов, чтобы удержать его в структуре «Сургутгазпрома», что только диву даёшься! И ведь построили завод! И не отдали его никому...

Очевидно, поэтому совершенно не в виде подхалимажа Юрию Ивановичу вручён золотой знак завода. Произошло это на праздновании 20-летия ЗСК в апреле 2004 года. На лацкан пиджака его прикрепил директор Юрий Александрович Протасов. В тот момент Важенин, улыбаясь своей открытой очаровательной улыбкой, сказал: «Служу заводу!». Он и сейчас ему служит. ЗСК, как структурная единица, входит в состав ООО «Газпром переработка», которую Юрий Иванович возглавляет сегодня. Со временем на заводе стали выпускать авиационное топливо из газового конденсата.

– Жизнь всегда значительно мудрее и интереснее устоявшихся шаблонов, – признался Важенин журналистам в 2008 году, – потому и задаёт то и дело новые задачи. Если оглянуться назад, то, пожалуй, можно назвать десяток историй, когда приходилось принимать ответственные, неординарные решения. В моей работе они были связаны, как правило, с вопросами газового строительства, необходимостью обеспечения сроков ввода в эксплуатацию стратегических объектов, результативного распоряжения немногочисленными ресурсами. Таким образом были обустроены нами Западно-Таркосалинское и Северный купол Комсомольского месторождений, введён в строй один

из заводов по переработке газа... Это всегда интересно и даёт острое ощущение плодотворной работы.

Одна из основных задач «Сургутгазпрома» – стабильное выполнение плана по транспортировке «голубого топлива». Чтобы обеспечить его качество и надёжность, разработали программу по реконструкции компрессорных станций. Её сформировали ещё в 90-х годах, и на протяжении всех последующих лет программа регулярно выполнялась.

Ещё одна (и тоже очень важная) задача, которую удалось решить генеральному директору «Сургутгазпрома», – ввод в эксплуатацию Пургазовской компрессорной станции. Это первая крупная газпромовская стройка на Ямале за последние 17 лет. Она соединила месторождение «Заполярное» с Единой системой газоснабжения России и позволила вывести его на проектную мощность. Таким образом, самый крупный за последние годы промышленный объект Газпрома теперь обеспечивает энергетическую безопасность и экспортный потенциал России. Специалисты пуск Пургазовской компрессорной станции относят к несомненным заслугам Важенина.

Неоднократно на пресс-конференциях Важенин говорил:

– Мы – государевы люди. Обыкновенные наёмные рабочие, а не собственники. Я лично придерживаюсь мнения: что хорошо Газпрому, то хорошо России.

Шёл 2002 год. В это время государство уже правила Газпромом. Энергетическая, экономическая и национальная безопасность России во многом обеспечивалась за его счёт. Тридцать процентов федерального бюджета формировалось из отчислений Газпрома. К тому времени Европа потребляла порядка тридцати процентов российского газа. А внутри страны газовики испытывали массу проблем...

И ещё об одном хотелось бы сказать. Даже в самые трудные времена Юрий Иванович сумел выучить множество молодых специалистов, детей своих сотрудников, которые вернулись назад и стали надёжной опорой на производстве. Он и его команда нашли средства для содержания студентов в Тюменском индустриальном, Московском институте нефти и газа имени Губкина, в других московских вузах.

Опытный, целеустремлённый руководитель и в условиях экономической реформы сумел не только выстоять, но и сохранить, сплотить многотысячный коллектив.

5.

Март 2004 года. В актовом зале «Сургутгазпрома» шла конференция трудового коллектива, на которой её участники подводили итоги предыдущих трёх лет и заключали новый коллективный договор. Мы с коллегами пили в баре кофе, ждали итогов голосования. Наконец, люди начали выходить, и мы, естественно, стали интересоваться их мнением. То, что нам рассказали, – просто сказка! И мы ещё долго обсуждали подробности в своём корпункте, цокали языками и весьма сожалели, что не входим в структуру Газпрома.

Коллективный договор в Газпроме называют «Конституцией предприятия». Как и главный документ страны, он впитывает в себя весь спектр взаимоотношений между руководством и подчинёнными. В нём прописаны все льготы и компенсации, которые гарантированы каждому работающему в этой системе. Все новые идеи социального характера тщательно прорабатываются и вносятся очередным пунктом в договор. Естественно, всё это базируется на прочном финансовом фундаменте. И принимается только тогда, когда есть соответствующая прибыль. Казалось бы, учтены все факторы. Тем не менее Важенин и его команда нашли и тут свои варианты, потому что их очередной коллективный договор, принятый в «Газпром переработке», вновь признан лучшим.

Думаю, если бы в каждом трудовом коллективе России работала подобная система социальной защиты, как в Газпроме, не было бы у нас нищих и безработных, а больных и недовольных стало бы гораздо меньше.

6.

На пресс-конференциях Юрию Важенину часто задают один и тот же вопрос: каково жизненное кредо генерального директора? Ответ всегда звучит однозначно:

– *Философию подхода к этому вопросу мы уже давно озвучили: не навреди.*

Высокий профессиональный уровень, умение работать на перспективу, организаторские способности Юрия Ивановича оценили в самом верхнем эшелоне власти. Что вызвало некоторую тревогу журналистов: а не переманят ли специалиста столь высокого класса в головное предприятие – в Газпром? Этот вопрос звучал так часто и настойчиво, что однажды Важенин не выдержал:

– *Что вы меня всё время куда-то прочите! Не собираюсь я никуда*

уходить! Да! К нам в Москве относятся с достаточным уважением, в том числе практически во всех департаментах. Потому что предприятие работает хорошо и надёжно. Это просто дань уважения за ту работу, которую мы ведём и будем вести.

Юрий Иванович... постоянно учится. На курсах повышения квалификации. Он хороший психолог, хороший руководитель, хороший специалист-производственник. Во всё вникает досконально.

— Когда его Александр Алексеевич Пушкин взял своим заместителем, — рассказывает жена Нина Ивановна, — мы смеялись даже, потому что в то время происходило укрупнение предприятия, открывали медицинское и социальное направления, и ему приходилось глубоко вникать во все нюансы, осваивать, изучать и давать рекомендации. Он у нас как главврач был... Казалось бы, мелочи, но они дают представление об отношении человека к работе.

Сегодня имя Важенина произносят в числе лучших специалистов в области организации крупномасштабного производства. Ассоциация менеджеров России назвала его одним из наиболее профессиональных управленцев страны. Не случайно и руководство Газпрома в 2007 году назначило Юрия Ивановича генеральным директором самой сложной своей структуры — ООО «Газпром переработка», куда вошли предприятия, расположенные в трёх субъектах Федерации: Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Республике Коми. Основными видами деятельности в них являются добыча, переработка и транспортировка природного газа, газового конденсата, нефти... А ещё геологоразведочные работы, производство моторных топлив, сжиженных углеводородных газов, легковоспламеняющихся жидкостей, широкой фракции легких углеводородов, других продуктов переработки. Общая численность работников более семи тысяч человек. В состав нового общества вошли предприятия с богатой историей, передовыми технологиями, высокопрофессиональным кадровым составом. При таком обширном производстве в кабинете не засидишься. Рабочий день естественным образом увеличился практически в два раза. Но Юрий Иванович выдерживает заданный ритм. У него хватает и здоровья, и опыта, и умений, и простой человеческой доброты. Для всего. И для всех.

— Чем мы уникальны? — повторил вопрос корреспондента на очередной пресс-конференции Важенин. — «Газпром переработка» — это

единственное предприятие, которое перерабатывает газовый конденсат в уникальных объёмах. Тут мы – первые.

Может быть, стоило углубиться в технологию и более подробно описать некоторые преимущества новой структуры Газпрома. Но я посчитала это лишним. Лично мне импонирует, что в сегодняшней команде «генерала» – большинство молодых руководителей, успевших пройти испытание Севером и знающих в достаточной степени своё дело.

Депутат городской Думы Сургута Анатолий Вац в разговоре со мной по поводу Важенина рассуждал так:

– Проблем у него выше головы. Самых разных, не только производственных, но и кадровых. Просителей – сотни! Все хотят получить помошь. Но он умеет организовать своё время так, чтобы его хватило почти на всех. Это тоже говорит о его лидерских качествах, организаторских способностях и большой собранности.

Новые структурные подразделения Газпрома (теперь их в Сургуте два) продолжают входить в число градообразующих предприятий. А генеральный директор Юрий Важенин, создав ещё одну команду специалистов, продолжает развивать социально-промышленную инфраструктуру. По-прежнему вникает во все нужды и беды территории, оказывает финансовую помощь городам, округам, отдельным конфессиям и общественным объединениям, учреждениям культуры, образования, спорта.

– Наша компания оказывает адресную социальную поддержку. Мне важно при этом самому принимать решение, которое исходит из житейских представлений и отвечает зову души.

Имя Важенина занесено на доску почётных спонсоров Свято-Преображенского собора в окружном центре. А в Сургуте, пожалуй, не найдётся ни одного храма, в строительство которого газовики не вложили бы своих средств. Кроме того, мечеть, спортивный комплекс «Спартак», организация фестивалей, спортивных турниров...

Мои коллеги из телекомпании «СургутИнформТВ» рассказывали, что во время акции по сбору средств на строительство храма зашли в кабинет Важенина, тот достал бумажник, вытащил из него всё содержимое (а там была целая стопка купюр!) и опустил в ящик для пожертвований. Как утверждал рассказчик, то был не жест олигарха, а что-то личное, вполне естественное. Как желание оказать помошь попавшему в беду товарищу.

Его вклад в возрождение православия отмечен несколькими наградами русской церкви: грамотой Патриарха всея Руси Алексия Второго, орденами Святого благоверного князя Даниила Московского и Преподобного Сергия Радонежского. Вместе с коллегами я присутствовала на этом награждении.

– После определённых событий мы остались без Бога в сердце, без царя в голове. По существу, это потери целых поколений. Надо их восполнять.

Спасибо Вам, владыко, за ту работу, которую вы проводите в сердцах и душах людей, у подрастающего поколения, в Ваших школах. – И затем, обращаясь к присутствующим в зале, произнёс: – Я поймал себя на мысли, что ни один мой доклад столь внимательно вы никогда не слушали.

Дружный смех и аплодисменты выразили одобрение сказанному.

7.

Казалось бы, столько работы у руководителя, но постоянная забота о людях, о городе, о территории не позволяет заниматься лишь производством.

– Решение идти в окружную Думу возникло после того, как я некоторое время поработал в городском органе представительной власти и смог решить часть вопросов в интересах нашего предприятия, – пояснил он корреспонденту решение баллотироваться в 1996 году. – Надеюсь, что с помощью окружной Думы и укрепления контактов с окружной администрацией смогу решить ряд не менее сложных вопросов, в том числе по неплатежам.

И вот теперь третий созыв подряд Юрия Ивановича избирают в окружную Думу, где он возглавляет комиссию по регламенту, вопросам депутатской деятельности и этики. К тому же Важенин – член комиссии по бюджету, финансам и экономической политике. Всегда принципиально отстаивает свою позицию, предлагает интересные конструктивные решения.

Наверное, поэтому так доволен его работой председатель Думы Ханты-Мансийского округа-Югры Василий Сондыков:

– Очень повезло, что в нашей Думе есть такие депутаты, как Важенин. Он предельно занятой человек, но я никогда не слышал, чтобы он сказал: я не приеду – занят. Постоянно бывает на всех за-

седаниях и активно работает. Ответственный человек. Его вклад в Югорское законодательство измеряется десятком лет напряжённой работы на этом поприще и конкретными строчками законов, касающихся ветеранов войны и труда, пенсионеров, вопросов экономики.

Юрий Иванович знает народ – в стране, в округе, не говоря уже о Сургуте.

Характеристику депутата Важенина дополняет Анатолий Вац:

– Он влиятельный политик. Ведь депутатов много, а сколько из них влиятельных? Слово Важенина имеет вес. Он может изменить мнение окружных депутатов, и под его влиянием они принимают правильное решение.

Сам Важенин о своей депутатской деятельности выразился так:

– Депутатство – это и вторая работа, и политическая, и общественная деятельность, так как несёшь ответственность за жизнь населения в целом по округу. Процесс улучшения жизни абсолютно бесконечен. Как бы ни было хорошо сегодня, завтра должно быть лучше. И цели, если они вовремя и правильно поставлены, менять не надо.

А это мнение Важенина опубликовано в декабре 2007 года на сайте профессионального клуба директоров «Президент», Москва:

– В политике надо работать по максимуму. И работать так, чтобы не было стыдно. Потому что политика действительно грязное дело, и нужно быть всё время начеку. А мой подход прост: работай честно, оценивай всё головой, но принимай сердцем.

8.

Короткий блиц с супругой Ниной Ивановной.

– Трудно быть женой Юрия Ивановича?

– Не столько трудно быть женой, сколько быть супругой генерального директора.

– Вы сами ему готовите?

– Когда в Сургуте, он всегда приходит обедать домой.

– Чему отдаёт предпочтение в еде?

– Любит мясное, овощное. Раньше сам готовил мясное.

– Что именно?

– Всё, что захочет. Предпочитает натуральное мясо – отбивные, тушёное. Супчик у него особенный получается, потому что он туда не кладёт специи. В еде не привередливый.

– Много дичи с охоты привозит?

– Он удачливый и рыбак и охотник. Потому что, как лидер, во всём старается быть первым: поймать самую крупную рыбу, опередить всех по количеству отстрелянных гусей.

– Его спортивные привязанности отразились на детях?

– Да. Раз в год мы ездим кататься на горных лыжах. Он постоянно держит себя в физической форме. Два раза поднимались на Эльбрус. Я не дошла, а он оба раза покорил вершины. Это 5400 метров.

– Его никто не попытался у вас отбить?

– Не знаю. Во всяком случае в его семье было и остаётся правило: «Важенины женятся один раз». И этим всё сказано.

– В вашей квартире книги есть?

– Книг много, но преобладает техническая литература.

– У Юрия Ивановича есть возможность посмотреть телевизор, почитать книгу, сходить в кино, в театр?

– От театра не отказывается, но мы – не театралы. Последнее время стал читать детективы, чтобы отвлечься.

- Цветы дарит?
- Любим дарить цветы. Он знает мои привязанности и по возможности покупает то, что я люблю: маки, ромашки, васильки. Вообще он очень заботливый муж и отец.
- Одежду для него выбираете вы?
- В плане одежды я мало принимаю участия. Он сам себе всё выбирает. Понимает, что одежда должна соответствовать его положению.
- Когда он пришёл к вере в Бога?
- В 1991 году. Не потому, что это стало модным. Тогда словно ворота открылись, и все потянулись в церковь. Мы покрестились в томбальском кремле. И детей покрестили.
- Сколько у вас детей?
- Четверо. Шесть внуков.
- Юрий Иванович находит для них время?
- Конечно! По возможности возится с ними.
- Вы счастливы?
- Счастлива. Не только с этим отдельно взятым человеком, но и счастьем своих детей и внуков.

9.

– Важенин – настоящий друг в широком смысле этого слова, – убеждён Леонид Скворковский. – В нём проявляются и честность, и порядочность, и душевная теплота. Знаю его с 1991 года. За это время он стал человеком государственным. Руководителем, которому по силам решать задачи российского масштаба. А вот как человек он совершенно не изменился. Правда, времени для общения стало меньше. Реже выезжаем на рыбалку, на охоту, на природу. Обычно там сбрасываем свои отрицательные эмоции, наслаждаемся тишиной, слушаем журчание воды, дышим лесным воздухом. Любим посидеть у костра, послушать хорошие истории, посмеяться над анекдотами...

Он очень азартен. Даже слишком. А азартные люди имеют большие склонностей к научным трудам, к фундаментальным познаниям.

В любом деле – будь то игра в бильярд или стрельба из ружья, нарезного оружия – он проявляет уровень мастера.

К этому следует добавить характеристику заядлого рыбака и охотника. Причём не по мелкой дичи. Ходил он на волка, на медведя. И весьма удачно.

Как уже говорилось, Юрий Важенин с детства увлечён спортом. Занимался лёгкой атлетикой, покорял вершины Памира и Кавказа, играл в теннис и футбол, бегал на лыжах, увлекался горнолыжным спортом и дайвингом. Не могу сказать, что сегодня осталось в приоритетах и хватает ли времени на все вышеперечисленные виды спорта, которыми когда-то отдавал предпочтения нынешний «генерал». Допускаю, не на все.

У Юрия Ивановича репутация порядочного человека, имеющего крепкий внутренний стержень. Он – член-корреспондент Академии технологических наук, лауреат Национальной премии Российской академии бизнеса и предпринимательства в номинации «Элиты бизнеса», имеет звания «Почётный работник газовой промышленности», «Почётный работник топливно-энергетического комплекса». А ещё Юрий Иванович – почётный гражданин округа, почётный гражданин Сургута. Вручение знаков, олицетворяющих это признание в нашем городе, состоялось в дни празднования 410-й годовщины со дня его основания в 2004 году. Я помню, как звенел его голос в ответном слове:

– Не могу и не хочу скрывать, – сказал тогда Юрий Иванович, – я очень волнуюсь. Это действительно высочайшая награда! Это аванс и мне, и всему нашему коллективу под добрые, хорошие будущие дела.

…Однажды в беседе с журналистами генеральный директор признался: «Встаю как жаворонок, ложусь как сова». Оттого, очевидно, ритм его жизни настолько высок, а день столь насыщен делами и событиями. Не каждому человеку по силам и нагрузка такая, и ответственность. Одно слово – генеральный директор.

Алексей Филиппович Хайханов, его заместитель, удивляется:

– Он прошёл все ступеньки от мастера до генерального директора. Овладел солидным объёмом знаний. Особенно меня, как выходца из авиации, удивил его налёт. Я пытался первые полгода вести подсчёт, и понял, что у него налёт в месяц гораздо больший, чем у командира ТУ-154 в гражданской авиации.

Человек – уникальный!

– Он не считает людей роботами, – дополняет Анатолий Вац, – умеет прощать маленькие слабости. У такого лидера, у такой личности, как Важенин, конечно же, всё получается с командой.

С ним приятно общаться. Не важно, на какую тему. Он всегда в теме, и с ним не чувствуешь себя неловко. Хотя понимаешь, что это – Руководитель, человек не безбедный, но тем не менее он не над тобой.

Несмотря на всепоглощающую занятость, Юрий Иванович находит время принимать участие в мероприятиях, организованных профсоюзом и молодёжью. В 2009 году в «Газпром переработке» впервые прошёл фестиваль песни «Молодые ветра». Это тоже детище Важенина. Генеральный директор приехал на фестиваль с супругой – Ниной Ивановной. Здесь они словно побывали в юности, когда тоже сидели у костра, варили уху, пели песни, жарили шашлыки... И наслаждались песнями, звучавшими с импровизированной сцены.

Как и много лет назад – в школьные и студенческие годы – Юрий Иванович остаётся лидером. Не каждому дано сохранить в себе это качество. Под нажимом перестройки, смены общественного строя, во времена реформ, экономических и политических кризисов многие перспективные люди растерялись, поддались обстоятельствам, ушли в тень. Такая позиция – не для Важенина.

Он всегда считал и считает, что самое главное для человека – не закисать.

– Если человек останавливается на одном месте, то он неминуемо начинает «киснуть», – сказал он на одной из пресс-конференций. – В моей команде каждый имеет потребность постоянного движения, масштабно мыслит, а не просто исполняет определённые функции.

Когда есть главное – пытливый ум, неравнодущие к своему делу, – остаётся только подбрасывать идеи или объёмы работ, как в топку дрова. Тогда не остаётся времени на пережёвывание очевидного, на пересуды и перекуры.

Теперешняя команда ООО «Газпром переработка» собрана по этому принципу. У каждого – горят глаза, пытливый ум, проявляется неравнодушное отношение к делу, потребность постоянного движения вперёд. Так и делают, реализуя себя. По примеру своего лидера.

Может, в этом и заключается тайна его призвания – «живь талантливо».

2009 год

Нерастреченнная молодость...

В косых лучах солнца медово золотились листья полураздетых берёз. Безоблачное небо отливало прозрачной нежной синью. Воздух бодрил, чистый и свежий, как лимонный сок...

Мы бредём по аллее геронтологического центра: шуршат опавшие листья, которые после вчерашнего дождя слегка подморозило за ночь, и теперь они превратились в жалкие хрупкие ледышки. Предзимье...

— Очень не любили это время года солдаты на войне! — тихо говорит Лариса Ивановна Золотухина. — Представьте себе, уже холодно, а сезонное обмундирование ещё не привезли. К тому же пресловутое российское бездорожье... Тогда, казалось, весь земной шар несёшь на своих кирзачах...

Впрочем, предзимье — лишь повод для начала разговора на сложную и всегда нелёгкую тему... — о войне. Ведь она забрала у таких, как Лариса Ивановна, лучшие годы — юность. Заставила пережить такие ужасы, до которых к тому времени не додумались даже самые изощрённые фантасты.

Ларису Ивановну знаю давно. И всё-таки после каждой встречи открываю её заново. В этом человеке столько энергии и задора, столько чистоты и принципиальности, столько порядочности и любви...

— Это в нас бурлит нерастреченная молодость, — смеётся Золотухина, — ведь нам не удалось её своевременно да бестревожно прожить. Вот она сейчас и проявляется. Шутка шуткой, а ведь так оно и есть.

Не могу не согласиться. Практически всем нынешним фронтовым подругам уже за восемьдесят, но они абсолютно не равнодушны ни к тому, что происходит в государстве, ни к тому, чем живут территория, город... Не терпят несправедливости во всех её проявлениях и не то чтобы готовы постоять за правду, а именно борются

за её торжество. Насколько, конечно, позволяет здоровье. Для них все заповеди «строителя коммунизма», перекочевавшие, как выяснилось, из Библии, так и остались моральным кодексом чести бытия на земле. По нему и живут.

...Осенние листья продолжали нашёптывать свои предзимние рассказы, а мы присели на скамеечку. Сквозь кедрач поблескивала река Калинка. Доносился её незамысловатый, как мурлыканье, успокаивающий мотив. Перед глазами – современный новый дом с прогулочными верандами прятал в себе тихую Старость... Последнее пристанище для одиноких, неспособных выжить самостоятельно людей... Фронтовых подруг среди них нет. Их устроили в другом отделении, в другом статусе и – краткосрочно: на время профилактики. Выдалась возможность и здоровье поправить, и от забот нехитрых отвлечься, и отдохнуть... Да вот незадача: память о пережитом никак не хочет отдыхать. То и дело возвращает в пределы Юности, которую мирной, жизнеутверждающей да безмятежной вряд ли назовёшь... Язык не повернётся. И душа не примет.

Первые испытания

В ночь с 21 на 22 июня Лариса Золотухина вернулась с геодезической практики, которую проходила после окончания первого курса Брянского лесного института. Воскресенье много обещало... Однако на этот раз – ничего светлого. Наступило утро... И в жизнь миллионов людей вломилось совершенно другое время: границы Родины перешла война.

...Брянск бомбили. Тысячи ребят и девчат толпились в те дни у военкоматов, обивали пороги райкомов и горкомов – партийных и комсомольских. Шла мобилизация, но девчонок на фронт пока не брали. В институте создавали санитарные дружины. В одну из них записалась и комсомолка Лариса Золотухина. Верила: с любым заданием справится. Ведь тогда почти каждая девчонка носила значки БГТО, ГСО, ВХО, «Ворошиловского стрелка». Они знали винтовку, знали, как вести себя во время газовой атаки. К тому же в институте специальных предметов студенток параллельно обучали медицинскому делу. Девушки имели представление об азах военной хирургии, умели накладывать шины, перевязывать раненых. К концу курса выдавали соответствующий документ медсестры запаса. Именно эти навыки понадобились в первую очередь.

Обстановка на фронте менялась быстро. Советские войска несли большие потери. Уже через несколько дней в Брянск стали поступать эшелоны с ранеными. Новоиспечённые медсёстры выгружали с поездов ещё не успевших повоевать солдат, отправляли в госпитали, дежурили, мыли, перевязывали... Конечно, жутко смотреть на рваные раны, оторванные конечности, слышать душераздирающие крики больших и сильных мужчин... Но свою работу девушки выполняли, не дрогнув, и с нетерпением ожидали призыва на фронт.

— *Оказавшись на фронтах, мы новичками себя не ощущали, — говорит Лариса Ивановна. — Даже Устав армейский знали. Все девчонки выполняли добровольно возложенные на них обязанности честно и добросовестно. Делали что могли и даже больше. Мы были — солдатами... И патриотами. И не однажды проявили это в боевой обстановке.*

Вскоре институт эвакуировали в Воронеж. Как и другие студентки, Лариса продолжала в составе санитарной дружины работать в госпитале. Весной 43-го в деканате стали поговаривать о возобновлении занятий на факультете.

После Сталинградской битвы войска двинулись на Курск. Вместе с медсанбатом 15-й стрелковой дивизии отправилась в родные края — село Никольское Поныровского района — и Лариса Золотухина.

— *В нашем доме расположился штаб дивизии, — продолжает она рассказ. — Однажды мне показали комсомольский билет Григория Казанлыка. На нём было написано: «Умру, но не отступлю ни шагу назад. Клянусь своей кровью». Он действительно эти слова написал кровью... Меня потряс тот документ! Я пошла в военкомат и подала заявление на фронт. В начале лета получила повестку и попала во 2-ю танковую армию.*

Первый бой

...Знойное июльское утро 1943 года. Северный фас Курской дуги. Район села Надеждинка. Небо голубое, манящее в высокие дали. Колосится уже пожелтевшая пшеница. Тишина...

Так начинался её первый день на передовой. А через несколько часов резкие звуки выстрелов танковых пушек слились в сплошной грохот. Чёрный масляный дым завис над горящими танками. Поляхало хлебное поле, тучи пыли, поднятые в воздух тяжёлой техникой, заволокли небосклон. 881-й истребительно-противотанковый артиллерий-

ский полк 2-й танковой армии в составе Центрального фронта отражал атаки противника.

Сквозь грохот и дым она всё-таки услышала, а потом и увидела своего первого раненого. Им оказался молоденький, в новеньком синем комбинезоне танкист из подбитой «тридцатьчетвёрки». «Сестрёнка, я ранен», – показал в область лопатки. Перевернула его. На одежде увидала серо-розовое вещество. Заметив переполох в глазах девушки, пояснил горько, сквозь слёзы: «Это мозги командира...». Перевязав одного, бежала, ползла к другому. А раненые не убывали. Лариса уже ничего не замечала вокруг, кроме нуждающихся в её помощи артиллеристов, пехотинцев, танкистов. Своего или не своего полка – какая разница! На поле боя каждый русский солдат – свой.

Это потом она узнала, что Курская битва стала поворотным сражением в Великой Отечественной войне. И что именно с тех обожжённых полей средней полосы России началось наступление Красной Армии на Запад. И что здесь впервые подготовили единственную за всю войну эшелонированную оборону протяжённостью почти в десять тысяч километров! (Такое же расстояние от Москвы до Владивостока). В этих боях впервые появились новые немецкие тяжёлые танки «тигры» и самоходные орудия «фердинанды», которые с помощью цейсовской техники способны были уничтожить цель с дистанции в две и четыре тысячи метров. Для сравнения: наши танки Т-34 могли вести эффективный бой с расстояния лишь в пятьсот метров...

Тяжко было в те огненные летние дни и ночи 1943-го.

Дрожали колени. Дрожали зубы. Дрожала земля...

И ёщё одно потрясение испытала Лариса в том бою: ранен комбат. В шею. Сильное кровотечение. В голове одна мысль: «Довезти до медсанбата!». Довезла. Тяжело раненных отправили в тыл на «виллисе», в том числе и командира батареи. С ними уехал фельдшер. А бой тем временем продолжался. Нуждающихся в помощи санинструктора сержанта Ларисы Золотухиной становилось всё больше...

– Когда на твоих руках умирает человек и только ты один можешь оказать ему помощь, чтобы спасти жизнь, ничего другого вроде бы и не существует, – убеждённо говорит Золотухина. – О себе не думаешь. Некогда бояться. Смысл имеет только одно – противоборство со Смертью. Сделать для человека всё, что можешь. И ёщё чуть-чуть...

Страх приходил после боя: а ведь могли убить!

Неимоверно жаркое лето стояло тогда над самыми срединными просторами России, перепаханными сражениями. В прямом и переносном смысле. Бесконечные бои. Днём и ночью. Танковые и прожекторные огни. Пыль. Грязь. Серое – почти чёрное – небо над грохочущим полем. Сквозь него едва пробивается солнце. Оно не рассеивает лучи. Торчит над землёй бледным шаром... в оцепенении от всего происходящего на земле... Страшные, не-за-бы-ва-е-мые воспоминания остались от Курской битвы.

...Во время боя санинструктор должен заполнять карточки «передового района». Так назывались первичные медицинские документы, своеобразный «паспорт» для раненого. Выглядели как книжечка. Страницы разделены на две части. Одну отрывали и отправляли по инстанциям, другая оставалась на месте. Сюда вписывали фамилию, имя, отчество раненого, день, время (если «поставлен жгут», тоже надо указать), куда направлен. И делать всё это приходилось каждый раз и в

любой обстановке, в любое время суток. Дальше раненый отправлялся на лечение с этим документом! Если такового не оказывалось, домой могла уйти похоронка. Или сообщение о том, что боец пропал без вести. Пока разберутся что к чему, в тылу слёзы прольются...

Карточки пересекали полосы: красная обозначала лёгкое ранение, зелёная – средней тяжести, жёлтая – тяжёлое ранение. За чёрной полосой подразумевалась смерть. На Курской дуге этих чёрных меток было поистине безмерное количество...

После каждого боя – отчёт в штабе. Там все карточки «передового района» проверяли, рассортировывали: кто, откуда, чей. Война вела свою трагическую статистику.

Обыкновенная ситуация...

Полк стоял на внешнем кольце обороны и отражал непрерывные атаки немцев. Фашисты пытались выручить попавшую в окружение группировку.

Однажды ранним утром батарея ушла на передовую и заняла указанные позиции. День прошёл в непрерывных боях; к вечеру уцелела лишь одна командирская артустановка. Немцам всё-таки кое-где удалось прорваться...

Способные двигаться уходили оврагом, окружавшим село. Вышли справа к мостику и увидели, что по склону слева идут в атаку «тигры». Эти 45-тонные железные приземистые коробки стреляли на ходу, изрыгая смертоносный огонь. Страшно. Но ещё страшнее стало, когда узнала, что отправленных с передовой раненых никто не эвакуировал в тыл – санитарная машина застряла в грязи. Тогда командир полка остановил какого-то возницу и передал его в распоряжение сан-инструктора.

Раненых двое: наводчик Андрей Чухров (в грудь и живот) и командир артустановки – в руку. Совсем юный лейтенант. Для него это был первый бой...

Поехали. Мгла опустилась сразу, поглотив глубокие овраги и утлые мостики на их дне. На одном таком мостику телега застряла. Понукания возницы привели к тому, что лошадь дёрнулась, оторвала передок и умчалась во тьму вместе с хозяином. Лариса закричала: «Дядечка, дядечка!» Но того и след простыл. Окажись на её месте парень, он бы по-другому разговаривал с возницей. Да и с телегой справился бы самостоятельно. А девушка? Увы, таких сил у девчат не было.

Сколько прошло времени, Лариса не знала. Вдруг услышала приглушенный рокот танковых моторов с противоположной стороны оврага. Свои или враги – трудно разобрать. Решила выяснить.

Шла и боялась. Боялась и шла.... Вот тогда-то, обычно хладнокровная Лариса, впервые поняла, что кроется за выражением «сердце в пятках». Оно действительно там и было. Приблизилась к остановившейся колонне. У передней машины склонились к подфарнику несколько танкистов. Стараясь не чавкать грязью, подошла поближе. И тут – о счастье! – кто-то из мужчин громко выругался. Свои!

– Сестрёнка, ты что тут делаешь? Откуда? – посыпались вопросы.

Конечно, помогли. Утром раненых отправили в медсанбат, а «сестрёнка» ещё несколько дней разыскивала свою часть, ушедшую далеко вперёд.

Там её ожидал сюрприз. Идущие следом за полком ребята из взвода управления увидели убитую девушку с косами и доложили об этом в санчасть и штаб. Поскольку среди вышедших из боя Золотухина не числилась, домой отправили похоронку. Пришлось срочно сообщать матери об ошибке, чтобы её сердце не разорвалось от боли.

А Андрей Чухрай умер в госпитале от ран... После войны Лариса Ивановна ездила в Клинский район, где жила семья однополчанина. В день её приезда в доме собирались вдовы с окрестных улиц городка. Жадно слушали рассказ о войне. Молча лила слёзы хозяйка... Тут одна из женщин, тяжело вздохнув, сказала: «Счастливая ты, Мария: знаешь, где, как воевал и погиб твой муж. А вот мой кавалерист в каком болоте гниёт?..»

Кавалерист пропал без вести в самом начале войны.

Из наградного листа:

«За время боевых действий полка с 5 июля по 10 сентября 1943 года тов. Золотухина оказала помощь многим раненым бойцам и офицерам, выносила с поля боя раненых с оружием, проявив при этом смелость и мужество.

От имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю медалью “За боевые заслуги” санинструктора санчасти полка красноармейца Золотухину Л.И.

Командир 881 ИПТАП, гвардии подполковник Петров. 6 ноября 1943 года».

Разведка боем...

Корсунь-Шевченковская операция плавно перешла в бои на Яссо-Кишинёвском направлении. Здесь полк первым форсировал реку Прут, за что и получил наименование «Прутского». В это время 2-й Украинский фронт спешил как можно быстрее выйти к Южному Бугу... Маршал Советского Союза Василевский в своей книге «Дело всей жизни» об этом написал так: «Внезапным и стремительным ударом танкисты и пехотинцы штурмом овладели деревней Джулунка на левом берегу реки».

До штурма произвели разведку боем. В ней приняла участие и наша героиня.

На исходе дня Золотухину вызвал врач полка и приказал отправляться с отрядом, которому дано особое задание. В него входило две самоходки, два танка Т-34 и небольшой пехотный десант автоматчиков.

Под покровом темноты отряд добрался до переправы. По хорошим грунтовым дорогам 30 километров проскочили быстро, нигде не встретив сопротивления. Блокировали переправу и остановились. Самоходка, на которой вместе с пехотинцами находилась и санинструктор Золотухина, заняла позицию около крайней хаты в деревне Джулунка. С этой точки открывался полный обзор противоположного берега. Один танк застрял на переправе. Две других машины остались на окраине деревни, прикрывая тылы. Задание выполнено. Но в предрассветных сумерках к переправе из окружения начали выходить немцы. Пришлось вступить в бой. Троих наших ранило, их укрыли в ближайшей хате. Увидев девушку, хозяйка предложила ей переодеться в своё платье, так как понимала, что немцы совсем рядом, и могут в любой момент оказаться в доме. Лариса отказалась. Погибать так вместе.

Вскоре боезапас кончился. Остались бронебойные снаряды. Боеприпасы экономили, выжидая скопления немцев на противоположном берегу. Санинструктор Золотухина отстреливалась из автомата раненого бойца, заменяя заряжающего, поскольку наводчик остался один. И ещё успевала оказывать помощь раненым. Так и продержались до подхода основных сил. Наступление продолжалось.

Следующая освобождённая деревня – Бершадь – поразила своим гостеприимством и радушным приёмом. Жили в ней в основном евреи. Собрали «царское» угощение, пригласили в дом. Увидев белоснежные постели, заправленные кружевными покрывалами, санинструктор ахнула.

— Ложись, дочка, поспи, — предложила хозяйка. Ларисе показалось, что она уснула ещё на подлёте к подушке. Так мягко опустилось в пуховые перины её отвыкшее за время войны тело. Проснулась вечером. В деревне шёл пир горой — чествовали освободителей...

За разгром Яссо-Кишинёвской группировки многих отметили боевыми наградами. Лариса Золотухина получила сразу две: орден «Красная Звезда» и медаль «За отвагу».

В приказе командира 881-го самоходно-артиллерийского полка капитана Борисенко (впоследствии Героя Советского Союза) записано:

«За время боевых действий полка в боях в районе Чесновки, г. Умань, с. Джулунка проявила исключительную смелость и отвагу в оказании помощи раненым.

Во время боёв за г. Умань вынесла с поля боя, несмотря на сильный обстрел противника, тяжело раненного офицера. За время боёв на её счету вынесено с поля боя 12 человек тяжело раненных и оказана помощь более 40 легко раненным».

История одной фотографии

Мы сидим за столом и разглядываем вещи «Из бабушкиного сундучка». В нём бесценные реликвии фронтовых лет: кисет, блокнотики, сборник стихов Михаила Дудина, первый послевоенный шёлковый носовой платочек, аккуратно обшитый иголочкой нитками мулине, немногочисленные фронтовые фотографии. И оттого, что их так мало, каждая представляет особую историческую ценность.

— Эта любительская фотография из чугуевских танковых лагерей, — рассказывает Лариса Ивановна. — Только что отгромели бои на Яссо-Кишинёвском направлении. Как всегда, очень жаркие, с большими людскими и материальными потерями. Мы на формировке, получаем новые самоходки. И вот сфотографировались.

Я — единственное женское лицо здесь. Надомной стоит, как всегда усмехается, комсорг Николай Антонов. Он называл меня «Девушкой-тигром», говорил: «Сердце у тебя непоколебимое, как у танка». Это — моя любовь, моя боль, моя беда, которую я пронесла через войну и через всю жизнь. Мы же были молодые! И пора любви пришлась как раз на военные годы... Разве виноваты, что нам выпало такое время?..

Да, я – любила... Но он об этом не знал. Была убеждена, что война не самое подходящее время для любви... И потом, чтобы сохранять авторитет и оставаться уважаемой в мужском коллективе, надо быть ровной в отношении ко всем. И – непрступной. К тому же я – член полкового бюро, член товарищеского суда – считала: надо быть очень стойкой, блюсти себя, свою девичью честь. Хотя... иногда мне так хотелось смотреть в его синие-синие глаза... Каких усилий стоило не проявить себя!..

Санинструктор Лариса Золотухина вытащила с поля боя не один десяток защитников Отечества. А вот своего любимого спасти не смогла. Погиб он в Польше. Там и похоронен. Прошли годы. Однажды она узнала, что делегация сургутских женщин отправляется в поездку по местам боевой славы. Попросила положить цветы на могилку. Добрые люди нашли место захоронения Николая и отдали дань памяти, дружбы... И – любви.

У Ларисы Ивановны в девичестве были длинные, густые русые косы, с которыми на войне приходилось несладко. Она хороша собой, весьма грамотна (целый курс института!), притягательна своим неповторимым обаянием. В неё, естественно, влюблялись. Только девушка старалась не замечать никого, дабы не подать повода к вольностям. Таково уж воспитание...

Не почувствовала тогда Лариса, что рядом воевал и прятал от неё восхищённый взгляд боец Лев Попов. Свою молчаливую любовь он также пронёс через годы войны, через всю жизнь. Однажды, встретившись уже в мирное время, прочитал ей стихи... Сам сочинил.

Однополчанке

*Движение вечно, и жизни полно,
Но жить бесконечно, увы, не дано.
Давно пролетела над нами Весна...
Давно засияла в висках седина...
Да, годы промчались, оставил свой след,
И мы повстречались на старости лет.
И вот я взволнован, утрачен покой...
Я весь очарован твоей красотой!
Пришла наша осень в чудесном цвету,
И хочется очень поверить в мечту,*

*Что вспыхнула снова большая любовь –
От каждого слова волнуется кровь,
Весь мир расцветает. Как ранней весной
Душа словно тает, когда ты со мной!*

Вся её жизнь, как и у многих тысяч других женщин, опалена огнём войны. Может быть, поэтому и не сложилась, как мечталось, её женская судьба. Она стала матерью, потом бабушкой. Но любви большой и по-настоящему счастливой так и не дождалась...

Между тем Лариса Ивановна продолжает комментировать изображённое на памятных для неё фотографиях:

— Рядом со мной Саша Крылов. Он мне запомнился при таких обстоятельствах. На Днестре есть две деревеньки — Нигурены век и Нигурены ноу, то есть старые и новые. Там во время одной из атак 1 апреля 1944 года была разбита наша батарея, все самоходки сожжены. Мы, оставшиеся члены экипажа и раненые, возвращались к деревне. Ураненого лейтенанта Ростова размотался бинт. Саша был поваром комсостава и нёс на себе всякие кухонные принадлежности. Я ему говорю:

— Слушай, Крылов, брось ты эти железки. Помоги Ростову.

А он как мальчишка отвечает:

— Как это — брось? Ты же свою сумку не бросаешь!

— Так там же бинты, медикаменты!

— А у меня здесь принадлежности для кухни.

Причём сказал он это таким ледяным тоном! Стало понятно, с какой ответственностью он относится к своим обязанностям...

...А это наш механик-водитель Сидорин. Из той самой заметочки «Девушка на самоходке».

Поясню.

В 2003 году ребята из поискового отряда «Югра» (г. Туртас) прислали Золотухиной ксерокопию газеты «Слово бойца», которая выходила в 48-й армии 3-го Белорусского фронта. 10 марта 1945-го года в той газете была опубликована заметка «Девушка на самоходке». Вот её содержание:

«Старшина медицинской службы Лариса Золотухина участвовала во многих боях. Её часто видели вместе с самоходчиками на боевой машине, идущей в атаку. Недавно немецкий “Фердинанд” из засады поджёг самоходку младшего лейтенанта Финогентова. Командир установки и механик-водитель Сидорин были тяжело ранены. Отважная девушка бросилась в горящую машину и вытащила из огня офицера и механика-водителя. Потом с помощью бойцов отнесла их в каменный сарай и оказала первую помощь. За боевые подвиги Лариса Золотухина награждена орденом Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”».

Так написал о своей однополчанке боевой товарищ ефрейтор Борис Павлов.

— Тогда он был радистом взвода управления, — взволнованно вспоминает Лариса Ивановна. — Именно он принёс нам долгожданную весть о Победе! Мы стояли в Восточной Пруссии, под Алленштадтом. Было раннее утро. В домик, где мы с девчонками отдыхали, вбежал Борис. И первыми его словами были: «Вставайте! Победа!»

...А вот это мой любимый повар Литовченко. Я по долгу службы, как старшина санчасти полка, должна утверждать солдатское меню. Надо сказать, оно было однообразным: каша, борщ, суп гороховый из концентратов. Иногда я ему говорила: придумай что-

нибудь поинтереснее. А он, как украинец, всегда предлагал одно и то же блюдо:

– Давай, Лара, галушки приготовлю (причём ударение ставил на последнем слоге).

Это значит чёрная ржаная мука, смешанная с водой, потому что ни яиц, ни молока не было. И он варил. До сих пор помню огромный котёл полевой кухни, в котором сверху плавают чёрные «галушки»! Это было скорее необычно, чем вкусно. А пробы, как полагается, брались – суточная и трёхсуточная.

Последствия добросердечия...

Только после очередного формирования можно было прочитать в донесениях: полк в составе 21-й боевой машины приступил к выполнению боевой задачи. Потому что после боёв в полковом дневнике отражались совершенно другие цифры: в составе 6 машин... 9... даже 3 или 2 (!) принимали участие в боях. «Самоходные коробочки» – так их называли бойцы – горели, как спички.

Я беру в руки маленький, почти игрушечный блокнотик из «Бабушкиного сундучка», пытаюсь прочитать в нём слова – «Старушка». Недоумённо смотрю на Ларису Ивановну.

– Это песня.

Едва справляясь с волнением, она запела:

– Спит деревушка, где-то старушка

Ждёт не дождётся сынка.

Сердцу не спится.

Старые спицы тихо дрожат в руках...

Просто фронтовая песня, но связана она с очень трагическим моментом. Был у нас командир установки по фамилии Мухин. Когда машины на марше, то экипаж распределяется так: внутри, внизу – механик-водитель, сверху – боевое отделение – командир, наводчик и заряжающий. Снаружи – санинструктор, помощник по технической части – помпомех и другие, кто не хотел идти пешком. Мухин был командиром одной из установок. Но, чтобы развеять грусть-тоску санинструктора, иногда из отделения перекочёвывал ко мне. Я устраивалась над люком механика-водителя. Там был очень удобный козырёк, как скамеека. Во всех походах сидела как вперёдсмотрящий. Мухин подсёл ко мне, беседуем и вдруг он говорит:

— Ты знаешь, Лар, когда меня убьют, если будете хоронить... (если — это вопрос, так как хоронить нам приходилось очень редко. Обычно мы оставляли убитых на поле боя, потому что часть должна двигаться дальше), ты мне спой, пожалуйста, эту песню.

И ведь как в воду смотрел!

Это было в Польше. В многочисленных озёрах купалось небо, а между ними тихо покоились небольшие болотца. Во время одного из маршей к пункту следования самоходки остановил неизвестный майор и сказал:

— Ребята, наша пехота за окопами немцев, её надо поддержать!

Русский характер неистребим! Никому даже в голову не пришло проверить у незнакомца документы (а может быть, это провокатор?). Да и откуда вообще тот человек взялся?! Расчёт врагов опирался на известную сердобольность славян: раз пехота пропадает, её надо выручать... Все шесть машин устремились в ту сторону, куда показал майор. Миновали два эшелона окопов и нарывались на губительный кинжаленный огонь... Это было полное истребление... Спаслось два человека...

— Одного нашли на краю болота, он был весь в пиявках, бледный до синевы, а второй, Валя Радченко, сам пришёл и рассказал, как произошла трагедия...

На следующий день, когда немцы были выбиты из этих окопов, мы хоронили наших бойцов, в том числе и Мухина. Погиб... Петя я, конечно, не могла, но очень плакало моё сердце... (плачут).

Немного успокоившись, продолжила:

— Вот говорят: пришёл с войны... Разве можно прийти с такой войны?.. С неё можно только возвратиться... А прийти — нельзя!

Рядом с победой...

Все понимали — конец войне близок. Но враг сопротивлялся настолько сильно, что расслабляться не приходилось. В начале 45-го развернулись ожесточённые бои в Восточной Пруссии, на подступах к Кёнигсбергу. Самоходные установки 48-й армии 3-го Белорусского фронта выкатились прямо на берег Балтийского моря. И первое, что бросилось в глаза, — причал. Он был сооружён из бортовых машин. Видимо, с их помощью немцы эвакуировали население, потому что

местных жителей встречалось очень мало. Тут же несколько убитых немецких солдат. Совсем юные ребята, лет 15–16 не больше. В сердце старшины медицинской службы Золотухиной не было ненависти. Только вопрос: зачем столько жертв?

— В Восточной Пруссии бои отличались особенно затяжным характером, особой жестокостью и непримиримостью, — продолжает повествование Лариса Ивановна. — Немцы отчаянно сопротивлялись! Стояли две стены одна против другой и обе — непоколебимы. Они мобилизовали стариков до 65 лет и мальчиков 15–16 лет. И те, и другие воевали с ожесточением, фанатично.

В феврале (это теперь я понимаю, что наступление было организовано не очень удачно, с расчётом на русский «авось» и «давай!») мы должны были занять большое село — Пителькау. У нас даже пять машин, то есть батареи, не было.

Когда шли в атаку, справа увидели очень богатую трехэтажную усадьбу. Ворвавшись на окраину деревни, чуть было не попали под обстрел своей же «катюши». И тут же заметили, что почти за каждой стеной стоят вражеские самоходки и танки (стоят потому, что нет горючего!) и ведут обстрел из пушек и пулемётов. В ходе боя самоходка, на которой сидела «вперёдсмотрящей» Золотухина, оказалась прижатой к немецкой усадьбе. Её окружал фруктовый сад, справа находилась трансформаторная будка. Возле неё и заняла позицию одна из самоходок, остальные три остановились около дома.

Февраль 45-го для Германии был нехарактерным: шёл снег, а к ночи разыгралась метель.

— Четыре машины и несколько человек автоматчиков, — поясняет Золотухина, — правда, у каждого — автомат запасной. Ни одного пулемёта... У членов экипажа вооружение такое: командир и механик-водитель имеют личное оружие, у заряжающего — автомат, у наводчика — винтовка. Вот и весь арсенал. Да ещё у меня автомат. Я была с той машиной, которая стояла у трансформаторной будки. Всегда старалась находиться ближе к передовой, чтобы короче бежать до раненого.

На некоторое время Лариса осталась на улице. Мокрый снег создавал завесу, снежинки стремительно неслись в воздухе, таяли на разгорячённом лице. Вдруг сквозь метель она разглядела ползущих немцев. Враги были совсем рядом, у самого дома. Некоторые даже успели залезть на деревья, росшие под окнами усадьбы, и со второго этажа начали забрасывать гранатами советских солдат. Ситуация осложнялась

тем, что к наступлению ночи скопилось много раненых, которые находились в полуподвальном помещении.

— Это надо почувствовать, потому что словами не рассказать, что испытывает медицинский работник под взглядами раненых, когда за дверью идёт ближний бой. Они — огромные мужики — лежат беспомощные и ничего не могут сделать для собственной защиты. Только в глазах отражается свет надежды... Я с ними постоянно не могла находиться. Ведь снаружи стреляют, значит, могут быть новые раненые, которым потребуется помочь. К тому же я умела пользоваться автоматом, а в такой ситуации каждая боевая единица дорога.

Когда уходила к самоходкам, то спина моя горела от взглядов, полных укоров. Видимо, они считали, что я их бросаю. Хотя время от времени возвращалась, чем могла помогала, и снова — в бой!

В небольшом дневничке Ларисы Золотухиной на пожелтевших от времени страницах записано: «А они, как бешеные, атаковали всю ночь. У нас уже патронов почти нет, уже ребята боятся прикладами автоматными, отбиваются стрелянными гильзами, бьют немцев по каскам...»

Продержались... Утром подошли несколько самоходок. Одна из них подбитая. На ходу, но не боевая. На неё и погрузили раненых. Лариса уехала с ними, а остальные оставшиеся пошли брать большую деревню Пительку. Там смертельно ранило командира третьей батареи. Его увезли в санбат, и через несколько дней он умер.

После этого в блокнотике появилась ещё одна запись: «12 февраля. Снова бои, снова атаки. Ранило "партизана". Вечером и почти всю ночь отбивали атаки. Гад, лезет ползучий...»

— В этипетах мы не стеснялись, конечно, — смеётся Лариса Ивановна. — Грубость войны на долгие годы стала нормой поведения. У некоторых до сих пор сохранилась фронтовая жёсткость. Но она проявляется только, когда мы скрыты от чужих глаз. Наверное, поэтому, несмотря ни на что, мы — вместе. Война, конечно, наложила свой отпечаток... На характере каждой из нас.

Читаю дальше: «13 февраля: сегодня была вторая Чесновка, еле выбрались. Погибли замечательные ребята, а главное — нет Петьки. Я места себе не нахожу».

— Петька — механик-водитель одной из машин третьей батареи, — поясняет Лариса Ивановна. — Мы очень дружили с этой батареей.

Я часто ездила именно с ними. А Петька этот отличался тем, что был очень красив, имел чёлочку и замечательные глаза! Он говорил:

— Лар, правда, я красивый парень? Чёрт с ним, пусть руки не будет, ноги не будет, но всё равно, все девки мои будут.

— Почему?

— А у меня глаза красивые!

И, знаете, ранило его не куда-нибудь — в глаз... А «партизан», о котором упоминается в дневнике, это его двоюродный брат — Миша Юнин. Он в начале войны воевал в партизанах, поэтому мы так его прозвали. Тому тоже не повезло. Он был прекрасным музыкантом. Играли на гармошке, на пианино, на аккордеоне, который мы впервые увидели в Германии. ...Его ранило в руку.

Немцы очень сильно защищали свою землю. Почти так же, как российские солдаты в начале войны... Но победить не могли. У них не было того, чем обладали русские: святой веры в нашу Правду. И способности пожертвовать во имя Родины и правды всем, что имелось... Жизнью своей.

Из наградного листа:

«Во время боя с 12 на 13 февраля противник ночью предпринял несколько контратак, стараясь окружить дом, где находился командный пункт. В отражении контратак противника санинструктор старшина Золотухина проявила мужество и отвагу. Она, несмотря на сильный ружейно-пулемётный огонь противника, выносила в укрытие раненых бойцов и командиров и делала им перевязки. В бою личным примером воодушевляла бойцов на подвиги, расстреливая из своего автомата контратакующих гитлеровцев. Она за период с 12 февраля в ночь на 13 февраля уничтожила около 10 гитлеровцев.

За отвагу, мужество и храбрость, проявленную в бою во время отражения контратаки противника старшина медицинской службы Золотухина достойна правительственной награды — ордена Отечественной войны 1 степени.

Командир 881 САПП — подполковник Голик
18 февраля 1945 года».

В Германии и после...

— Мы заходили в немецкие магазины, которые оставили хозяева, убегая от Советской армии... Чего там только не было! Обувь, ткани, всё-всё-всё... Но всё это — дедероновое, деревянное, одним словом — эрзац. — Лариса Ивановна усмехается, но в этой усмешке проскальзывает презрение. — В конце войны мы могли отправлять посылки из Германии. Ежедневно разрешалось отсыпать по 6 кг — солдатам, по 10 кг — офицерам. Я ни одной посылки не собрала. Для меня все вещи пахли кровью...

Радость победы потонула в сложностях и противоречиях послевоенного времени. Страна не нуждалась в таком количестве лётчиков, связистов, снайперов, даже сестёр милосердия, которые хлынули с фронтов. Требовались строители, пахари, созидатели и кормильцы. А что могли они, кто на протяжении нескольких лет постигал лишь науку войны: умению воевать и выживать в ней?

Спасло чувство «землянки» (оно и сейчас срабатывает). После продолжительной болезни, которую врачи определили как синдром тишины (жизнь без бомбёжки), Лариса уехала в Брест, к своим однополчанам. Закончила с отличием педагогический институт, стала работать учителем географии. Прошагав пол-Европы военными дорогами, она эту географию изучила не только по карте и с помощью глобуса.

Золотухина — счастливый санинструктор. Её помнят... Однажды в Москве на традиционной встрече ветеранов войны в День Победы в саду Баумана (недалеко от Казанского вокзала) к ней подошёл полковник запаса со своим сыном, руководителем духового оркестра. Услышала: «Спасибо Вам за папу». А потом одну из песен сын однополчанина посвятил санинструктору Ларисе Ивановне.

За все послевоенные годы она получила множество писем с благодарными словами за спасённые жизни отцов, братьев, мужей, любимых... Эти письма хранит, иногда перечитывает и вспоминает страшную войну, оставившую неизгладимые раны на лице всего человечества.

...В старину говорили: когда забывают прежнюю войну, начинается новая. Поэтому самое сильное, самое непобедимое оружие во имя торжества жизни — это историческая память. Живая и нетленная. Запечатлённая не только в деяниях, но и в символах, принадлежащих Прошлому.

В этом смысле Великая Отечественная война XX столетия тоже оставила в наследство новорождённым поколениям неисчислимое множество суворых символов. Одно из них – «Фронтовая подруга»...

Для нас, родившихся после войны, в сочетании этих слов есть непостижимая тайна. Непостижимая! Ибо, чтобы осознать смысл и глубину этого понятия, нужно пройти сквозь огонь и грохот канонад, пережить непомерный страх окружения, вытащить с поля боя под свист пули тяжелораненого бойца, обеспечить командованию срочную и качественную связь, разглядеть в мутном небе вражеский самолёт... прошагать пол-Европы в кирзовых, не по размеру сапогах, похоронить однополчан и... победить, казалось бы, непобедимого врага, презревшего всё человеческое. Лишь тогда можно понять умом и сердцем, что это такое – землянка, окопы, бои, фронтовое товарищество... фронтовая подруга.

Надеюсь, даже время бессильно ослабить память человечества о стойкости и мужестве советских людей, о славе тех, кто насмерть стоял у истоков этого ратного и трудового подвига.

В 1985 году в Сургуте создан и работает до сегодняшних дней клуб «Фронтовые подруги». Его активистам ещё, слава богу, живущим среди нас, достаточно много лет. Но свою деятельность они не прекращают... кто в силах, конечно, кому ещё позволяет здоровье.

За эти годы женщины столько провели, прочитали, пропели, собрали, увековечили, помогли... что никаких глаголов не хватит, чтобы обозначить масштабы той работы, которую выполнила в общем-то небольшая группа фронтовичек. Их всего-то прошло через клуб 206 человек... за 25 лет... Лариса Ивановна Золотухина в этом клубе с первых дней и возглавляет его с 1989 года.

– Однажды меня пригласили в женскую консультацию, – рассказывает она в один из тихих вечеров в геронтологическом центре. – Я, признаюсь, удивилась. Пришла. Оказалось, заведующая консультацией – бывший санинструктор, кандидат медицинских наук Галина Ивановна Чарчян – собрала группу фронтовичек и предложила создать в Сургуте женский клуб ветеранов войны.

Мы с воодушевлением восприняли предложение и буквально с первых дней начали работу. Прежде всего предстояло найти участниц Великой Отечественной войны, зарегистрированных в нашем городе. Мы тогда мало что знали друг о друге.

В инициативную группу вошло 16 человек. Сообщили о своём начинании в горком партии. Тут нам помогла Августа Георгиевна Терентьева. Местом дислокации определили ДК «Строитель». Кстати говоря, тогдашний директор Рафаэль Карасёв близко к сердцу принял нашу организацию, точно понял назначение клуба, и это понимание очень помогало нам в дальнейшем.

Нескольких членов инициативной группы направили в военкомат, чтобы они нашли тех, кто состоял на учёте. Этой рутинной работой занимались Галя Чарчян, Маша Бикбова, Лена Бабаренко, Катя Желанова. В результате на первом собрании присутствовало уже около 60 человек! Тогда же утвердили и название клуба – «Фронтовые подруги».

Идея создания такой общественной организации уже витала в воздухе. И очень хорошо, что мы так удачно и своевременно воплотили её в жизнь. Ведь к тому времени мы почти все стали пенсионерами, бабушками, с вытекающими отсюда последствиями и... О нас стали забывать, а нам хотелось прежнего уважения, хотелось сохранить и поддержать статус участниц войны. Когда клуб начал работать, в семьях вдруг увидели, что их бабушки – люди особой породы. Они имеют ордена и медали, их приглашают на собрания, дарят подарки, о них заботятся, их жизнью интересуются. Одним словом, статус

бабушек во сто крат повысился. И в обществе на нас стали смотреть как на организацию.

Среди нас до сих пор действует «синдром землянки». Мы понимаем друг друга не только с полуслова, но и с полуувзгляда. Потому что все прошли через войну. И не важно, кто, где, в каких родах войск. Всё равно – это была война! Поэтому у нас всегда находятся темы для разговора.

Совместное пребывание в клубе очень помогало нам выжить. Несмотря на смену общественного строя, на бездарные реформы правителей, на «чёрные четверги» и «вторники», «съевшие» все наши и без того скучные денежные сбережения. Я уж не говорю о выплатах по облигациям, которые нам частично в обязательном порядке выдавали вместо зарплаты в послевоенные годы...

Одним из главных направлений деятельности клуба было и остаётся до сих пор (!) – патриотическое воспитание подрастающего поколения. К концу 80-х годов уже чувствовалось дыхание нового времени... В жизнь ворвалась перестройка. А вместе с нею и странная установка на то, что учителя в школах теперь не должны заниматься воспитанием детей. Правительство увлеклось распределением портфелей, бывшие союзные республики стали самостоятельными государствами. Война в верхних эшелонах за власть, а затем борьба против её последствий привела к разгулу наркомании, проституции, безыдейности молодых.

При такой политике государства сам институт патриотического воспитания в школах мог бы вообще исчезнуть, если бы не ветераны. Ощущалось это и в Сургуте.

Но женщины-фронтовички упрямо, настойчиво ходили в школы и рассказывали детям о Великой Отечественной. Убеждали, что война 1941–1945 годов – это факт проявления массового героизма целым народом, всей страной. Их уроки мужества слушали, им внимали! При клубе был создан ансамбль, который получил одноимённое название. В его репертуар подобрали песни об армии, о Родине, о войне и Победе. Причём, не избитые, а совершенно новые, ранее не звучавшие на этой территории.

Каждая песня – это боль. Прежде чем выучить слова, плакали над текстом, а уж потом постигали музыку. Волнение фронтовых подруг проходило через сердца и души присутствующих в аудитории детей и

взрослых. Вместе с ансамблем посещали не только школы, но и рабочие общежития.

Постепенно сложились отношения с юниорскими и юношескими организациями. Завязали дружбу со школами, с поисковыми отрядами «Югра» из Туртаса и «Журавушка» из Сургутского 56-го училища. Это давало возможность общаться с молодыми людьми, заряжаться их энтузиазмом. А они, в свою очередь, воспринимали опыт ветеранок войны, учились дисциплинированности, ответственности.

– На всех этапах существования клуба среди «подруг» были те, кто не мог ходить, парализованные или малоподвижные, – рассказывает Лариса Ивановна. – Мы распределили свои силы между заботой о больных и патриотическим воспитанием молодёжи. Ходим по домам, навещаем наших девочек, приносим лекарства, лечим словом, стараемся вселить дух бодрости, вдохнуть силы, веру, надежду... на выздоровление и будущее.

Есть Совет клуба. В его составе девять человек. Очень выручает телефонная связь, ею обеспечены все фронтовые подруги. Она существенно облегчает нам и работу, и заботу друг о друге. Мы в курсе дел всего состава клуба, как в отношении самочувствия, так и о взаимоотношениях в семьях. До сего времени не прерываем связи с однополчанами. Переписываемся с теми, кто остался жив, правда, на встречи уже не ездим, хотя все эти годы они возвращали нас в нашу фронтовую юность, несли хороший заряд бодрости и оптимизма для дальнейшей жизни.

К 50-летию Победы областной Совет ветеранов и областной исполнком народных депутатов приняли решение о проведении на основе Сургутского клуба тематической областной конференции «У войны не женское лицо». Тогда-то и задумали организовать свой музей. Создали. Сначала это была одна комната, теперь – три. Музей посещают школьники и студенты, гости Сургута и района.

– Я благодарна всем женщинам, которые прошли через клуб «Фронтовые подруги». Конечно, трудно было работать, ведь женская психология никому не понятна, даже нам самим, – признаётся Лариса Ивановна, – но я благодарна за их дисциплинированность, за их скрупулёзность и точность в работе. Я благодарна за ту... боевую нашу

дружбу, которую мы пронесли (плачут)... и с радостью поддерживаем все эти годы. И, может быть (я так надеюсь), наше фронтовое общество повлияло на долголетие наших подруг.

Понимаете, мы здесь все – девочки! Зовём друг друга по имени. Может быть, это прозвучит парадоксально, но для меня клуб – это повторение юности. Он даёт жизнь...

Трудно поверить, что эта удивительная женщина перенесла не один инфаркт, что сердцу её помогает биться специальный аппарат. Лариса Ивановна по-прежнему спешит жить. И по-прежнему везде успевает. Её однокомнатное жилище – своеобразная штаб-квартира. Там постоянно люди, то и дело трезвонит телефон... Приглашения, предложения, объяснения, просьбы... Болеть некогда!

...Вопрос «Женщины и война» до сих пор остаётся спорным. Так ли уж необходимы были на фронте те самые восемьсот тысяч девчат и женщин, добровольно ушедших воевать, заниматься делом, не своим женскому, материнскому началу, заложенному в них самой Природой? Ведь все невзгоды они терпели наравне с мужчинами. И так же, как мужчины, проливали свою и чужую кровь...

– Да, – соглашается Лариса Ивановна, – очень сложный, таящий противоречие вопрос. Но помимо пользы, которую приносили девчата, заменив солдат, они в большинстве своём становились примером мужества, совестью своего подразделения. Мужчинам было стыдно бояться...

Однозначного ответа тут быть не может. Как сказал Черчиль, мы – поколение пассионарное. То есть без лести преданное стране. С этим можно вполне согласиться. В своё время мы приняли присягу, поклялись Родине быть ей всегда верными, и клятву эту никогда не нарушили. Тем и отличаемся от других.

Откуда берутся силы? Оттуда же, из Прошлого. В годы войны политруки говорили: «У солдата есть всё. И ещё чуть-чуть». Вот этого «чуть-чуть» мне лично хватило как раз на шестьдесят с лишним лет полнокровной жизни после войны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1976 года за достигнутые успехи в обучении и воспитании учащихся в девятой пятилетке Лариса Ивановна Золотухина, инспектор Сургутского районного отдела народного образования, награждена орденом Октябрьской революции. А в 2005 году её имя занесено в энциклопедию «Лучшие люди России». Она награждена номерной памятной медалью и знаком.

2005 год

P. S.

...В июне 2011 года, в один из ясноглазых, промытых обильным дождём дней, на университетской площади Сургута Ларисе Ивановне Золотухиной принародно вручили символы высокого общественного признания – знаки, олицетворяющие звание почётного гражданина Ханты-Мансийского автономного округа–Югра. Надо же такому случиться: вручение состоялось, и через несколько минут на город вновь обрушился ливень. Ну прямо-таки обвальный! В небе заполосовали молнии, загрохотал гром... Но это уже не было канонадами и смертным светом Прошлого... Кажется, сама природа салютовала подвигу одной из женщин, посвятившей судьбу свою защите и укреплению жизни на земле.

Очарование талантом

Чёрный рояль в кафе-баре Дворца культуры «Нефтяник». За столиками немногочисленная журналистская публика. Глаза всех устремлены на молодой дуэт, который исполняет старинные русские романсы. Красивые голоса, кажется, резонируют мягким звоном даже в стеклянных бокалах. Притихшая под давлением стремительных будней душа начинает трепетать, как пламя свечей на рояле под порывом свежего ветерка, ворвавшегося в зал через открытые форточки. Зажжённые свечи – лишь атрибутика для создания интимной обстановки, подчёркивающей необычность вечера, устроенного для избранных. Мне казалось, я чувствую, как душа устремляется ввысь, она, словно невидимая птица, расправляет крылья и парит над нашими монотонными буднями, указывая более возвышенный путь, наполненный красотой ликующего сопрано Светланы и бархатистого тенора Александра, слившихся в дуэте.

Этот незабываемый вечер русского романса положил начало нашим дальнейшим многолетним отношениям.

Давно это было... лет тридцать назад. В прошлом веке, в иной общественно-политической формации, в другой жизни. При иной вере, которую обрели двое этих людей и теперь идут вместе по пути духовного взросления. В тот вечер никто из нас, журналистов, даже предположить не мог, какая сложная и многотрудная впереди дорога, какое испытание для нас всех подкинет Его Величество Время. Но, видимо, все мы заслужили это...

Большое мягкое кресло поглотило её хрупкую фигурку. Она была настолько измождённой, что даже голос трепетал от усталости. Но в глазах – больших, лазоревых – светился неподдельный интерес: ждала первого вопроса, пытаясь сосредоточиться. И даже не помнила, как рано встала, где успела побывать, что смогла сделать за длинный и

трудный день, в котором совместила яркую светскую жизнь в искусстве с покорным служением в храме Божьем.

Её голос льётся тихой песней без мотива, но уже через несколько минут начинаешь ощущать его мелодику.

— Я родилась в кубанской станице. Дедушка мой был гармонистом-любителем. По вечерам звуки его гармошки привлекали к нашей хате соседей. Они плясали, пели песни и частушки. Мы с подружками крутились неподалёку, слушая и подпевая.

Часто мы убегали на лужок или за дорогу и пели на спор, кто кого перепоёт. На Кубани это называется «кричать песни». Помню, любимая песня была:

«Ой вы, гуси, до свиданья, прилетайте к нам опять!

Только Дона и Кубани вам теперь уж не узнать!»

Потом мама увезла меня в районный центр. Лужка там уже не было. Закрытая в квартире на замок, я становилась на подоконник и пела громко всем проходящим мимо...

При нашей тогдашней бедности учиться музыке не было возможности. А мне так хотелось...

В классе я всегда была запевалой, а выступать на сцене стала только в 14 лет. Я тогда безумно любила Людмилу Зыкину и стала ей подражать. До сих пор помню, физически ощущаю дрожь моих коленок на первом концерте в Доме пионеров...

Зрители встретили талантливую девочку восторженными аплодисментами. Её полюбили сразу. Звонким, звучным голосом она покоряла песнями из репертуара самой популярной народной певицы: «Оренбургский пуховый платок», «Течёт Волга», «Рязанские мадонны»... Она очень хотела стать второй Зыкиной.

Так же размеренно и тихо Светлана продолжает:

— Затем я поступила в Краснодарское музучилище, причём без музыкальной подготовки, благодаря голосу и хорошему музыкальному слуху. Я была безмерно счастлива, начиная самостоятельную жизнь в 15 лет! И только первого сентября узнала, что не буду певицей, а после окончания училища стану учителем пения в школе. Пережив горькие минуты разочарования, решила всё же учиться.

Не зная нотной грамоты, через трудности, но довольно быстро догнала своих сокурсников. В академическом хоре мой голос перестроился. И карьера певицы-народницы не состоялась. Зато, казалось, открылась новая дорога. Я даже видела себя на оперной сцене в роли

Иоланты, Виолетты, Джильды... Но в консерваторию меня не приняли, хотя отметили красивый тембр голоса и музыкальность. Это стало болью всей моей жизни! Я совсем упала духом и, не имея хорошей вокальной школы, после второго провала почти перестала петь классику.

В начале семидесятых годов Светлана Марченко приехала в Сургут. Старожилы помнят, что он собой представлял в то напряжённое для всех времена. Некоторые журналисты с подачи политиков назвали этот период «застойным». Возможно, в каких-то регионах страны он таковым и являлся, но только не здесь, не в Западной Сибири.

В то время город имел всего два культурных учреждения: дом культуры «Геолог» и кинотеатр «Рубин», куда билеты выделялись в качестве поощрения передовикам производства. Именно поэтому самодеятельные артисты были весьма востребованы. Их ждали на буровых и на промыслах, в «красных уголках» и просто на травяных полянах. Так называемые агитбригады выезжали по графику. В их составе находилась и Светлана Марченко.

— Приезд в Сургут благотворно повлиял на мой творческий рост. Здесь я наконец-то избавилась от приобретённого комплекса неполноценности, почувствовала себя нужной людям и, начав с лирической эстрады, снова обратилась к классике. Мне всё-таки посчастливилось немного поучиться пению на стажировках в Москве, Свердловске. Многое нам дали занятия с Людмилой Лопатиной, преподавателем Московской консерватории. Благодарна я и счастливой встрече с Виктором Емельяновым, автором сонопедического метода развития голоса, который даёт возможность заниматься самостоятельно.

Суммируя теперь полученные знания, проверяя их на практике, я нашла свой путь работы над голосом. Но совершенствоваться можно лишь в процессе пения. Иногда кажется, что ты просто ничего не умеешь. Но когда голос подчиняется тебе, то эта радость ни с чем не сравнима!

В моём кабинете есть картина, написанная маслом. На ней изображена церковь из красного кирпича. Её отражение колеблется в канале. С противоположного берега к церкви перекинут мостик. В мутной воде эта дорога зеркально-чёрная. На сером тревожном небе высвечиваются купола. И только вдали, где оба берега сходятся на горизонте, заметен слабый просвет...

Когда я смотрю на эту картину, возникает ощущение того, что не просто церковь отражена на полотне. Это наша сегодняшняя Россия, её дух, настроение и слабая надежда на воскресение, а значит, на подъём.

Картину эту написал и подарил Саша Груздев в один из моих дней рождения, о которых певческая супружеская пара никогда не забывает.

Помню, когда в первые годы они приходили в нашу квартиру и начинали петь, в дверь постоянно стучали соседи по стояку, задавая один и тот же вопрос:

– Скажите, по какому каналу идёт концерт, который вы слушаете?

Объясняла, что это «живое пение».

– А кто к вам приехал, откуда? Москвичи?

– Это наш сургутский дуэт: Светлана Марченко и Александр Груздев, – терпеливо отвечала я на вопросы любителей вокала. Потом соседи привыкли. Стучать перестали. Просто слушали пение наших друзей через распахнутые двери балконов. Или стоя под окнами. Их чарующие голоса привлекали внимание прохожих, заполняли двор, создавая приподнятое настроение.

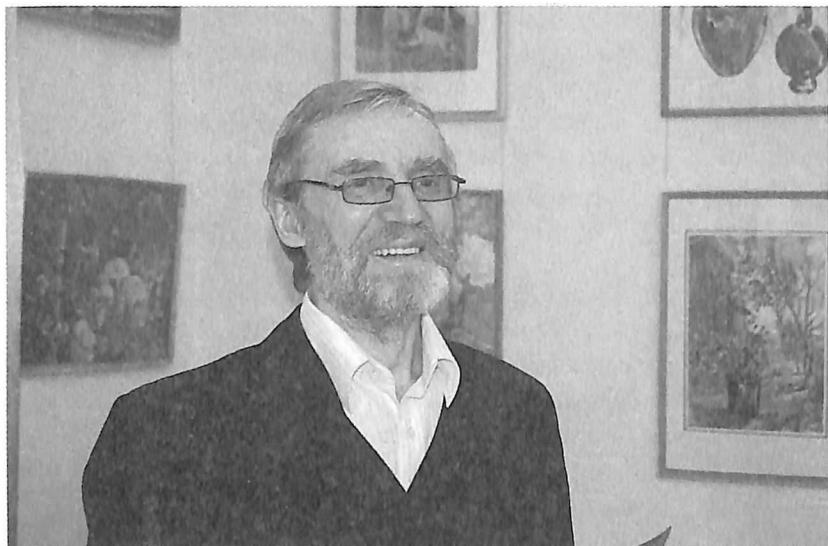
На домашних вечеринках в 90-е годы наши разговоры об искусстве частенько переходили в беседы о Вере, о проблемах нравственности, о том, сколько вреда приносят безыдейные ныне идеологические структуры, в том числе СМИ – газеты, радио, телевидение. И тогда молчаливый Саша становился красноречивым, убедительным оратором:

– Наши прародители из поколения в поколение жили в православной России. И тогда государство было сильным, культурным, богатым традициями. Всё это было разрушено, и сейчас мы выходим на новый этап возвращения к нашим духовным истокам.

Груздеву тоже не удалось получить вокального образования. Но ему посчастливилось учиться пению у М.Г. Коломенского. Александр закончил консерваторию по классу виолончели, работал в Горьковском симфоническом оркестре.

В Сургут приехал вместе с сокурсниками. Сначала был солистом во Дворце культуры «Строитель», затем вёл класс виолончели, пел и преподавал вокал в музыкальном училище. Через десять лет решил попробовать себя в новом качестве – художника. И, как вы уже поняли, у него получилось.

Говорят, жизнь, если в ней ничего не менять, не подновлять и время от времени не ремонтировать капитально, может научить только плохому. Александр Васильевич постоянно работает над собой, и сам уже не

знает, кто же он: певец, художник или учитель? Скорее, одно дополняет другое, а творчество доставляет наслаждение.

— Это тоже одна из возможностей утвердиться в этой жизни. Картины — отражение настроения в момент творчества. К сожалению, таких моментов бывает значительно меньше, чем хотелось бы. А музыка — она постоянна. Это способ моего существования. Она звучала во мне с рождения и сопровождает до сих пор. Сначала это были песни в мамином исполнении, потом в исполнении окружающих. В послевоенное время люди много пели. Это была своеобразная защита от трудностей, которые переживали люди до войны, во время и после неё. А может, музыка органично входила в меня ещё в утробе матери...

При воспоминании о матери Александр очень светло и чисто улыбнулся, в его голосе зазвучала такая нежность, что и слов никаких говорить не надо. Понятно: любовь к матери безгранична.

— Мама... Простая русская женщина. Она всегда тяжело и много работала, чтобы обеспечить жизнь себе и сыну. Я считаю, она дала мне прекрасное наследство — любовь к искусству.

Отец по природе был очень одарённым человеком. Просто в силу жизненных обстоятельств не доучился. Он тоже пел и был художником. Даже без образования он писал великолепные стихи.

Встреча Марченко и Груздева произошла в ДК «Строитель». В то время Светлана уже была солисткой и очень заинтересовалась молодым человеком, когда впервые услышала Сашин голос. Дуэт сложился сразу. Начали с простеньких незамысловатых популярных песен, постепенно стали усложнять репертуар романсами, дуэтами из опер и оперетт. И таким образом подошли к «Сильве».

В то время благодаря энергичной Нине Ивановне Несмачной, которая собрала (хоть и не в полном составе), но первый в городе симфонический оркестр, удалось воплотить в жизнь, казалось бы, невозможное: авантюрную мечту о постановке оперетты на сургутской сцене. Не имелось практики, не было школы. Ни режиссёра, ни балетмейстера. А мечта всё-таки осуществилась. Прежде всего помог энтузиазм, настойчивое стремление музыкантов и исполнителей главных партий добиться своего. И ещё... Яков Семёнович Черняк (ныне директор департамента по культуре, молодёжной политике и спорту), нефтяники.

Это был настоящий фурор для города! Ведь в то время, заполняя анкеты и отвечая на вопрос: «Почему вы уезжаете из Сургута?» – многие откровенно писали: «Здесь нет театра, не хватает духовности, атмосферы творчества, культуры, интеллигенции».

Да, они были правы. Ведь люди ехали сюда не только за романтикой: кто за рублём, кто сбежал от алиментов, кто от жены, а кто-то, покинутый, искал счастья и Судьбы среди болот и бездорожья, пытаясь пережить обиду, утопив своё горе в кромешном труде... Всякие приезжали...

И вдруг – «Сильва»! Оперетта, поставленная собственными, имеющими на тот момент в городе талантами. Не буду вспоминать всех участников. Не о них сейчас речь. Каждому Его Величество Время воздало должное. Или не воздало...

Помню голоса – Светланы и Александра, их исполнение – ещё не совсем театральное, но исключительно грамотное. Вновь переживаю те чувства, которые испытали присутствующие тогда в зале Дворца культуры и техники «Нефтяник». Апофеозом стали такие овации, такой восторг, что слёзы радости блестели на лицах, и никто не стеснялся их. Состоялась поистине потрясающая победа провинции над... самой собой! Она показала, что таланты в России есть не только в столицах. Богата наша земля ими повсеместно. Надо лишь постараться их увидеть и помочь им приподняться. Чуть-чуть, но – помочь... А уж там они и сами покажут, чего стоят. Марченко и Груздев доказали это.

Дуэт выступал очень часто: на вечерах у ветеранов, у журналистов,

на сценах городских и поселковых домов культуры, во дворцах больших городов и областных центров... Светлана и Александр несли своё искусство в люди, в народ. В прямом смысле. И в благодарность получали бурные овации, цветы и любовь зрителей.

...С творческими людьми всегда трудно. Талант – должно терпеть. Он требует повышенного внимания, постоянного выражения очарования, блеска славы, купания в восторженных комплиментах.

И путь к совершенству никогда не бывает лёгким и простым. К совершенству в своей профессии и... к совершенствованию души, которое делает нас лучше, талантливее, красивее. Не сказать, что превозносит над человечеством, но помогает стать выше, сильнее, духовно чище. Ведь талант – это не только дар Божий, но прежде всего труд. Он в достаточной степени способен поднять на большую высоту, помочь достичь того, что ранее казалось недосягаемым. Светлана Марченко и Александр Груздев смогли использовать дарованное Судьбой по полной программе. В своих концертах они выкладывались до конца.

В характере и природе вокала Светланы Марченко сочетаются темперамент, интеллектуальная страсть, преданность делу истинного трудоголика. Я понимаю, что это трудно для усвоения и восприятия, но так оно есть на самом деле.

Светлана Ивановна очень требовательный человек. Я даже не знаю, бывала ли она когда-нибудь довольна своим исполнением. Ей всё время хочется петь еще лучше и лучше. Она много работает в этом направлении. Учится постоянно. И сама – учит: преподает в музыкальном училище, в центре искусств. Вместе с Александром они создали вокальный клуб, в котором объединили любителей классического пения.

Творческий процесс непрерывен. Супруги постоянно создают новые программы. Поклонники помнят юбилейные концерты, посвящённые Чайковскому, Пушкину, Есенину, Рахманинову, Римскому-Корсакову...

У них есть «свои» слушатели, которые приходят на концерты в любую погоду, несмотря ни на что. И это составляет особую ценность.

Слушая Светлану Марченко на концертах, невольно ловила себя на мысли, что голос её иногда неузнаваемо прозрачен, торжественен и звучит по-особенному возвышенno. В эти минуты понимаешь, что такое наслаждение.

На работе ей проще, чем дома. Ведь звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» никого ещё не освободило от обязанностей жены, матери, бабушки, воспитательницы, хозяйки, дочери...

— Дома миллион проблем, надо всё успеть, а когда выйдешь за его стены, думаешь, ну вот теперь-то можно поработать...

Она наконец-то рассмеялась и сразу стала прежней Светланой, хотя я совершенно точно знаю, что прежней она уже никогда не будет. Дуэт Марченко – Груздев перешёл на другой качественный уровень и продолжает в нём совершенствоваться.

— Было время, когда мы оба зашли в некий, творческого характера тупик и спасения ни в чём другом не увидели, кроме пути к храму, — призналась Светлана. — Это главный путь для возрождения. Бога мы искали оба. Саша храмы рисовал, а я все думала, искала... Может быть, не там искала...

Пришло время, и они стали участниками миссионерской просветительской поездки по Оби, которая называлась «Славянский ход». К тому моменту в городе уже появился православный приход. Организовали Общество русской культуры, ансамбль духовных песнопений «Светилен», появилась газета Свято-Никольского храма «Северный колокол»... И во всём этом проявились энтузиасты. Многие и сейчас продолжают своё дело. С годами оно значительно расширилось, углубилось в народном сознании, засверкало гранями мастерства, притянуло тысячи горожан.

В ходе той, первой, поездки на катере отец Виктор, как в древние времена крещения Киевской Руси, крестил в Оби детей и взрослых. Таинство крещения приняли тогда сотни жителей сельской местности, где даже и не мечтали увидеть настоящего служителя церкви. В составе ансамбля «Светилен» вечерами пели для селян и Светлана с Александром.

А потом они обвенчались. Я смотрела видеозапись этого торжества – красивые, молодые, нарядные, счастливые...

После обращения к вере их репертуар существенно изменился. Только за последние два года сибиряки услышали собрание духовных

сочинений, программы «О Боге великом он пел», «Аве Мария», «День ли царит»...

— Сейчас я очень осторожно подхожу к литературному тексту. Если раньше пела всё подряд — любую музыку, любые слова, то теперь не рискую брать такие произведения, которые мне не по душе. Именно в литературном плане. Стараюсь, чтобы и мои ученики пели то, что приносит пользу, не разрушает душу, а, наоборот, созидает.

Груздев и Марченко служат Богу. Он — в Свято-Никольской церкви, она — в храме Преображения Господня. Светлана Ивановна руководит певчими. Александр Васильевич — учит детей рисованию в воскресной школе. И при всём этом остаются занятия в музыкальном училище, в центре искусств, концертная деятельность...

— Всё очень трудно сочетается, — говорит Светлана, — времени не хватает. Я руководжу церковным хором. По милости Божьей, видимо. Хотя втайне мечтала об этом. Сначала думала, не справлюсь. Но когда стала заниматься с девочками, получилось. Решила: «Регент приедет — будет готовый хор». Регент до сих пор не приехал, а я так в качестве регента и пребываю в храме.

Много времени уходит на работу в церкви, но она даёт такое духовное здоровье, такие душевые силы, что сожалеть можно лишь об одном: слишком малы сутки, и их нельзя растянуть.

А то, что мы одновременно занимаемся искусством, радует. Ученики, занятия, выступления — та часть, без которой наша жизнь была бы неполной. Пока мы можем петь и этим радовать людей, будем стараться успевать. Поэтому светское искусство остаётся с нами.

— Быть православным человеком очень непросто, — вступает в разговор Александр. — В действительности это очень тяжёлый духовный труд, причём ежеминутный. Сложно постичь духовные истины, быть последовательным и соблюдать заповеди. Сейчас как никогда активны силы, которые противодействуют внедрению православной культуры и самой веры в массы, не гнушаясь ничем.

А храм — это больница, где лечат души. Человек омывается от грехов и получает колossalное подкрепление своей немощи.

Вы знаете, в храме удивительным образом сочетается любая деятельность — творческая и созидательная. Будь ты строитель, художник, кузнец... все работы угодны Господу и всё приносит благие плоды.

— В своих программах мы стараемся показать, как прекрасен мир,

несмотря ни на что, – дополняет Светлана Ивановна. – А то, что сейчас навязывается телевидением и радио, иногда просто стыдно слушать и смотреть:

«То, что срамом слыло, стало славою.

То, что славою было, оплётано».

В светском искусстве мы имеем возможность показать хорошие стороны человеческой души, светлые чувства, воспитывать чистую любовь к природе... Поэтому концертную деятельность бросать жалко. Пока можем, будем всё это нести людям.

Хотелось бы больше времени отдавать церковному пению. Там сейчас много работы. Но выбрать что-то одно не могу. И там и там интересно, не хватает времени просто. К тому же теперь мы живём по церковному календарю, и это ещё большие усложняет работу в светском искусстве. Даже юбилей свой пришлось перенести.

– Сейчас россияне живут не как нормальные, духовно здоровые люди, – говорит с горечью Александр, – а как больные. Это страшно! И прежде всего гибнут дети. За кем они пойдут? Непонятно. Хочется чем-то помочь, а помочь мы можем, если будем иметь на это право, как люди здоровые, с чистой душой.

...Искусство – удел избранных. По большому счёту к этому разряду можно отнести и веру. Не каждому дано прожить жизнь в чистоте, в её последовательности и строгости. Прекрасный дуэт «Груздев – Марченко» много лет назад пошел по многотрудному пути к храму.

Свою давнюю встречу в восьмидесятых годах они считают особым даром Провидения.

– Встреча с Сашей спасла меня от многих бед в жизни, – признаётся Светлана, – может, жизнь мою спасла, потому что не в ту сторону я шла тогда.

– А какое отношение у тебя к нему сейчас? Крепче любишь? – спрашиваю.

– Одним словом не ответишь, – Светлана задумалась. – Трудно сказать, но то, что мы друг другу нужны – это самое главное.

Я помню, как во дворце культуры «Энергетик» при аншлаге состоялся бенефис Светланы Марченко, посвящённый двадцатилетию служения искусству на сургутской земле. Когда она вышла на сцену – изящная, красивая, очаровательно улыбающаяся – зрители тысячного зала приветствовали её стоя, бурными аплодисментами. Это было признание в любви...

А дальше её талант заблистал всеми гранями: арии из оперы Верди «Иоланта» и из оперетты «Сильва», русские романсы, песни, духовная музыка...

Вёл концерт Александр Груздев. Он же и аккомпанировал своей партнёрше и спутнице жизни то на гитаре, то на виолончели, пел в составе ансамбля «Светилен» и... купался в лучах славы первой звезды.

Коллеги говорили ей тёплые слова благодарности, выражали гордость от сопричастности в работе. А Екатерина Владимировна Лоншакова, директор школы русской культуры имени Знаменского, выразилась так:

– Новое рождение переживаем мы благодаря тому, что в судьбу нашего города вплетаются судьбы ваши.

Так оно и есть! Об этом же говорили и ветераны войны Алексей Николаевич Сибирцев, Флентон Яковлевич Показаньев. А председатель клуба «Фронтовые подруги» Лариса Ивановна Золотухина, рассказывая о том, сколько радости приносит дуэт своими выступлениями на мероприятиях, организованных женщинами-фронтовичками, сообщила, что Светлана Ивановна не просто частый гость у них – ей вручена медаль члена клуба.

Тогда же Яков Семёнович Черняк с восторгом передал примадонне поцелуй из Москвы от великих артистов – Михаила Ульянова и Николая Губенко. А затем объявил прекрасную новость о присвоении звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» Светлане Марченко! Зрители ликовали! Цветы некуда было складывать...

Маленькая деталь: все сборы, полученные от продажи билетов, пошли в фонд строительства храма Преображения Господня. Так решили Светлана Марченко и Александр Груздев.

...Говорят, время – лекарь. И оно же – разрушитель. С тех пор как я знаю Светлану и Александра, очарование талантом не проходит. Следовательно, перед настоящим искусством даже время бессильно.

2001 год

P. S.

В 2011 году Светлане Ивановне Марченко вручён знак «За заслуги перед городом Сургутом». Торжество по этому поводу состоялось 12 июня, в День города. От волнения она даже не смогла ничего сказать. Но буквально через час на приёме у главы Сургута Дмитрия Валерьевича Попова пела. И как пела! Голос чистый, звонкий, как родник, врывался в сознание и наполнял свежестью.

Как всегда рядом – Александр, в который раз разделял её успех. Сопрано и тенор, слившись воедино, звучали страстно и возвышенno. Им было тесно в гостевом зале для избранных. Что это было? Благодарность, радость, любовь?..

И ещё одно знаменательное для семьи событие произошло в 2011 году. Семейный и сценический дуэт Груздев – Марченко отметил своё 30-летие и юбилейные даты: ей – 60, ему – 65. И снова концерт. И снова зрители кричали: «Браво!». И цветы, цветы, цветы... как высший знак преклонения перед истинным талантом.

Ремарка

Я присутствовала на многих концертах Марченко и Груздева, наблюдала за развитием их таланта и всё ждала – вот в следующий юбилей – непременно случится...

Не случилось. Александр Васильевич так и остался в тени славы Светланы Ивановны. Тридцать лет вместе! Оба признаны, обожаемы и обласканы. Только её талант увенчан званиями и наградами. А ему досталась весьма скромная стезя: оставаться мужем примадонны. Увы...

«И это всё о нём...»

О роли личности в истории можно уже не спорить. Если это действительно Личность, она проявляет себя в обстоятельствах, во времени и в пространстве. И оставляет след в Истории. Пусть не государства Российского, а хотя бы на отдельно взятой территории, в отдельной ячейке общества.

Я никогда не встречалась с этим человеком *tête-à-tête*, а лишь «в присутствии» своего многолетнего спутника – «репортёра» (сейчас его заменили цифровые диктофоны). Наше общение ограничивалось пресс-конференциями, краткими встречами во время его рабочих визитов в населённые пункты округа, ещё реже – приёмами, в один из которых он прикрепил на мой костюм медаль «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югра» (это было в 1999 году, когда вручали номерные медали, а не знаки, как сейчас). Правда, на окружном балу прессы мы сфотографировались вдвоём. Позже выяснилось, что фотоплёнка пропала из гостиничного номера. Значит... не судьба.

Но все годы его «губернаторства» в силу своей профессии смотрела его прямые эфиры в телекомпаниях «Югра» и «СургутинформТВ», репортажи в новостных окружных и городских программах, читала в газетах о том или ином событии, в котором принимал участие этот человек – Александр Васильевич Филипенко. Поэтому мне кажется, что знаю его много лет. К тому же, готовя телеочерк к его 50-летнему юбилею, встречалась с коллегами, женой, сыном губернатора. Они-то и расширили образ до осознания не просто значимости роли личности Александра Филипенко в истории округа, но и позволили по-человечески приблизить к пониманию так часто недоступных для журналистов тем «зашторенного» от людей человека, стоящего на верхней ступеньке территориальной власти.

Теперь его фамилия ещё в большей степени ассоциируется с развитием Ханты-Мансийского округа, всего того, что происходит в столице нефтяной провинции, с авторитетом нашей автономии на государственном уровне. В конечном итоге с тем, что округ наш занимает в России одно из первых мест по благосостоянию живущих в нём людей.

А потому, рассказывая о Филипенко, я не смогла (да и не захотела) отделить его от тех дел, которыми прославился с его непосредственным участием наш регион. И невольно подкрадывается

мысль из прошлого века о том, что «коммунизм» можно построить и в «отдельно взятой стране». Надо только очень захотеть. Всем.

Свой очерк назвала «И это всё о нём...», то есть об округе. И о Филипенко.

Самый большой зрительный зал Ханты-Мансийска заполнен гостями. Камеры многочисленных представителей телекомпаний городов округа и Тюменской области устремлены на сцену. Идёт инаугурация. Положив руку на Устав, губернатор Филипенко произносит клятву:

— Клянусь: верно служить народу автономного округа, добросовестно выполнять возложенные на меня высокие обязанности губернатора округа, уважать и защищать права и свободы человека, соблюдать Конституцию Российской Федерации, Устав Ханты-Мансийского автономного округа.

Церемония вхождения в должность в его жизни проходит уже во второй раз. Впервые она состоялась 27 октября 1996 года. Тогда Александр Васильевич тоже поклялся служить народу. Всё это время он достойноправлялся с возложенными на него обязанностями.

Итоги последних четырёх лет:

- Все пенсионеры округа, а их 186 тысяч, вовремя получают деньги.
- Введены региональные доплаты к пенсиям неработающих пенсионеров.
- Полностью ликвидирована задолженность по зарплатной плате работникам бюджетной сферы.
- Создана система адресной социальной помощи ветеранам, инвалидам, малообеспеченным гражданам, многодетным семьям, коренным жителям.
- Реализуются приоритетные программы поддержки молодёжи, женщин и детей.
- Погашена задолженность по выплате пособий по безработице.

— В январе прошлого года мы зарплату не выдавали. А люди работали! Не жаловались, — рассказывает начальник «Мостоотряда-11» Валентин Фёдорович Солохин. — Я когда сказал об этом Александру Васильевичу, он был поражён: «Как?! Да не может такого быть!».

Я говорю: «Спросите у бригады». Он спросил, убедился, и тут же помог нашему тресту: в течение полутора месяцев выдали четыре зарплаты! И потом в конце концов ликвидировали отставание.

Досье:

Александр Васильевич Филипенко родился 31 мая 1950 года в г. Караганде Казахской ССР. В 1967-м, окончив среднюю школу с золотой медалью, пришёл на Петропавловский завод имени Кирова регулировщиком радиоаппаратуры. В 1968-м поступил в Сибирский автодорожный институт (г. Омск), после его окончания в 1973 году, получив специальность инженера-мостостроителя, распределён на работу в Сургут. Здесь четыре года работал на строительстве моста через Обь: строительным мастером, инженером, старшим инженером ПТО мостового поезда № 442 Минтрансстроя СССР. В 1977-м направлен на работу в Ханты-Мансийский окружком КПСС на должность инструктора, затем стал заведующим отделом строительства.

1982 г. – первый заместитель председателя Ханты-Мансийского окрисполкома.

1983-1988 гг. – первый секретарь Берёзовского райкома КПСС, второй секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС.

1989 г. – председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.

1993 г. – указом Президента России назначен главой администрации ХМАО.

1996 г. – избран губернатором ХМАО.

2000 г. – переизбран на пост губернатора ХМАО. Член Государственного совета России.

Женат, имеет сына, дочь и двух внуков.

Увлечения: любит читать, рыбалку, заядлый аквариумист, шахматист.

Награждён орденом Почёта, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

– Родился Александр Васильевич в простой многодетной семье, состоящей из шести человек: четыре сына, мать, отец, – рассказывает жена Галина Владимировна. – Отец один работал, поэтому в семье был скромный достаток.

Встретились мы на первом курсе. Понравилось, что он не такой, как все. Возле него всегда было много парней и девчата. Он с шутками-прибаутками постоянно со всеми общался. Первые два года я вообще не могла воспринимать его серьёзно, потому что слишком уж он любил посмеяться и пошутить. Иногда даже психовала по этому поводу.

Поближе познакомились в стройотряде. Много общались, разговаривали. Вот тогда и узнала его жизненную позицию, отношение к людям, к женщине, к матери...

В годы учёбы в институте у нас родился сын. Семья студенческая, дружная. Парни помогали: кто рядом с Обским совхозом живёт, привозил картошку, кто мяса подешевле достанет – принесёт. Так что мы спокойно пережили эту пору. Да и больших потребностей не проявлялось, лишь бы хлеб-соль на столе была.

– Александр Васильевич сразу профессию выбрал? – задаю вопрос.

– Нет. Как он рассказывал, по молодости не мог решить, кто он: «Дмитрий Менделеев или Лев Толстой?». А пока не определился, решил поработать на заводе, имея золотую медаль по окончании средней школы. Там и понял.

– Что?

– Что он и «Менделеев», и «Толстой», и слесарь хороший (смеётся).

На распределение он, как лучший студент, зашёл первым и меня с собой взял. Нам было всё равно куда ехать. Лишь бы работа нашлась и угол где жить. Выбрали Абакан. Александр Васильевич поехал в армейские лагеря, как он сказал «зарабатывать звёзды на погоны», а меня отправили за сто километров, потому что работы в Абакане не оказалось. Вернулся после службы, поговорил кое с кем в Новосибирском мостостроительном тресте. Поступило новое предложение: станция Зима или Сургут. Выбрали то, что поближе.

Сначала жили в комнате приезжих, потом получили квартиру. По моему, все молодые семьи того периода так начинали.

Александра Филипенко отпускали из института только на три года. Дескать, обживись, заработай квартиру и приезжай в аспирантуру. Супруги мечтали (правда, недолго) стать «великими» учёными. Не получилось... Жизнь так закрутила, что и думать об этом забыли.

– Он приехал в наш «Мостоотряд-11» молодым специалистом после окончания Сибирского автодорожного института, закончив факультет «Мосты и тоннели». – Это уже из рассказа Валентина Фёдоровича Солохина, известного на всю Европу мостовика. – Его что

отличало? Невероятное стремление поскорее всё познать, всё охватить. Работал подолгу.

Приезжал как-то в контору – никого из специалистов нет, один вахтёр. Спрашиваю: Тоболяка нет? (был такой специалист).

– Нет никого, – отвечает. – Только беленький парнишка работает, молодой такой…

Я пошёл. Познакомились. Показался мне тот «беленький» очень интересным, любознательным! Обычно молодые специалисты медленно растут, а тот во всё вникал.

– Над чем работаете, Александр Васильевич? – спрашиваю.

– Да я вот тут кое-что интересное раскопал, хочу предложить разработку по сокращению затрат…

Понимаете, десять часов вечера, а человек на рабочем месте, пытается скорее постигнуть искусство строительства мостов и даже улучшить его.

Замечательно ладил с людьми. Никогда не уходил от общественных нагрузок. Организовывал ребят, и они после работы, в выходные дни построили спортзал. Потом соревнования там проводили. Когда надо было выступить перед публикой, частенько обращались к нему: «Александр Васильевич, выручай…». Он не возражал, делал это с удовольствием, грамотно.

А вот от моего предложения отказался. Я ему говорю, давай будешь моим заместителем. Нет, говорит, я – мостовик, не смогу в конторе работать! Но я тогда обрадовался: правильно поступил. Надо сначала приобрести опыт.

Галина Владимировна продолжает отвечать на мои вопросы:

– Характер у него весёлый. В жизни разные ситуации бывали, но он мог всё перевести в шутку. Это в какой-то мере помогало обрести душевное спокойствие.

Конечно, притирались сначала друг к другу. У каждого свой характер. У меня иногда высказывали нехорошие слова. Он недолго терпел, один раз сделал замечание: «Галия, я тоже много знаю плохих слов, ты хоть раз их от меня слышала?». Больше ничего не сказал, а мне стало так стыдно! Я с того момента никогда не повторила ничего подобного. Вот эта интеллигентность в нём, наверное, природой задожена.

Любовь Александровна Чистова, заместитель председателя окружной Думы, с удовольствием приняла предложение участвовать в пере-

даче, посвящённой 50-летию губернатора. Тем более что Филипенко она знает с тех самых пор, когда Александр Васильевич работал заведующим отделом строительства в окружкоме партии, затем – первым заместителем председателя окрисполкома.

– *Он занимался всеми вопросами, связанными с промышленностью, строительством, транспортом и связью. Проработал немного. Потом освободилось место первого секретаря в Берёзовском райкоме. Претендентов на него было много, но выбрали кандидатуру Филипенко. Район там огромный – Белоярский, Игрыш, рядом Приполярье. Газ, строительство... было где плечи развернуть. За четыре года его деятельности в районе в два раза увеличилось количество нормальных дорог, выросли объёмы строительства жилья и объектов соцкультбыта. Наверное, поэтому наш легендарный председатель окрисполкома Антонина Григорьевна Григорьева, когда уходила на заслуженный отдых, на своё место рекомендовала именно его. Всем известно, что она была очень требовательным руководителем, к кадрам подходила взыскательно и тем не менее человек она очень тонкий, хорошо разбирающийся в людях, прекрасно знала своё окружение, среди которого на тот момент были люди более заметные, может быть, внешне более яркие. Но она так сказала: «Вот этому человеку я могу доверить то хозяйство, которое оставляю после себя».*

Когда Александр Васильевич вернулся из Берёзова, его ещё мало знали в окружном центре, тем не менее недавний производственник из Сургута оказался на первых ролях в Ханты-Мансийске в должности председателя окрисполкома.

Вот так он вошёл в историю нашего автономного округа, в число его лидеров.

Я его искренне уважаю. С ним приятно общаться, приятно работать. Даже просто помолчать приятно. Вполне земной человек, неравнодушный, настоящий профессионал. Думаю, округу очень повезло, что во главе большого региона стоит такой человек и замечательный специалист.

– *Как вы думаете, ему трудно было принять решение изменить своей профессии?* – спрашивала Галину Владимировну Филипенко.

– *Не просто. До этого у него уже были предложения занять руководящую должность в «Мостострое-11», Геннадий Павлович Богомяков в Тюмени предлагал хорошую должность... позже и в Москву звали, но он всегда соизмерял: «По Сеньке ли шапка»? Поэтому при каждой*

смене места работы решение принимал достаточно трудно. Но уж если решался, то был уверен: справится.

При Александре Филипенко в судьбе округа произошло главное событие. Ему ещё долгие годы предстоит играть свою роль: округ приобрёл самостоятельность, а его руководство обрело право делать всё возможное, чтобы люди за свой тяжёлый труд в условиях, приравненных к Крайнему Северу, получали достойную зарплату и жили пусть не совсем как в Арабских Эмиратах, но в достаточно комфортных условиях.

— В то время, помните, рычаги управления были сосредоточены в Москве. Частично проходили через Тюмень, — уточняет ситуацию Любовь Александровна Чистова. — С автономного округа привыкли спрашивать. Непонятна была наша (окружной власти) роль, не знали, как строить взаимоотношения с муниципалитетами. Так вот, Александр Васильевич собрал совещание глав местного самоуправления, и с каждым подписал соглашение. Это стало началом сложившейся сегодня системы, которая объединила муниципалитеты, региональную власть и руководителей всех корпораций. И, надо сказать, что эта система проверена временем: она выдержала два жесточайших кризиса.

Губернатор Филипенко, когда уверен, что прав в своих убеждениях, высказывает их, вплоть до президиума Госсовета. Считает: все уровни власти — муниципальная, региональная и федеральная — должны работать на одну общую задачу и не устаёт это доказывать.

Итоги последних четырёх лет:

- Введено свыше 1 600 тыс. кв. м. жилья.
- Разработана и реализуется губернаторская программа «Жильё аборигенам». К концу 2000 года в новые дома переселится 90% коренного малочисленного населения округа.
- 698 семей военнослужащих обеспечено жильём.
- 196 квартир построено для чернобыльцев.
- 127 млн рублей выделено только за последние два года для строительства жилья горожанам, выезжающим из районов Крайнего Севера.
- Средняя заработная плата за 1999 год выросла в два раза и составляет свыше 7,5 тыс. рублей.

– Есть десятки законов, огромное количество документов, направленных на улучшение жизнеспособности нашего округа, – продолжает Любовь Александровна Чистова. – Я могу назвать все 250 законов, которые приняты за три с половиной года и в которых огромная доля участия Александра Васильевича Филипенко. Он желает и надеется продолжить то, что начал.

Часто говорят: хорошо вам жить в Ханты-Мансийске, у вас столько нефти! Да, ресурсы и деньги есть. Но ведь их надо с умом распределить. Деньги в округе не пускаются по ветру на какие-то сомнительные программы, а используются на нужные цели. В этом тоже большая заслуга Александра Васильевича, это его модель управления.

Благодаря его профессионализму, мудрости, умению слушать, желанию вникнуть во все вопросы досконально округ и занимает сегодня достойное положение в России. Думаю, если в дальнейшем в России сохранится нормальная экономическая политика, то при таком руководителе мы сможем в ближайшие пять лет жить достойно, а округ по-прежнему будет считаться зоной надёжности и благополучия, потому что люди здесь умеют работать командой. И ещё потому, что им повезло с губернатором.

Наш округ богат во всех отношениях. Географическое положение, природные ресурсы, производственный потенциал определили особый статус этой территории. Сегодня он занимает ведущие позиции среди других регионов: первое место по объёмам промышленного производства, лидирующее положение в нефтедобыче, второе место по инвестициям, третье – по добыче газа. Здесь производится шесть процентов общероссийской электроэнергии, одна из лучших в стране телефонная связь.

Не ради высокопарных эпитетов Югорскую землю называют опорой государства, её энергетическим сердцем. Постепенно, но планомерно округ перестаёт быть лишь сырьевым придатком. Только в нефтепереработке запущено суммарной мощности почти на шесть миллионов тонн сырой нефти. В ближайшем будущем потребности в горюче-смазочных материалах станут обеспечиваться за счёт собственного производства.

Но... какова же роль во всём этом губернатора? Вот мнение заместителя председателя правительства округа по вопросам недропользования Владимира Ивановича Карасёва:

– Губернатор Филипенко – прежде всего хороший человек, грамот-

ный руководитель. Я бы сказал, что он – сверхтерпеливый руководитель, который, перед тем как принимать решение, много раз всё взвешивает. Он – руководитель, который старается избегать конфликтов, в любой ситуации находит компромиссное решение, позволяющее не просто не останавливаться на достигнутом, а двигаться вперёд, решать новые задачи, добиваться конкретных результатов.

Он не занимается мелочной опекой, внимательно следит за направлением общего вектора движения экономики, социальной политики. Не вмешивается в решения, которые мы принимаем в рамках действующего законодательства, правил, установленных в округе, и тех традиций, которые сложились за многие годы, в том числе и в нефтяной промышленности.

В 1992–1993 годах мы ставили цель, чтобы слова «Ханты-Мансийск» и «ХМАО» научились выговаривать во всём мире. После нескольких конкурсов-аукционов на право пользования недрами эти слова действительно научились выговаривать во всём мире. Сегодня их знают и говорят без запинки.

Мы поставили задачу найти общий язык с нефтяными компаниями, выработали единое законодательство, нормативную базу, единые

подходы и правила игры в нефтяном бизнесе в пределах автономного округа. Уверен, мы этого добились. Доказательством тому служит приезд сюда руководителей нефтяных компаний РФ, входящих в десятку крупнейших в мире для переговоров. Мы научились вместе работать, ищем и находим решения в кардинальных вопросах недропользования.

Программы, которые разработаны и приняты губернаторской командой, приносят заметные результаты. К примеру, восстанавливается пришедшая в совершенный упадок геологоразведка. Запасы нефти и газа уже не «проедаются», как это было ещё совсем недавно, а за счёт окружных средств приращиваются. И в достаточно больших объёмах, чем добывается сырья. Таким образом, и это приведено в соответствие с требованиями эксплуатации промыслов.

На восточном склоне Северного Урала ведётся разработка месторождений золота, горного хрусталя, кварца.

Не ослабевает внимание и к традиционным хозяйствам. В частности, переработке древесины, созданию цехов по выпуску изделий для нужд населения. Вложенные инвестиции позволяют в двухтысячном году в Кондинском, Октябрьском, Ханты-Мансийском и Советском районах создать более трёх тысяч рабочих мест.

Идёт строительство мини- заводов по переработке рыбы, ягод, пушнины, другого традиционного сырья. Из окружного бюджета используются средства на дотирование продукции рыбного и охотничьего промыслов, дикоросов и оленеводства.

– *В чём разумность стиля губернатора?* – задаю вопрос мэру Сургута Александру Леонидовичу Сидорову.

– *Прежде всего в демократичности, в попытке услышать все точки зрения оппонентов, не спешить с принятием решения. Ну и, наконец, в умении признать то, что не получилось по той или иной причине, в умении скорректировать решение. Это мне импонирует, внушает доверие и уважение к губернатору.*

У него огромный опыт работы, великолепные знания края, региона, где он живёт и трудится с молодых лет, знания огромного количества людей, прекрасная память. Он умеет выслушать, понять, почувствовать проблему и прийти на помощь. Причём мне импонирует его умение решать проблемы не только разово, по персоналиям, но и проблемы целых отраслей, социальных сфер. В этом состоит мудрость губернатора.

Умение понять и выслушать каждого конкретного человека – это характер. Умение за лесом разглядеть деревья – позиция. Умение своевременно принять решение, когда позволяет ситуация (сделать дополнительные выплаты тем же пенсионерам, повысить заработную плату бюджетникам), – мудрость.

К числу достижений последних лет относится весьма неожиданный для кризисной ситуации в стране факт: в ряде отраслей округа остановлено падение производства. В частности, в строительстве, лесопромышленном комплексе, пищевой промышленности. Таким образом, сохранены рабочие места, удалось избежать массовых сокращений.

Общечеловеческий опыт показывает: государство не может существовать без управления. Наследство же от эпохи реформ, от решений бездарного правительства досталось непростое. Один августовский кризис (1998 г.) чего стоил! Но экономика округа прошла проверку на прочность. Прежде всего потому, что здесь создан крепкий фундамент. И создан он совместными усилиями руководства округа, глав муниципальных образований, предпринимателей, промышленников.

– У губернатора, как у хирурга, главная задача – не навреди, – говорит Любовь Александровна Чистова. – В экономическом плане с подачи Филипенко сохраняется достоинство и некая независимость промышленников, со всеми – достаточно мирное сосуществование. Как внизу, так и вверху.

Сегодня 70 процентов всех средств округа отданы в органы местного самоуправления. В этом факт доверия губернатора тем главам, которые на месте знают, как лучше распорядиться этими средствами для людей. В других территориях бывает наоборот.

Что касается наших взаимоотношений с федеральными органами власти, здесь налицо тоже очень достойное, разумное положение нашего округа. Поскольку Александр Васильевич, который имеет с ними непосредственные контакты, может убедительно, конкретно, не впадая в ненужные дискуссии, доказать, что сегодня округ может массу вопросов решать сам, не дожидаясь помощи от центра. И то, что «нашего» мы не отдалим наверх, если нет на то законных оснований.

Те, кто давно не бывал в округе, по приезде сразу отмечают быстро развивающуюся сеть дорог. А ведь совсем недавно существовали лишь технологические проезды. Сегодня дороги с твёрдым покрытием называют кровеносной системой, без которой организму, как известно,

жить невозможно. Они связывают большинство городов территории. Губернатор этому направлению уделяет очень большое внимание:

— Дорога — это жизнь. Сначала надо дорогу создавать, а потом всё остальное, — сказал Александр Васильевич на митинге, посвящённом пуску в эксплуатацию одной из автотрасс округа. — Мы уже инициировали проект широтной магистрали Томск — Ханты-Мансийск — Свердловск — Пермь, которая сделает значительно короче путь из Восточной Сибири до европейской части страны.

Сейчас в округе завершается строительство трассы Сургут — Нижневартовск, возводятся дороги Урай — Советский, Ханты-Мансийск — Нягань. В сентябре 2000 года в районе Сургута откроется движение по уникальному вантовому мосту через Обь. Его длина 2110 метров, а значение даже трудно переоценить.

Валентин Фёдорович Солохин о своём детище рассказывает вдохновенно:

— Я только одно могу сказать: если бы не Александр Васильевич, этого моста могло не быть! Вспомните, как это было. На дорогостоящих переправах тонули машины, люди. Под лёд уходили деньги, а мостом никто не занимался. Как только Александр Васильевич встал у руля власти, сразу почувствовались перемены! По всему округу строятся и реконструируются дороги, мосты. Всё это соединяется в единую сеть. Очень интересно стало работать! Эти добрые перемены произошли благодаря Александру Васильевичу.

Нам, мостовикам, с ним, честно признаться, нелегко. Ведь он видит всё насквозь — сам мостовик. Если кому-то можно и приврать маленько (извините за откровенность), то Филипенко надо говорить только правду. Он лишь глянет — ему всё ясно. Так что с ним ловчить не приходится.

По поводу строительства автодорожного моста в районе Сургута он мог бы сказать, как многие другие говорили: хватит фантазировать, Солохин, давайстрой что-нибудь попроще и побыстрее. Когда мы показали Александру Васильевичу, как будет выглядеть мост, он поддержал нас. За это величайшее ему спасибо! Уверен, с ним мостостроение пойдёт вперёд и будет развиваться.

Округ сегодня — особый регион России. Основой окружного бюджета являются налоговые отчисления предприятий топливно-энергетического комплекса. Две трети доходов остаются на местах. Поэтому таким привлекательным кажется для многих губернаторское кресло.

Но не каждый стремящийся «порулить» территорией в полмиллиона квадратных километров способен грамотно распорядиться громадным бюджетом. У Филипенко это получается.

Не просто иметь общий язык с нефтяными магнатами. Каждый из них – «король» в своей нефтяной компании. Но Александр Васильевич сумел найти ту тонкую грань во взаимоотношениях, которая помогает, а кое-где и заставляет предприятия приносить максимальную пользу людям, живущим на северной земле.

Итоги четырёх последних лет:

- Начиная с 1996 года из всех источников финансирования освоено почти 130 млрд рублей. Каждый шестой рубль вложен в объекты непроизводственной сферы.
- Ежегодно из бюджета здравоохранения расходуется более двух тысяч рублей на одного жителя округа.

Это в три с половиной раза больше, чем в среднем по Сибирскому региону и в пять раз больше, чем по Российской Федерации.

● Выгодно отличает Ханты-Мансийский округ и показатель естественного прироста населения. В России он имеет отрицательное значение, а по округу – положительное. Медицинское обслуживание начинает отвечать современным требованиям.

● За короткое время созданы и успешно работают три собственных высших учебных заведения, 35 филиалов известных вузов страны. Теперь треть выпускников может получить высшее образование в пределах округа. Ещё такому же количеству студентов окружной бюджет оплачивает обучение в других регионах страны.

Немногие города могут позволить себе такую роскошь, как строительство жилья и объектов социального назначения. Здесь – могут. С каждым годом наша территория становится более ухоженной, благоустроенной, привлекательной.

Появились уникальные (единственные в России) объекты. Один из них – Центр искусств для одарённых детей Севера. Здесь они живут, учатся, развиваются таланты.

Начальник управления культуры при администрации округа Александр Витальевич Конев весьма доволен отношением властей к культуре (что бывает весьма редко в нашей стране).

– У власти и культуры, творческой интеллигенции – всегда очень своеобразные отношения, ибо для большинства властных органов проблема культуры, говоря театральным языком, находится где-то на галёрке. Я рад, что живу в ХМАО, работаю с таким губернатором, для которого культура – это важнейшая сфера, позволяющая воспитывать человека нового типа, создавать иную сферу – очень добрую, тонкую по отношению к человеку, и в первую очередь к детям.

Поэтому не случайно в нашем округе появился уникальный Центр для одарённых детей Севера, где обучаются до 600 человек. Причём одарённые дети, способные к музыке, хореографии, живописи, к декоративно-прикладному творчеству, приезжают сюда из самых от-

далёенных глубинок округа. Здесь они учатся, находятся на полном государственном обеспечении.

Гости, побывав в этом центре, восхищаются и радуются, что есть такой удивительный уголок в России, где делают детей счастливыми.

Недавно подписан договор о творческом сотрудничестве с Российским благотворительным фондом «Новые имена», в рамках которого будут проводиться мастер-классы. Причём не только с детьми, но и с педагогами. А творческие смены, конкурсы, фестивали стали уже традиционными.

В прошлом году учреждены гранты губернатора по десяти номинациям.

Александр Васильевич очень трепетно относится к Центру искусств, считает его своим детищем, оказывает всяческую поддержку. Конечно же, не только ему. Свои театры, музейные и выставочные комплексы, картинные галереи, соответствующие современному уровню, появились во многих городах округа. Дворцы культуры и досуговые центры для различных слоёв населения украшают теперь города и посёлки. Поэтому за развитие культуры и искусства газета «Литературная Россия» в 1997 году присвоила Филипенко звание «Лучший губернатор года».

Большое значение придаётся физкультурно-спортивному движению. Сегодня оно объединяет 160 тыс. жителей округа. Наши спортсмены вполне успешно участвуют в республиканских и международных соревнованиях, получают медали и кубки различного достоинства. Есть у нас и чемпионы России, Европы и мира.

За последние годы построены спортивные сооружения международного класса в Когалыме, Югорске, Сургуте, Нижневартовске. А в столице округа появился просто роскошный Центр лыжного спорта, от которого пришли в восторг даже именитые зарубежные биатлонисты.

Губернатор не остаётся сторонним наблюдателем всего того, что происходит на спортивных площадках окружного центра. Он – постоянный болельщик на соревнованиях по биатлону, сам не прочь пострелять по мишеням, погонять мяч в турнире по мини-футболу. Наши операторы неоднократно снимали его на многочисленных спортивных состязаниях, причём не только как дорогого гостя, зрителя, но и как члена команды в любительских соревнованиях.

Может ли это быть показным для журналистов, фоторепортёров, телекамер? Вряд ли...

В качестве отступления

Анализируя биографию Александра Васильевича Филипенко, пришла к выводу: должность губернатора – это закономерный рост грамотного человека, талантливого руководителя, осторожного политика, умного собеседника. На мой взгляд, он «не показушный».

Для завершения образа не хватало встречи с самыми близкими людьми – женой и сыном Василем. К моему великому удивлению, оба легко согласились на интервью.

Стоял май. Дом губернатора (деревянное здание со всеми коммунальными удобствами) находился по улице Ленина, рядом с редакцией окружного радиовещания. Много лет я мимо него бегала на работу. Палисадник – в цветах, в огороде зеленели аккуратные ряды грядок. Справа от калитки – навес, под которым сложена всякая утварь. Всё очень скромно... не по-губернаторски. Вот здесь и состоялась наша беседа.

Жена:

– Его мать рассказывала, школу-то он с золотой медалью окончил, а поведение никудышное было. Его два раза исключали. Не потому, что хулиганом был, а просто... вольного поведения ученик, непоседа. Теперь степенный такой. Работа, конечно, накладывает свой отпечаток. Иной раз что-то не получается, дома взрыв происходит. Ну, я промолчу. Потом он скажет: «Прости, я был не прав». И всё.

– У губернатора слишком много времени уходит на государственные и общественные дела, а что остаётся для вас?

– Можно сказать, ничего. Особенно в последнее время. Но мы к этому привыкли.

– Есть ли у него жизненное правило, которое вам импонирует?

– Наши правила в главном совпадают: жить по божьим заповедям. Считаю, это самые нормальные человеческие правила. Лучшего никто не придумал.

– Какие качества, по мнению жены губернатора, самые ценные в нём?

– Честность, порядочность, скромность, ответственность. А женой губернатора себя не ощущаю. Я дома – и не придаю значения его должности. Бывают минуты, когда вспыхивают ссоры (они есть в любой семье). Мы оба – отходчивые люди, зла друг на друга не держим.

– Почему вы не живёте в комфортабельной благоустроенной квартире?

— Это не фарс, а привычка. Люблю тишину. Мы здесь прожили много лет, здесь уютно, хорошо. Да и переезд страшит, с возрастом становится труднее менять место жительства. А домик этот — только снаружи неприметный. В нём есть вода, мы купили водонагреватель. Вот ещё денег подкопим, обошьём его снаружи современными материалами, и будет приличное жильё (смеётся). А дерево — даже лучше для здоровья, чем цементные стены.

— У вас есть прислуга, которая убирает в доме, следила за огородом?

— Нет, всё делаю сама. Дочь иногда помогает, но, как правило, у неё для этого мало времени.

— Личный повар есть?

— Нет.

— Когда же вы всё успеваете, ведь сами тоже работаете?!

— Вот так и успеваю... где в столовой куплю полуфабрикаты. Как и все женщины, нахожу выход из положения. Почему я должна быть другой? Если бы рождались сразу губернаторскими жёнами, может, что-то по-другому было. А я — обычный человек. И о людях сужу не по тому, какую он должность занимает, а по тому, какой он есть на самом деле: хороший, доброжелательный, к людям относится терпимо, готов ли прийти на помощь любому человеку, которому плохо. Для меня вот это — критерий, а не должность.

— Чем Александр Васильевич занимается вечерами?

— Как правило, на работу уходит к восьми и возвращается после восьми с кипой документов. Читает их и одновременно смотрит телевизор — новостные программы.

— Выходные вы проводите вместе?

— Это бывает так редко! Как праздник. На дачу вывезет... недавно ездили с внуком и со снохой. Раньше на рыбалку выезжал, на охоту. Любит пострелять. Но в последние годы даже на это времени нет.

— Жить с Александром Васильевичем трудно?

— Через два года будет тридцать лет, как мы вместе, но мне кажется, что жизнь пролетела как один день. И те чувства, которые я испытывала к нему в студенческие годы, не просто сохранились, а укрепились, стали ещё сильнее. Ведь с возрастом становишься мудрее и понимаешь, с каким человеком живёшь.

Василий, сын:

— С ним всегда было интересно. В детстве он постоянно приду-

мывал для нас занятия: то мастерили что-нибудь вместе, то путешествовали. Он весёлый, любит пошутить. Нам с ним было легко и весело. Выбор моей профессии связан с отцом, ведь он тоже когда-то был строителем. Нас воспитал. Так что кичиться отцом-губернатором не приходится. Хотя помнить об этом надо постоянно. Чтобы не расслабляться.

Очень любит внуков. И они его тоже любят. При первой же возможности возится с ними, но это редко бывает. На природу выезжаем, на дачу.

– Без телохранителя?

– Конечно! А зачем телохранитель? Я считаю, что отец делает свою работу хорошо. И, насколько я знаю из общения с людьми, его очень уважают. Поэтому повода для беспокойства нет.

В нём есть всё: и характер, и ум. Он и поможет, и подскажет, и посоветует. Даже при всей своей занятости находит время общаться. Мы видимся практически каждый день, если он в городе. Иногда я сам удивляюсь, как при такой загруженности у него хватает для нас и времени и любви.

Французский философ Клод Гельвеций в XVIII веке сказал: «Общество признаёт и уважает только те достоинства, которые доказаны на деле... Кто хочет точно знать, чего он стоит, может узнать это только от народа, и, следовательно, должен отдать себя на его суд».

26 марта 2000 года этот своеобразный суд (выбор губернатора на новый срок) состоялся. Более 90 процентов избирателей отдали свои голоса за Александра Васильевича Филипенко. И надо признать этот суд справедливым и праведным.

Май 2000 года

Послесловие

Александр Васильевич Филипенко свой пост оставил не поборому. Он был отстранён от должности губернатора с подачи верхних эшелонов российской власти. Да, так точнее. И честнее.

О том, что рано или поздно ему придётся освободить губернаторское кресло (всё-таки возглавлял он округ 18 лет!), все понимали. Другое дело, как это было сделано.

Для нас (меня лично), живущих вдалеке от окружных интриг, сообщение об отставке Филипенко стало полной неожиданностью. В это время он находился в поездке по югу округа, и там дотошный корреспондент попытался выяснить отношение губернатора к поступившей информации.

Александр Васильевич находился в полной растерянности. Выражаясь современным языком, в «ступоре». Это чувствовалось во всём: в невнятной, невразумительной речи, в растерянном виде, к чему мы совершенно не привыкли, в попытках оправдать и объяснить торопливость верховной власти сменить губернатора самой перспективной и благополучной территории России (Московскую область я в расчёт не беру).

Затем слушала его последний прямой эфир по телеканалу «Югра». Здесь он уже собрался с мыслями, смирился со своей участью, очень грамотно и чётко отвечал на вопросы телезрителей и подвёл некий итог своей деятельности на территории ХМАО.

Практически все звонившие во время передачи выражали благодарность Филипенко, сожалели о его уходе и переезде в Москву на новую весьма незаметную, но тоже ответственную работу. И стало ещё непонятнее: отчего же так безапелляционно поступили с уважаемым человеком, талантливым руководителем, не дав ему доработать до 60-летнего юбилея всего три месяца?!

В своём заключительном слове Александр Васильевич был вполне искренен. В его глазах частенько закипали слезы (или это софиты производили своё отрицательное действие на глазницы). Он выразил благодарность югорчанам за их полноценный труд на благо округа и высокую оценку, которую они поставили в эфире, признав его огромные заслуги в развитии и благоустройстве вверенной ему территории. Всё правильно. Потому что ещё долгое время, говоря об округе, мы будем рассказывать и о нём – Александре Васильевиче Филипенко.

Словно в оправдание или запоздалое извинение Центру лыжного спорта в Ханты-Мансийске присвоили имя Филипенко. Увековечили... Хотя и без того жители ХМАО вряд ли забудут своего первого губернатора.

Виртуоз отечественного бурения

Имя этого человека появилось в средствах массовой информации буквально с первого года пребывания его бригады на западно-сибирской земле. В 1970 году мне, машинистке окружной редакции радиовещания, систематически приходилось печатать информацию о достижениях буровиков, которыми руководил мастер Геннадий Лёвин. В Нижневартовске в то время было много замечательных проходчиков недр, но его фамилия всё же звучала чаще других: то самая высокая проходка на долото, то наивысшие показатели за месяц, то рекорд года... Постепенно возникло чувство преклонения перед этим человеком. Захотелось узнать о нём больше, нежели говорили цифры и факты статистических отчётов, сводок и кратких информаций. Казалось, Геннадий Михайлович Лёвин – великий человек! Вот бы написать о нём... Прошло больше тридцати лет, пока эта мечта осуществилась.

Впоследствии с Геннадием Михайловичем Лёвиным меня стали связывать не только привычные отношения по установленной схеме «производственник – журналист». Переехав в Сургут (он – на должность начальника УБР-2) из Нижневартовска, я – журналист из Ханты-Мансийска, мы, конечно же, встретились. Теперь уже не одна бригада, а целое управление гремело своими невиданными успехами на всю страну. Он и здесь никому не уступил пальму первенства и вновь устанавливал такие рекорды, какие оказались не по силам другим проходчикам недр.

Теперь я рассказывала о нём по радио, на областном, а также Центральном телевидении в программе «Время». Стандарты работы собкоров советского периода были невелики. Очерков с нас не требовали. Но каждая встреча с Геннадием Михайловичем дополняла сложившийся в моём сознании образ новыми деталями и фактами.

Именно Лёвин разъяснил мне сложности «буровицких» дел. Помог достойно принять западногерманскую радиожурналистку

Розу Фишер. Обеспечил её пребывание на промыслах, великолепный отдых на базе управления среди вековых сосен, полутораметровых сугробов и лесной тишины. Не говоря уж об уникальном общении, которое мог себе позволить только уникальный человек.

Сейчас мы встречаемся редко. На общегородских торжествах либо по случаю юбилейных дат Сургутнефтегаза, в окружном центре (юбилеи, добыча очередного миллиарда тонн нефти). И по-прежнему этот человек открывается для меня новыми гранями, которые обрёл или отшлифовал уже в последние годы, будучи на пенсии и живя в Подмосковье.

Очередная встреча состоялась в 2011 году на праздновании Дня города. После официальных торжеств мы сидели рядом за одним столом на приёме у мэра. Геннадий Михайлович нисколько, на мой взгляд, не изменился. Такая же открытая улыбка, тот же блеск в синих глазах, та же неуспокоенность. Он много танцевал. Не удержавшись, поинтересовалась, как теперь живётся легендарному буровику.

– Хорошо живётся, Катерина, – засмеялся он. – Я в курсе всех дел, которые происходят в «Сургутнефтегазе», у буровиков. Рад за Долгова, в управлении которого наконец-то все бригады тоже стали стотысячниками. Как у нас когда-то. Поздравил с недавним юбилеем генерального директора Богданова, слежу за новостями... Всё-таки экономика в стране пошла в рост. Это радует.

– А дома чем занимаетесь? Сад, огород?

– Сад. Совершенно неожиданно обнаружил в себе способности к садоводству. Начал выращивать хорошие урожаи яблок. В саду так здорово! Особенно весной, когда всё цветёт и благоухает.

Вот такой он – сегодняшний Лёвин.

А в прошлом столетии я по крупицам собирала о нём материал. И теперь очень рада, что ничего не потеряно из расшифровок бесед, которые мы вели при подготовке передач для радио и телевидения. Тогда я ещё не знала, что буду писать книги, героями которых окажутся действующие лица и собеседники моих очерков, репортажей, сюжетов, программ...

В начале 70-х годов Свердловская киностудия в честь юбилея Ханты-Мансийского автономного округа сняла цветной документаль-

ный фильм, рассказывающий о том, как изменился наш край с приходом сюда геологов, нефтяников, строителей, энергетиков. Всё имелось в киноленте: историческое начало – ханты и манси на оленых упряжках, школы-интернаты для их детей, национальные посёлки, строящийся Сургут и... нефтяники Самотлора, которых представлял Герой Социалистического Труда буровой мастер Лёвин. Совсем молодой человек с начинающимися на лбу залысинами. Большие синие, под цвет костюма, глаза. Говорил просто, спокойно, видимо, выступать уже привык, но волнение всё-таки чувствовалось в напряжённом взгляде. Голос негромкий, выразительный. Ничто не выдавало в нём будущего выдающегося специалиста и организатора, олицетворяющего «явления» в буровицком деле.

Монолог. Корни (запись 1989 года).

– Предки мои из Мордовии, жили недалеко от станции Красный Узел. В роду обоих родителей все были земледельцами.

Дед (по отцу) Николай Иванович имел десять детей. Чтобы прокормить такую ораву, поехал в Якутию на заработки. Вернувшись с золотых приисков, купил пять десятин земли, поставил крепкое хозяйство: несколько коров, лошадей, овцы, куры, гуси... Словом, зажиточными были людьми. Естественно, все трудились от рассвета до заката, спины не разгибая. Зато питались хорошо. Излишки продавали. В тридцатые годы их раскулачили: дом отобрали, скотину всю увезли со двора. Правда, никого не посадили, не расстреляли. После этого дети разъехались. Мой отец – Михаил Николаевич – отправился на Бакинские нефтепромыслы, поступил в контору бурения, выучился на токаря. Вскоре и мать туда привёз. Жили мы там совсем недолго, года два.

В сороковом, когда в Поволжье открыли «второй Баку», отец переехал в Сызрань. Начальником конторы бурения, куда он устроился на работу, был Виктор Иванович Муравленко.

Семья у нас большая: Раиса, Тамара, Римма, Людмила, Светлана... В общем, «восемь девок, один – я» (смеётся). Из шестерых детей – единственный сын.

Детство... Как и у всех мальчишек и девчонок того времени. Первые воспоминания связаны с войной: Сызрань, бомбёжка, мы сгрудились в каком-то коммунальном коридоре, очевидно, чтобы осколки нас не достали. Страшно...

Отец и мама всегда работали на земле. Огород у нас был большой, сеяли на нём гречиху, просо, сажали картофель, овощи выращивали, бахча даже была. Тыкву вплоть до весны ели. Одно время пшеницу сеяли. Помню, мы с матерью возили её на тележке на мельницу. Так что и мука своя была (в голосе пробилась гордость). По крайней мере, жили не хуже других. А некоторые ведь очень бедствовали. Однажды отец принёс полный бидончик сыру (почему-то кусочками). На работе дали в качестве поощрения – так это же был праздник! Ещё помню, как в доме появились американские подарки – всякое барабахло. Собирали за океаном, а у нас делили его по многодетным семьям. Мне достались курточка и бурки. Это такие сапожки из войлока на кожаной подошве, чтобы не промокали. Правда, они были размеров на пять больше. Но я всё равно ходил в них в школу зимой и осенью. А когда становилось тепло – только снег стает, тропинку намнут, земля немного подсохнет, хотя ручи ещё текут – мы босиком бегали. Не в чем ведь было ходить... И так до октября. Пока снег снова не выпадет.

В школу в сорок пятом пошёл. Понемногу жизнь налаживалась. В 1947-м отменили карточки. Мы тогда корову держали. Это большое подспорье было для огромной семьи. Но вскоре отец решил корову продать. Соседи предупреждали: не продавай, Николаич, скоро деньги поменяют. Не послушал. Продал. А на следующий день указ вышел о денежной реформе (смеётся). Хорошо, у него была знакомая продавщица в магазине. Купил на все пять тысяч патирос (отец много курил). Помню даже марки: «Дели», «Пушка», «Ракета» – недорогие патироски были. Так вот этими коробками был забит весь угол комнаты. Все знали, что у отца есть патиросы. Приходили к нему, покупали. Тогда ведь пачка «Казбека» стоила три рубля. И столько же стоил хлеб. Так что деньги наши, вырученные за корову, не совсем пропали. Взрослые ребятишки донимали: вынеси патироску. Выносил втихаря от родителей. Затем и сам вместе с ними стал покуривать. Выйду козу пасти за овраг, возьму патироски. Так вот и начал курить.

Очень запомнилось послевоенное время. Много калек ходило по улицам, попрошайничали. Без ног, без рук... жалко смотреть. И нищие... Потом их, видимо, в дома инвалидов определили.

...Буровые узнал с детства, как себя помню. К отцу на промысел ходил лет с шести. Он меня в столовой подкармливал. К тому же туда иногда привозили «коммерческий» хлеб. Его дополнительно к карточ-

кам килограмма по два-три давали. Мы с пацанами ходили пешком, чтобы этот хлеб получить. Заодно ягоды собирали.

Буровые в лесу стояли. Или в поле. Были они тогда из бруса, мощные такие деревянные вышки. С них и бурили. Интересно сейчас всё это вспоминать. Думаешь: как бурили люди?! А ведь бурили! Добывали нефть...

Позже буровые стали из металла строить, четырёхногие, на паровом приводе (ни электричества, ни дизелей в то время не было). Стояли котлы высокого давления. С помощью пара приводили в движение насосы, лебёдку. Однажды я наступил на трубу, по которой шёл этот пар. А там температура – 200 градусов! Подошва всухла, стала, как подушка. И пришлось мне на одной ноге прыгать семь километров до дома. Так что запомнилась мне эта паровая труба на всю жизнь...

Отец в бурении токарем работал, делал нарезные аварийные трубы. Всю жизнь. Цех находился прямо в конторе бурения – как у нас база. Там токарные станки стояли. Помню, у него дюжина немок закатывали трубу на станок. Мне они казались тётками, а на самом деле им было лет по 20. Этих немок сослали в Сызрань из Поволжья во время войны. Вот они и работали на промыслах. Двенадцать блондинок, кровь с молоком. Не знаю, как только отец с ними управлялся (смеётся). Я приду к нему, они закатят трубу и сидят, поглядывают...

До чётвёртого класса учился на «отлично». У нас замечательная учительница была, молодая – Нина Александровна. Она нам на свои деньги булочки покупала... А потом улица, улица, улица... стал тройки хватать. Уроки вообще не учил. То, что в классе слышал, запомнил, то и отвечал. Вообще был дворовый парень, немного хулиганистый. Изрядно времени отдавал хоккею, футболу. Мы с пацанами сделали во дворе качели, турник. В 13 лет я двухпудовую гирю поднимал – про Ивана Поддубного (знаменитого силача) начитался. А в 16 меня взяли в футбольный клуб имени «второго Баку».

Поскольку отец один работал, я после семи классов поступил в нефтяной техникум на бурение. Да и сестра, которая постарше меня на три года, в нём училась, рассказывала, как там хорошо. Действительно, на первом курсе даже с тройками платили стипендию 285 рублей. А на чётвёртом она равнялась заработку неквалифицированного взрослого рабочего – 400 рублей. Большие деньги! Причём платили в два раза больше, чем в других техникумах Сызрани. Деревенские ребята имели

возможность снять за 30 рублей квартиру, покупали одежду, еду. Кое-кто ещё и родителям деньги отправлял.

Учился нормально, а с третьего курса, когда специализация началась, старался заработать на практике, хотя ещё не был совершенно-летним. Глину в мешалку таскал, чтобы делать раствор для буровой. Норма на четверых за смену – по 25 носилок. Я-то работать приучен был, хотя на огороде, бывало, ныл, говорил родителям: всё вам мало... не зря вас раскулачили... (смеётся).

Преддипломная практика проходила в Башкирии – третьими помбурами. Хотелось не ударить лицом в грязь. Тогда мы на своей шкурке испытывали, что это такое – работать на буровой. Особенно тяжело приходилось в ночную смену, страшно хотелось спать! А когда спать охота – мёрзнуть начинаешь. Зато испытал огромную радость, когда первую получку в дом принёс. Мы тогда доказали, что работать умеем не хуже взрослых.

Отсчёт рабочей биографии начался в тресте «Куйбышевнефтеразведка», куда меня направили после окончания техникума. Попал в Коханскую контору бурения – первым помощником бурильщика.

Досье:

Геннадий Михайлович Лёвин

Родился в Баку 31 мая 1938 года.

В 1957 году окончил Сызранский нефтяной техникум по специальности «Бурение нефтяных и газовых скважин». Трудовую деятельность начал помощником бурильщика Коханской конторы разведочного бурения. Затем три года служил в армии в авиационных войсках – в Закавказье, в Оренбургской области.

В 1960–1968 годах – помбур, бурильщик, буровой мастер конторы бурения № 2 треста «Первомайбурнефть» Куйбышевского объединения.

В 1968 году вместе с бригадой приехал в Нижневартовское УБР-1, где проработал мастером около 13 лет.

С 1 января 1981 года – начальник Сургутского УБР-2.

Герой Социалистического Труда (1971), награждён двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного знамени, Октябрьской революции (1971–1986), орденом «Знак Почёта» (1997 г.), медалями; «Отличник нефтяной промышленности (1964), «Почётный нефтяник Тюменской области» (1986), «Заслуженный работник Министерства

топлива и энергетики Российской Федерации» (1998), почётный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа. Его имя занесено в Книгу почёта ОАО «Сургутнефтегаз».

Из монологов откровения.

Рабочие будни выпускника (запись 1989 года).

Нас, вчераших выпускников, кидали с вахты на вахту. Прошло два месяца, а я всё на подмене работаю. Это когда заболеет кто-то или в отпуск уйдёт. Жили на участке. На Днепровской площади стоял большой барак (наше общежитие), рядом буровые. В бараке – комнаты на шесть койко-мест. Столовых нет, еду брали с собой. Потом попал в экспериментальную бригаду мастера Алифанова, которая должна была показать возможности скоростного бурения. Конечно, я изо всех сил старался не отстать от профессионалов. Очень старался! Волновался... Помню, идёшь на смену, аж дрожишь. Думаешь, ёлки зелёные, как бы лучше сработать!

Тогда спуск-подъём делали намного быстрее, чем сейчас. АКБ (специальный буровой ключ) не было. Он замедляет эту операцию, но зато облегчает. Сейчас секунд 20–30 идёт заворот. А тогда всего за 3–4 секунды эту операцию выполняли. 60, иногда 70 свечей в час опускали. Кому рассказать, скажут – хвастаешься. Теперь очень хорошо, если сорок свечей за час опустят. Ускорение идёт за счёт технологии, увеличения проходки на долото.

Экспериментальную скважину бригада Алифанова пробурила очень быстро. Меня, чужачка, признали лучшим помбуром! Я тогда заработал – 4,5 тысячи рублей. Привёз матери, она говорит:

– Генка, ты их украл?!

– Нет, – говорю, – заработал.

– Я таких денег не то чтобы в руках не держала, но и в глаза никогда не видела!

На эту мою зарплату действительно можно было купить «Москвич». Но я купил большой проигрыватель, пластинок. Такие проводы в армию устроили, каких ни до, ни после – ни у кого не было.

Первый опыт мастера (запись 1989 года).

Служба в армии, честно признаться, мне ничего не дала. Приехал в 22 года, когда мои сверстники имели уже инженерные должности, стали буровыми мастерами. А я снова – в помбуры.

Немного поработал – поставили помощником бурильщика, бурильщиком. Потом нашего мастера начальником производственного отдела взяли, а мне Николай Иванович Курышев (начальник конторы) предложил принять бригаду Ковальского, где я раньше подменным бурильщиком был. Думаю, ёлки зелёные, как я с ними буду работать?! Они же все возрастные, опытные, а я – пацан, 23 года! Сразу решил: кровь из носа, но мы должны выполнять план. Ни дня, ни ночи не знал! Работал и за помбура (если того не было), и за бурильщика, даже за верхового. Мужики ко мне отнеслись с пониманием.

Первую скважину пробурили с ускорением (вместо восьми месяцев за пять – это разведочную-то, с выносом и отбором керна!), вторую – тоже неплохо. А третью нас послали бурить в Горячий Ключ, на самую отдалённую в конторе буровую, где я со своей бригадой был практически один. Расстояние вроде и небольшое – 60 километров, но по тем временам, когда дорог вообще не было, приходилось нелегко.

Тогда была 42-часовая рабочая неделя (сейчас 39 часов). График такой: четыре дня – с 4 утра до 12 дня, четыре – с 12 дня до 8 утра. И только потом два дня – выходных. Три вахты, четвёртая – подменная на две буровых. Сейчас – чётко: четыре вахты и через четыре дня – выходной.

Мужики жили в деревне, на квартирах. Хозяевам платила контора. Я – в будке, сделанной из досок, между которыми засыпаны опилки. Стены – сантиметров сорок. Будка стояла на санях. Работали на износ. За день так набегаешься, что ног не чувствуешь, ляжешь на эту деревянную лавку и спишь.

Начали бурить, вдруг выясняется: глину для раствора не успели в зиму завезти. А там не так, как в Западной Сибири. Глинистый раствор при бурении в скважине не нарабатывается. Разрез жёсткий, буришь водой. И если не заготовить глину, ничего не получится. А её нет! Идёт забой. Бездорожье. Всё замело. Бульдозеры – большая роскошь. Работаем. Правда, немножко углещелочных реагентов было. Добавили. Получилась суспензия. Помогло. Колонна шла как по маслу. Я бегал в деревню, с почты звонил в контору, сообщал сводку бурения. Ведь на буровой – ни радио, ни телефона! Скважину так и добурили почти на воде. Это неожиданно стало рекордом по области. Ведь раньше на воде проходили только до отметки 2000 метров, затем переходили на раствор, а мы прошли 2800!

Управляющий трестом Рехвиашвили собрал совещание и сказал:

– Портрет этого мальчика (показал на меня) повесьте на стенку в моём кабинете. Ему первому пришла в голову идея бурить скважину на супензии.

Вот так... А ведь в трест «Первомайбурнефть» входило четыре конторы бурения. Я – самый молодой буровой мастер (снова гордость зазвенела в голосе).

Четвёртую скважину бурили в Малышке – недалеко от Отрадного. По условиям социалистического соревнования лучшую вахту бригады, занявшей первое место, посыпали в любой район Советского Союза. Мы достигли рекордной проходки в разведочном бурении, закончив скважину глубиной 3000 метров не за четыре, а за три с половиной месяца. Я выбрал Баку, взял не лучшую вахту, а всех бурильщиков, и поехали в Азербайджан.

Нас очень хорошо встретили, показали всё, что мы хотели увидеть. Даже морское бурение. Такой обмен опытом был организован впервые, и мы многому научились у своих коллег.

В 29 лет Геннадий Лёвин был уже опытным буровым мастером, лидером не только в Куйбышевской области, но и в Министерстве нефтяной промышленности. Имел медаль «За трудовое отличие», которую ему вручили в 1965 году, как раз в первый год установления Дня работников нефтяной и газовой промышленности. Кстати, Лёвин к его утверждению имел непосредственное отношение. Нефтяная отрасль к тому времени набирала силу, занимая ведущие позиции в экономике страны, а своего профессионального праздника в отличие от шахтеров и металлургов не имела. В правительство, в ЦК КПСС отправили коллективную просьбу. Свою подпись под этим документом поставил и Лёвин. Через год первое воскресенье сентября стало для работников нефтяной и газовой промышленности профессиональным праздником.

В Отрадном по этому поводу состоялся митинг, лидерам вручили переходящие Красные знамёна и почётные грамоты, для них со сцены пели и танцевали самодеятельные артисты, а в завершение состоялся футбольный матч. Практически от этого сценария до сих пор никто не отошёл. Просто он несколько расширился, а в нефтяных и газовых территориях обрёл статус народного гулянья.

Из монологов откровения

Сибирь: начало (запись 1981 года).

...В середине 60-х всё чаще стали говорить о Западной Сибири. В нашей бригаде тоже... Рассказывали невероятное: и морозы жгучие (за 50 градусов), и гнуса – тучи: платочек шёлковый кинешь – зависнет на комарах... Вокруг не твердь земная, а болота топкие...

А тут приехал зам. начальника Нижневартовской конторы разведочного бурения № 1 – Анатолий Андреевич Шемонаев. Вербовать, то есть агитировать людей для переезда в Сибирь. Он был товарищем нашего начальника Курышева. Тот ему и присоветовал: «Если хочешь, поговори с Лёвиным. У него хорошая бригада. Если согласится, это будет большая находка для тебя».

Сначала я наотрез отказался: от добра добра не ищут. Действительно, хороший город, прекрасная квартира... Уезжать не хотелось. Шемонаев поговорил с другими членами бригады. Ему удалось склонить на свою сторону некоторых молодых ребят.

Тогда я собрал бурильщиков, поговорили. Двое – Феоктистов и Сабиров – сразу согласились ехать в Сибирь. С остальными встретились чуть позже. Пришли все, даже жены. Пообедали, выпили и... поговорили. Пошумели, конечно. В конце концов решили ехать. Может быть, свою роль сыграло то, что за нами сохранялись все заработанные льготы, дорогу оплачивали, квартиры бронировали.

Вроде хорошее дело задумали, однако управляющий трестом наотрез отказался отпускать бригаду. Только с третьего захода подписал наши заявления. Поехали сначала без семей. Правда, одна женщина всё-таки была среди нас – жена электрика Давыда Зиннера Лида: она поварихой в бригаде работала. Кстати, мы первыми в отечественном бурении организовали собственную столовую. Потом и другие стали обзаводиться пунктами питания на буровых.

В Сургут прилетели 23 февраля. За бортом – минус 18. В буфете аэропорта продают апельсины, тушёнку в банках, колбасный фарш... Удивительно! Ведь таких консервированных продуктов и фруктов в Отрадном никогда не бывало. Мы с большим удовольствием всё это пробовали. Самолёт на Нижневартовск улетал вечером. Постепенно стало холода. Когда прилетели в Вартовск, было уже 35 градусов мороза. Ничего себе!

Поселили нас в клубе. Давыду с Лидой мы выделили сцену. Они жили там за занавесом. Здание – барабанного типа. Тогда в Вартовске жильём

именовались балки, бараки, да деревяшечки такие... И вообще посёлок выглядел заунывно. Численность жителей – порядка трёх тысяч человек (спустя годы, когда уезжал из Нижневартовска в Сургут, в нём насчитывалось 150 тысяч, появилось несколько 16-этажных домов, новый аэропорт, с которого можно на ТУ-134 улететь до Москвы без посадки, железная дорога...). Было много молодых людей, которые приехали кто за деньгами, кто за романтикой, кто действительно как патриот, чтобы поработать на страну.

Вся обслуга – водители, трактористы – демобилизованные.

На работу ездили на «Уралах», на катерах. К иным скважинам добирались только рекой. Бурили «двустволки». Тогда наклонное бурение выглядело так: буровую не двигали, а наклоняли. Одну скважину буришь прямо, а чтобы построить вторую, буровую немного наклоняли. Центр смещался на два метра. Отсюда и название «двустволки»: одну вертикальную, другую смещали. (Увидев в моих глазах сомнение, начал убеждать). Это не анекдот! Правда! Буровая была четырёхногая. Одну сторону приподнимали, подкладывали две вот таких пластины, центр смещался, болтами притягивали – и всё.

При такой технологии мы одну буровую даже сломали. Нагрузка основная все-таки на две «ноги». Они не выдержали, и буровая развалилась пополам. Как только не убило никого! До сих пор эту летнюю ночь 1969 года вспоминаю с ужасом.

Наша буровая в то время стояла на берегу Оби. И нагрузку даже не предельную имели. Видимо, вышка поизносилась. Я за бурильщика стоял. Делали подъём. Небольшая затяжка была. Я верховому – Володе Матушкину – говорю: иди в столовую, побудай, пока мы свечу вытаскиваем. Он убежал, а Алексей Ерёменко (помбур) жёлоб чистил под буровой, по которому отработанная смесь стекает в амбар. Когда буровая развалилась, одна половина рухнула на мостки. Мы вниз побежали. Естественно, свет потух, провода на дизелях оборваны, двигатели заглохли. Повариха Валя Герасимова (жена старшего дизелиста) выскоцила из столовой, начала причитать! Ёлки зелёные!

Я стал людей собирать к себе. Все пришли – Ерёменко нет. Зовем: «Лёша! Лёша!». Зажгли факел, залезли под буровую – там завал, никого нет. В амбаре – тоже. Нет человека! И вдруг со средины острова откликается: «Ау!». Пришёл!

– Как ты туда попал? – спрашиваю.

– Убежал со страха, – отвечает.

Как он ночью бежал – непонятно (смеётся). Темнотища же кругом! ...Всякое бывало. И простые и горящие фонтаны – уже в Сургуте. Правда, не по нашей вине. Тампонажник приехал осваивать скважину. Лень ему было компрессор заводить. А одна скважина работала газом. Смежники – они же «грамотные» все. Решил не раскочегаривать свой компрессор, а «поддавить» этим газом, чтобы вызвать приток. Ну и получился взрыв: воздух с газом смешался, соседняя скважина зафонтинировала...

Я немного отвлёкся...

Год мы работали на Мегионском месторождении, которое расположено в основном в пойме Оби, на островах. Приходилось бурить одиночные скважины, и летом переезжать с куста на куст на баржах. Там тоже каких только ЧП не случалось! Мы на Мыхтайской площади работали. Пробурили первую разведочную скважину, открыли нефть. Скважина-одиночка. Я всё хозяйство вывез. Возвратился на «амфибии» за последней вахтой. Бурильщик Хасанов сажал на планшайбу подвеску НКТ, и она у него улетела в забой! Авария! Уронили трубы! Надо поднимать, открыть скважину, продуть её и отработать на нефть.

Остались мы одни на острове! Действительно, трагикомедия! Целую неделю устраивали аварию. Грелись у костров. Скважину всё-таки продули, дали нефть. Зажгли факел. Это сейчас нефть в коллектор отрабатывают, а раньше другая система была – нефть выкигали, пока не отработаешь скважину, чтобы не засорять окружающую среду.

Еда с неба падала (смеётся). С вертолёта сбросят мешок с хлебом и тушёнкой и улетают, потому что вертолёт даже сесть негде было – кругом вода. Тем не менее месторождение Мыхтайское открыли. Суточный дебит составил 100 тонн! Помню, на Большой земле, когда открыли Сарбайское месторождение с дебитом в 40 тонн, праздник устроили! А тут в местной газете появилась маленькая заметочка, и всё. А Мыхтайское до сих пор шесть миллионов тонн нефти даёт. Хорошее месторождение.

Один раз чуть не потонули на «Амфибии». Ехали на вахту через Обь. Обычно эта техника герметична, но, видимо, где-то сальник прошло, вода проникла внутрь, поднимается всё выше и выше. Едва ползём к берегу. В конце концов мотор заглох. Стали тонуть. Хорошо, что недалеко от берега. Дело весной было. Самый разлив. Берег по-

логий. Мы вылезли на тент, сидим на крыше. Вода – ледяная! Через несколько часов нас увидели проезжающие на лодке ханты, спасли.

Из всей бригады, не выдержав испытания Севером, назад вернулось всего три или четыре человека. Остальные пошли со мной и с Сибирью дальше...

В Сибири особенно тяжело было в первые годы. Несколько раз то-нули вышки, проседали и перекашивались буровые, вымывало лежнёвки. Из-под ног в прямом смысле уходила земля! Бездорожье выматывало... А морозы стояли такие, что лопался металл. Были случаи, когда приходилось пешком, через болота, идти 25 километров от буровой до Нижневартовска. Ориентир – по солнцу. Пять человек... Этот путь они преодолели за двое суток... И в культбude Лёвин неоднократно спал, и вкалывал за «себя и за того парня», и тонул... Словом, прошёл «огонь, воду и медные трубы», как в народной сказке о русском Иване.

Специалисты знают, рабочий режим буровой – непрерывный. Мороз или ветер, комары или дождь – буровики несут вахту. Однажды на Самотлорское нефтяное озеро опустился туман – серый, густой, похожий на грязную вату... Нелётная погода вынудила вахту Валентина Васильева простоять у станка 32 часа! Лёвин подменял то одного, то другого бурильщика, чтобы дать возможность ребятам сбегать в столовую да хотя бы немного передохнуть. А когда вертолёт доставил наконец сменщиков, мужики, заляпанные глинистым раствором, с воспалёнными глазами, едва влезали от усталости в винтокрылую машину. Вахта Васильева улетела, но мастер остался. Ещё на одну смену.

Сейчас Геннадию Михайловичу Лёвину кажется (он сам так говорил), что если начать всё заново, не выдержал бы. А тогда – молодость, дерзость, азарт соперничества помогали переносить трудности. Заведомые и те, что никогда не предугадать на этой трудной для бытия земле.

Продолжение монологов откровения

О Самотлорской эпохе (запись 1999 года)

...В 1968-м перешли на Самотлор. Пора – самая трудная в освоении уникального месторождения, о котором тогда говорила уже вся страна. Это довольно большое озеро размером шесть на двенадцать километров. Ходили по болотам в стопудовых сапогах, ездили по леж-

нёвкам и без лежнёвок... У буровиков всегда была и будет трудная работа, но тех лишений, которые мы тогда испытывали, теперь нет! К месту работы мы добирались на открытой машине или на тракторе, вертолётом или пешком!

Переезд на Самотлор начали с Мегионской площади в декабре. Болота глубокие, ещё не промёрзли. Несколько раз тонула вышка. Расстояние в 30 километров преодолели почти за месяц. По нынешним временам равнозначный переход производим на машинах за 2–3 дня.

Первыми на Самотлор пришли бригады Исянгулова и Повха. Степан Ананьевич Повх начал бурение с осени, а мы перебрались туда зимой. Наша бригада третьей стала в Нижневартовской конторе бурения. Какая ужасная зима была! (Задумался, вспоминая). И всё-таки первую скважину пробурили нормально. Нефть с неё брали во всю трубу. Она почти миллион тонн нефти дала за год! Такие были дебиты. Поэтому Самотлорскому месторождению уделяли пристальное внимание со всех сторон.

Весной 1969-го вышли на куст. В основе его фундамента – песок, затем слой лежнёвки (брёвна), снова песок и т. д. Всё это должно основательно промёрзнуть. Здесь мы и начали кустовое бурение. Первыми. Там было сложно всё! Песок из-под лежнёвки вымывало, буровые перекаивались, проседали, центр уходил на два метра... поэтому постоянно подсыпали песок! Вахта отстоит свои положенные

часы, но с вышки никто не уходит. Остаются на подсыпку. Так и стояли сутками с лопатами, смотрели, чтобы вышка прямо держалась.

Технологию не знали! Может быть, надо было какой-то реагент добавлять, но нам-то это было неизвестно! В общем, построили несколько скважин, но вывод сделали однозначный: от лежнёвых оснований надо отказываться.

Магистральный трубопровод к Самотлору подвели весной 1969 года. Мы с Повхом уже пробурили и освоили две скважины. Эксплуатационная (промышленная) нефть пошла по этому нефтепроводу.

...Бригада Ерёмина в Сургуте пробурила в тот год 40 тысяч метров. Огромная цифра, о которой только мечтали! Но мы уже тогда отдельные скважины бурили с такой коммерческой скоростью, которая позволяла говорить о 60–70 тысячах метров проходки. В 70-м мы Ерёминский результат превысили на 10 тысяч метров, пробурив 51 тысячу. Это был рекорд! На одной из скважин достигли коммерческой скорости в 10 тысяч метров! Представляете? Если все скважины так бурить? Получается 120 тысяч! Но до этого было ещё далеко, и в принципе казалось невозможным.

Пока решили увеличить выработку за счёт пятой вахты. В 1972 году такую вахту создали, нам дали два куста. Бригада на одном кусте бурит, а в это время пятая вахта осваивает скважину и бурит направление. Она закончит работу, бригада переезжает на куст и продолжает бурение до сдачи скважины.

Два года мы проработали пятью вахтами, аппетиты выросли: давайте, шестую вахту введём, чтобы кондуктор бурить. Началась скоростная гонка между бригадами! ...Мы достигли 150 тысяч метров проходки шестью вахтами. И тут возникли разногласия, споры, вопросы: зачем это надо? Сторонники и противники доказывали друг другу преимущества обоих способов бурения. Главной причиной возврата к прежнему составу послужило простаивание куста в ожидании основной бригады. В 1977 году руководство управления, области, главка поставили новую цель: набурить 100 тысяч метров за год четырьмя вахтами.

Нашей бригадой на Самотлоре (пока я оттуда не ушёл) было пробурено около 500 скважин, с которых получено 150 миллионов тонн нефти. И все эти годы вместе с бригадой замечательно работали смежники: геофизики, тампонажники, вышкомонтажники, дорожники. В основном – молодёжь. Ветераны уходили на пенсию. Их заменяли

ребята, пришедшие из армии, из техникумов и институтов. Средний возраст бригады – 30 лет. Молодые специалисты, такие, как Кузьмин, Сосновских (он позже стал секретарём горкома партии), Кикоть, Богданов... перенимали опыт ветеранов – Феоктистова, Шептухина, которые были у них наставниками.

На Самотлоре мы пробурили первый миллион метров, первые сто тысяч – четырьмя вахтами. В течение 10 лет наша бригада лидировала во Всесоюзном социалистическом соревновании. Многих ребят наградили орденами и медалями. Дважды бригада удостаивалась наград полным составом. Я получил орден Ленина.

…Сейчас думаю, какими бы мы были, оставшись в Отрадном? Наверное, тоже ходили бы в передовиках. Но здесь – Сибирь... Сама природа бросила вызов нам, молодым и дерзким. Мы этот вызов приняли. И не уступили. Здесь, как нигде, появилась возможность испытать себя в настоящем деле. Другие масштабы, столько экспериментов! И строительство кустовых оснований на вечной мерзлоте, и новые буровые установки, и усовершенствованные долота, и технологии... Да разве всё перечислишь!

…Академики давно ломают голову над вопросом: что такое бурение? Профессия или искусство? Представьте: на одном месторождении стоят два одинаковых буровых станка, работают две бригады, два мастера. Оба закончили один и тот же институт, а результаты – разные. Одна бригада в год имеет наивысшую проходку, другая – в два, а порой и в три раза меньшую. В чём секрет?

Геннадий Михайлович Лёвин всей своей жизнью, работой на промыслах доказал, что бурение – это и профессия, и искусство. Здесь нужно не только знать буровую установку, уметь все сделать вовремя и точно по технологии, но и чувствовать недра, иметь некий азарт, мужское самолюбие и особый талант, которым Судьба не каждого одаривает. Его – одарила. Многие годы он был единым организмом со своей буровой.

Коллеги Лёвина с гордостью рассказывали мне, что он мог на слух (!) поставить диагноз тому, что творилось за тысячи метров под землёй, в скважине! К примеру, долото сработалось, нужно поднимать колонну. Такого комплимента не довелось услышать в адрес ни одного бурового мастера за десятки лет моей журналистской деятельности. Это подвластно только специалисту экстра-класса.

Из тринадцати лет работы буровым мастером в Западной Сибири бригада Лёвина лишь три раза уступила пальму первенства в социали-

стическом соревновании. Девять раз достигала наивысшей проходки по Советскому Союзу. Такого не удалось повторить никому прежде и вряд ли удастся в будущем. Соперники постоянно менялись, а лидер оставался прежним. Бригада стала автором многих всесоюзных рекордов. Последний из них установлен в 1980-м, когда мастер Лёвин четырьмя вахтами всё-таки преодолел за год стотысячный рубеж.

Помню репортаж Рафаэля Гольдберга (прекрасного радиожурналиста Тюменского областного комитета по телевидению и радиовещанию и друга нашей семьи) о том замечательном событии. На митинге, состоявшемся по поводу рекорда бригады, Лёвин сказал: «Мы долгие десять лет шли к этой цели!». Это был зенит славы бурового мастера. Азартный лидер не мог пропустить впереди себя ни одну бригаду.

...В конце 70-х годов Геннадия Михайловича стали «сватать» в руководители более высокого ранга. Предлагали должности главного инженера, начальника управления буровых работ в Холмогорах и в Сургуте, даже место секретаря ЦК отраслевого профсоюза с перебездом в Москву... Отказался. Работа мастера его вполне устраивала. К тому же высшего образования не имел. Да и всё ещё интересно было: развитие нефтяной промышленности шло интенсивно, добыча росла. Буровики – в почёте. Нет, не собирался Лёвин менять буровую на тёплое кресло в кабинете. Не подействовали даже уговоры Виктора

Александровича Усольцева – виднейшего авторитета в отрасли, который, покинув Нижневартовск, возглавил объединение «Сургутнефтегаз». Дело закончилось вмешательством Министра нефтяной промышленности Николая Алексеевича Мальцева. Вызвав строптивого бурового мастера в столицу, тот попросту приказал: «Принимайте управление в Сургуте!». Как не жаль было расставаться с Нижневартовском, пришлось подчиниться.

Из монологов откровения

На Сургутском плацдарме (запись 1981 года)

...Честно сказать, нелегко я принял решение о переходе в Сургут. Ну а когда уже принял, отступать некуда. Начал стараться, осваивать «начальническое» дело досконально. Чтобы не быть, как говорится, «недоделанным» руководителем.

Никогда не стеснялся обращаться за помощью по вопросам, которых не знал. Особенно по административным, «бумажным» делам, по взаимоотношениям между предприятиями. Ведь в работе бурового мастера я сталкивался с монтажниками, трактористами, водителями – и всё! А здесь столько подразделений! И все работают на управление буровых работ! Много предприятий, с которыми надо не просто поддерживать контакты, но и взаимодействовать напрямую, научиться регулировать отношения. Иногда, не откладывая в долгий ящик, отменял свои же решения. Их было немного, потому что всегда рядом находилась команда специалистов, единомышленников из объединения «Сургутнефтегаз», способных вовремя санкционировать в нужном направлении.

Начал со знакомства с мастерами. Убеждён, что именно от них зависит главный успех дела. Посетил все бригады. Посмотрели друг другу в глаза. Выслушал претензии. Убедился, что есть мастера высокого класса, например Воловодов, Спицын... Кое у кого дела вообще шли плохо. Надо было разбираться в причинах, принимать меры.

И вот...первый год на новом поприще подходит к концу. С планом УБР-2 справилось досрочно. Правда, в начале января я не верил, что мы сможем так хорошо сработать.

Пока многое простоев. По моим подсчётам, в этом году потеряно порядка 40 тысяч метров. Произошло это по разным причинам: из-за геофизиков, тампонажников, отсутствия дизтоплива. Были аварийные отключения электроэнергии – кран оборвал ЛЭП, и все буровые

встали. Отсутствие турбобуров, бездорожье, несвоевременный монтаж бурового станка...

На мой взгляд, по сравнению с Нижневартовском в Сургуте очень плохое обеспечение техникой. Не хватает кранов, бульдозеров, тракторов! Хуже снабжение турбобурами. Пока мы ещё не достигли уровня организации буровых работ наших соседей, особенно по технике. Буровики здесь более обездолены.

С точки зрения начальника управления, предстоит многое изменить в организации труда. Произвести некоторые перестановки кадров. Выявить таланты, новых способных руководителей среднего звена. Я пока плохо знаю людей, а от них очень многое зависит. Вообще в УБР специфика такова: главное – подобрать хороших буровых мастеров.

Депутат Геннадий Лёвин

О своей депутатской деятельности Геннадий Михайлович рассказывать не любит. Тем не менее факт состоялся. В 1971 году, когда Лёвину было присвоено звание Героя Социалистического Труда, его выдвинули в Верховный Совет России. Несколько лет он был членом Советского комитета защиты мира, заместителем председателя.

Как и все депутаты подобного ранга, он упорно добивался выполнения наказов своих избирателей в высоких столичных кабинетах. Не раз добивался аудиенции с председателем российского правительства. К примеру, Нижневартовску в те годы необходим был больничный комплекс. Лёвин с трудом, но решил этот вопрос. Медицинские работники после этого стали называть его «Наш ходок».

– Сегодняшняя Дума «думает» прежде всего о себе, о своём политическом статусе, а потом – немножко о народе, – с сожалением говорит Геннадий Михайлович. – Для меня в депутатской работе самым трудным был приём избирателей. Слишком много боли и проблем приходилось выслушивать от людей. Чтобы решить некоторые вопросы, обращался даже в Совмин. Например, по социуму.

Знатный буровой мастер нередко посещал школы, училища, предприятия и учреждения города, рассказывал о работе Верховного Совета Российской Федерации и, конечно же, о своей нелёгкой профессии.

Еженедельно вёл приём. Причём не только в родном городе. Раз в месяц выезжал на встречи в Сургут, Нефтеюганск. Выслушивал избирателей, составлял запросы в верхние эшелоны власти для принятия мер. Помощников не имел. Письма по инстанциям писал и рассыпал сам.

Люди шли к депутату с чисто житейскими вопросами: в основном по предоставлению мест в детские дошкольные учреждения, по выделению квартир, по рабочим конфликтам, по кадровым проблемам... Десять лет общественная деятельность (очень часто рутинного свойства) не давала ему покоя. Конечно, он помог сотням людей, но... особого удовлетворения не чувствовал. Понимал, добившись квартиры для одной семьи, возможно, лишал жилой площади другую, простоявшую в очереди немало лет. Такая же ситуация была и с детскими садами. Поэтому, когда кандидатуру Геннадия Михайловича в очередной раз выдвинули в Верховный Совет, он уже не испытывал большой веры в праведность своего депутатского дела. К тому же слишком много времени отбирали общественные дела.

У меня сохранилась фонограмма записи одного из выступлений Геннадия Лёвина в ходе предвыборной кампании 1975 года. Привожу её фрагментарно, опуская общие героико-патриотические фразы, которые были обязательными в протокольном регламенте советского общества тех лет.

«В основном все наказы избирателей по городу и району выполнены.

Разрешите мне ещё раз заверить вас и в вашем лице всех избирателей округа № 723, что своей практической деятельностью буду стремиться оправдать оказанное мне высокое доверие».

А вот что сказал о нём на той же встрече Юрий Дмитриевич Липявко, доверенное лицо кандидата в депутаты:

– В нашем округе много замечательных буровых бригад. Но среди всех на данном этапе лидером, несомненно, является коллектив буровиков, возглавляемый мастером Геннадием Михайловичем Лёвиным. Но, как говорится, с лидера особый спрос и особое доверие. Поэтому сургутские нефтеразведчики, от имени которых я выступаю, считают, что кандидатура Лёвина в депутаты Верховного Совета РСФСР несомненно – самая достойная».

К сожалению, Геннадий Михайлович не сохранил документов, подтверждающих результаты своей депутатской деятельности. Даже писем от тех, кому помог, кто благодарил его за большие и малые дела. Две стопки конвертов утрачены при переездах...

«Рекорд, как достояние России»

Документальный фильм под таким названием вышел в эфире ВГТРК «Югория» 12 марта 2000 года. Сургутским региональным корпунктом он был подготовлен не по заказу, а по велению души. Моей души. Слишком уж обидно стало за буровиков, которых новоиспечённые коллеги по перу упрекали в гонке за метраж и поставили под сомнение былие рекорды бригад, возглавляемых легендарными буровыми мастерами, имена которых знали далеко за пределами России. Требовалось конструктивное «пояснение».

Не открою Америку, если скажу, что в каждой профессии (в том числе и у журналистов), помимо важных и значительных достижений есть ещё и некая заветная величина, так называемый гроссмейстерский рубеж, почти недостижимый, но оттого ещё более желанный. У буровиков 80-х годов такой планкой стала магия шестизначного числа – 100 000 метров горных пород. К её достижению стремились (и продолжают стремиться) все настоящие буровики.

Напомню, первой в отрасли этот рубеж взяла бригада Лёвина в 1980 году. В 81-м две бригады: бывшая Лёвинская (Кузьмина) в Нижневартовске и Воловодова из СУБР-2. А в 85-м там же появились пять бригад 100-тысячниц. Десять лет подряд средняя выработка на бригаду в год в управлении составляла более ста тысяч метров. А в 1988-м достигнута наивысшая производительность труда: тысяча метров на одного работающего! Такой выработки не достигал ни один коллектив страны!

Не надо быть профессиональным экономистом, чтобы не понять всю значимость лозунгов социалистических времён: «Не числом, а уменьем!», «Меньшим количеством большие объёмы!». В Западной Сибири они были весьма актуальными, так как каждый специалист на необжитой территории слишком дорого обходился государству. Его нужно было обеспечить всем: от квартиры, которых катастрофически не хватало, до продуктов питания, которые Госплан должен был рассчитать для доставки поквартально! Именно поэтому ударный труд стал необходимостью, а рекорды указывали на профессиональные возможности человека, бригады, производственного коллектива.

В 89-м в Сургутском УБР-2 установлен новый рекорд отрасли – 167 679 метров горных пород. Этой звёздной вершины достигла бригада Сергея Ворушилова.

В плеяде «звёздных» – буровые мастера Сидорейко, Спицын, Манаков, Гертнер, Шукюров... Конечно, это были разные по возрасту и по характеру люди, но всех их объединял метр проходки, который зажигал огонь соревнования. И ещё – влюблённость в профессию. Их называли героями, о них постоянно писали газеты, рассказывало радио, показывало областное и Центральное телевидение (сургутского ещё в помине не было). Сами же они, кстати, и не думали о том, что совершают подвиги. Просто выполняли настоящую мужскую работу. Тяжёлую, иногда изнуряющую, но... работу в удовольствие. И далеко не всё, и далеко не всегда в ней было гладко. Особенно тяжело пришлось, когда генеральным директором стал Владимир Леонидович Богданов и начал наводить порядок на месторождениях. Помню, с одного 416-го куста вывезли 16 «ТАТР» металломолома!

...Увы, любое, даже самое выдающееся событие Время делает вчерашним. Вот и такое явление, как буровики-стотысячники, с начала 90-х осталось лишь фактом в истории освоения Западной Сибири. Хотя... таким фактом, к которому его последователи после перестройки вновь пришли только в 2002 году.

– В 70-х годах в Миннефтепроме было 1100 буровых бригад. Сейчас бригад 70–80 наберётся в России или нет, – печалился Геннадий Михайлович в 2000 году. – И какие же замечательные люди ушли! Попробуйте на наши дни создать бригаду! С нуля! Ничего не получится, потому что нет уже старых буровиков. Некоторые стали пенсионерами. А остальные – нашли работу полегче.

Когда я стал начальником управления, мы поставили перед собой

цель: хотя бы одной бригадой набурить сто тысяч метров. Набурили. Затем взяли другой ориентир: каждой бригадой бурить по 100 тысяч. Не в среднем по управлению, а именно – все! Соревнование между буровиками привело к тому, что в результате были достигнуты рекордные показатели. Бригада Ворушилова набурила почти 168 тысяч метров за год, Ананьева – из Сургутского УБР-3 ещё большие – 170 тысяч. А средняя проходка в нашем управлении достигла 135 тысяч на буровую бригаду. И эти показатели с каждым годом росли. Росли! Пока не наступила перестройка...

Время передела собственности – ваучеризация, приватизация, за которой в народе закрепилось понятие «прихватизация», – перевернуло некогда прочную социалистическую систему, потрясло могущество страны, привело к кризису в экономике, политике, идеологии. И снова, как в начале века, со всей широтой русского характера – «гулять, так гулять, любить, так любить, ломать, так ломать»... – были разрушены в том числе и духовные ценности многих поколений. И снова, «кто был никем, тот стал...» Впрочем, кем-то все стали по-разному.

– Появились другие заработки. И каждый подумал: а что я, дурнее всех, что ли? Если можно где-то заработать в пять, в десять раз больше, чем здесь, на буровой, зачем спину ломать? И стали шарахаться по всему региону, по всей стране.

Только в нашем управлении три раза поменялись все мастера! Мы почти каждый квартал учили группу буровиков по 30 человек. И через месяц они разбегались. По всей России их уничтожили, как класс. Как кулаков когда-то раскулачили...

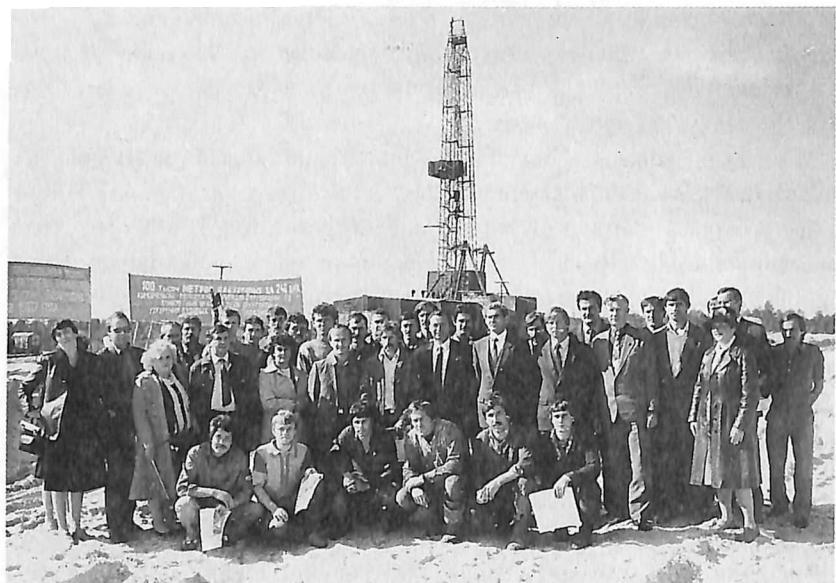
Эта вырвавшаяся неожиданно боль вполне объяснима. Чтобы почувствовать масштабы случившегося, обратимся к сравнениям. В 80-е годы в отрасли бурили 40 миллионов метров в год. В 1999-м – пять миллионов... По стране. Из них два миллиона метров горных пород принадлежат «Сургутнефтегазу». И это достижение досталось нелегко. Легендарные мастера уходили, а что говорить о молодёжи?

– Ко мне пришли молодые люди. Спрашиваю: почему увольняетесь? Только обучились, через неделю увольняетесь... «У-у! Да там пусть смертники работают!» – вот такое отношение к буровикам сегодня. А когда-то это была самая почётная профессия в отрасли. До чего довели людей...

Поднять престиж профессии стало главной задачей сургутских буровиков-стотысячников. Геннадий Михайлович Лёвин немало сил приложил к тому, чтобы в 1997 году организовать первую постперестречную встречу бывших и действующих буровых мастеров, достигших проходки в сто и более тысяч метров. Практически все пришедшие на неё мастера когда-то, что называется, «купались» в славе. Их чествовали, награждали, сводки по бурению рассматривались как турнирная таблица: кто первый сегодня? В период перестройки стало уже не до лавров. И здесь, перед журналистами крепкие мужики делились своим душевным состоянием.

Помню, Юрий Гертнер признался, что до смены профессии не знал, что бывают такие лёгкие должности с восьмичасовым рабочим днём (кстати, через некоторое время он вернулся в бурение. – Примеч. авт.). У мастера Сайдали Хажмуратова (*цитирую*) «до сих пор глаза оглядываются на буровую». А предприниматель Сергей Ворушилов считает, что буровик – это состояние души, где бы он ни работал (говорят, он тоже оставил свою предпринимательскую деятельность и работает в бурении у соседей).

К чести сургутских буровиков надо сказать, что они – единственные в отрасли, кто не только сохранил, но и продолжал наращивать объёмы эксплуатационного бурения. Практически каждый третий пробуренный в России метр по итогам 1999 года был сургутнефтегазовским. Кроме того, здесь в 1995 году создали своё управление поисково-разведочных

работ. Его объёмы очень быстро перекрыли цифры пришедшего в упадок объединения «Обънефтегазгеология». На встрече «стотысячников» буровые мастера с удовлетворением подчёркивали роль строителей эксплуатационных и разведочных скважин в стратегии акционерного общества «Сургутнефтегаз». А ведь когда-то это было частью экономической стратегии всей России...

Сильные и мужественные люди – буровики. Но и у них прорвалось сожаление и боль. Некогда гремевшая по стране Всесоюзная школа передового опыта, созданная на базе СУБР-2, перестала существовать. Ей уже нет применения, а ведь сюда приезжали проходчики недр из разных концов страны. Бывали здесь и заокеанские гости. Приглядывались, прислушивались, завидовали... Изменение общественно-политического строя повлекло за собой смену экономических ориентиров. Надобность в такой школе отпала. Буровиков распускали на вольные хлеба целыми управлениями.

С началом экономического кризиса невостребованными остались рекорды. Многие явления прежней жизни канули в Лету. Вместе с ними социалистическое соревнование, бригады-стотысячники, гордость за Отечество... И сегодня, взгляดываясь в страницы Прошлого, кое-кто начинает сомневаться: а нужно ли было, что называется, «рвать жилы»

на буровой, месяцами не видеть жён, практически не заниматься воспитанием детей, недосыпать и многое ещё чего не до...делывать? Ради чего, спрашивается?

Тогда на встрече старые мастера сошлись во мнении, что в советское время работалось лучше, интереснее. Престиж профессии был высок. Надо бы найти возможности поднять его на должный уровень. Сейчас уже немногие поймут тех оптимистов, инициаторов, передовиков... А тогда их рекорды удивляли и восхищали западных и американских специалистов, в 80-е годы таких людей называли «золотым фондом» предприятия, они были достоянием России.

Геннадий Михайлович Лёвин ни минуты не сомневается: и рекорды нужны, и стотысячники – необходимы.

– В государстве была поставлена цель: меньшими силами взять как можно больше нефти в Западной Сибири. И мы старались работать не только из-за материальных стимулов.

Что касается соревнования, то мы в своём управлении от него никогда не отказывались. Раньше его называли «социалистическим», теперь – «экономическим». А соль всё-таки прежняя – качество и наивысшая проходка. Причём наивысшая проходка – только при хорошем качестве.

Из монологов откровения

О любви и прочем личном (запись 1989 года).

Раньше совсем другое отношение было к девочкам. Все должны были выйти замуж обязательно девочками. Это – святое. Не то, что сейчас... Очень строгая была мораль и отношения более бережные. Никакой близости до свадьбы у меня ни с кем не было.

...С женой познакомился на танцплощадке. Шурой звали. Я только после армии приехал. Жил в общежитии в поселке Первомайском. Шура жила по соседству. После окончания школы 17-летней девочкой приехала с Украины к подруге. Не захотела жить с мачехой. Работала токарем у буровиков. Когда поженились, мне было 24 года, я уже буровым мастером работал. Нам выделили однокомнатную квартиру. А тут тампонажник погиб. Его жена пришла к нам с детьми и говорит: «Уступите свою квартиру, иначе мне никогда не дадут. Муж вместе с напарником погиб при переезде через землянью насыпь пруда. Вроде как не на производстве...»

Мы уступили. Полгода жили в разных общагах. А когда я переехал на Горячеключевскую площадь, где скважину на воде бурили, Курышев (мудрый начальник буровой конторы) перевёл жену из токарей лаборантом в мою бригаду. Там и жили, на буровой... Потом дали квартиру в Кожевниках – это деревня при Первомайском – посёлке нефтяников. Дома баракного типа, щитовые. По тем временам это считалось нормальным жильём. Лучшего-то не видели...

Жену с дочками привез на Север после того, как получил в Нижневартовске квартиру в деревянном щитосборном строении. Тогда же привёз из Отрадного ещё три семьи членов бригады: слесаря Шептухина, бурильщика Феоктистова и старшего дизелиста Гарасима. Эти сибирские новобранцы были бесквартирными, поэтому некоторое время все теснились на нашей двухкомнатной жилплощади. А куда деваться? (смеется).

Сейчас думаю, как она со мной столько лет прожила?! 21 января будет сорок лет, как мы поженились.

Шура, Александра Ивановна, настоящая буровицкая жена. Энергичная женщина, никогда не чуралась никакой работы. Окончила Саратовский техникум, стала плановиком. У нас трое детей... было...

Геннадий Михайлович замолчал, я не стала торопить его мысли. Понимала, о чём он задумался. Дело в том, что дочь Лёвиных – Оксана – умерла. Эта трагедия в среде журналистов передавалась со-

чувственным шёпотом. Казалась слишком жестоким наказанием ли-деру. За что?!

Девочка поступила в Тюменский индустриальный институт, хотела стать, как мать, плановиком. Молодость во многом беспечна. Особенно в отношении к своему здоровью. Рассказывали, что осложнение возникло после перенесённого на ногах гриппа. Ребёнок стал глухнуть. Сделали операцию в Москве. Улучшение наступило, но... ненадолго. Функциональные способности начало терять второе ухо. Поиск новых способов лечения результатов не дал. Столичные врачи не рискнули сделать вторую операцию. Договорились с Америкой. Осуществить поездку за океан помог генеральный директор Владимир Богданов – тот самый студент, который начинал свою трудовую деятельность в бригаде Лёвина (вот судьба!). Оксану прооперировали, но из наркоза она не вышла...

В те дни на Геннадия Михайловича больно было смотреть: лицо серое, глаза потухшие. Мы, журналисты, на какое-то время перестали тревожить его своим вниманием. Понимали, как трудно отцу потерять ребёнка, даже если он – не единственный.

Много лет спустя, когда Сургутский региональный корпункт телерадиокомпании «Югория» готовил цикл передач «Сотворение легенды» и съёмочная группа появилась в доме нашего героя, я увидела портрет Оксаны в одной из комнат роскошной квартиры начальника управления Лёвина. Очень юная, очень красивая девушка (голубоглазая «золотоволоска» – так называли её в семье), похожая на отца, словно приветствовала нас своим добрым лучистым взглядом.

За большим столом собралась вся – не такая уж и многочисленная – семья: супруги Лёвины, дочь Татьяна с мужем Александром Булановым, внук Ванечка, сын Вадим с женой Юлией.

Все вместе стали «рисовать портрет» главы семейства.

Татьяна: – Отца видела не часто, когда он работал буровым мастером. Только по вечерам и по праздникам. Иногда по выходным. Впервые почувствовала, что у меня такой знатный отец, когда он получил звезду Героя. Я во втором классе училась.

Вадим: – Когда я начал себя осознавать, папа уже работал начальником УБР. Я не застал тех романтических времён, когда он буровым мастером был. Поэтому меня потянуло учиться на экономику. Работаю в Сургутнефтегазе, знаком с его спецификой, знаю какие показатели, по каким критериям считаются лучшими. И для меня это уже не пустые цифры. Я их сопоставляю с трудом, с достижениями,

с большой работой людей, то есть осознаю, что это такое, потому что за каждой цифрой стоят дела. И работу своего отца я оцениваю тоже по его цифрам. А не с точки зрения его «геройства».

— Вы хотели бы, чтобы ваш сын стал буровиком?

— Честно говоря, я не считаю, что эта работа полезна для здоровья (постоянно мёрзнут). Я бы хотел, чтобы мой сын, учитывая наш суровый климат, работал в менее экстремальных условиях.

— А вам, Таня?

— Наверное, да. Но будет он не буровиком, а разработчиком, как папа.

— Ванечка, а сам ты кем хочешь быть?

— Как папа — начальником (общий смех).

Александра Ивановна: — Мы начинали жить не знаменитыми. Гена — постоянно на работе. Я не ждала, что он приедет и сходит в магазин, или заберёт ребёнка из садика. Он мог и в 10, и в 11 ночи приехать с месторождения. А может, и вообще трое суток не появляться дома. Мы не считали это трудностями. Жена буровика — профессия.

Когда он получал свою первую награду — медаль «За трудовое отличие» — в ДК было так празднично, пел Лев Барашков. Мы с Танечкой сидели, слушали. Агафонову тогда вручили звезду Героя Социалистического Труда. А я подумала: «Вот бы и нам когда-нибудь вручили звезду»... Через некоторое время и нам вручили. Это было такое событие! Мы в отпуск поехали, я говорю: «Ген, надень звезду!». Молодые — повоображенчать хотелось, чтобы все видели, какой у меня муж!

Мы всегда за него волновались. Он же постоянно на вертолётах летал. Или по Оби ездил. Один мастер в бригаде. Это сейчас появились сменные мастера, а тогда он — один. Приедет — обросший — усы, борода, весь в растворе. Танюшка говорит: папочка, тебя не узнать! Действительно, узнать было очень трудно. К тому же очень плохая связь была. Иногда дозвонится, а когда и нет...

— Геннадий Михайлович, вы не жалеете, что в молодости мало внимания уделяли семье?

— Я считаю, что довольно много внимания уделял. Мы вместе проводили отпуск, дни рождения, Новый год... Всё свободное время я — в семье. Может быть, это было редко, но старались выехать на природу, покататься на лыжах. Наверное, надо было больше уделять времени, но теперь уже как получилось. Тем не менее дети росли ухоженные, благодаря прежде всего маме. В школе учились хорошо, по-

лучили высшее образование. Дочь закончила промысловое отделение Университета имени Губкина, сын – Академию имени Плеханова. Ему предложили учиться в аспирантуре, куда он и поступил, притом весьма успешно, но потом Вадим заявил, что Сургут – его родина, и вернулся сюда.

Феномен Лёвина

В январе 2003 года Геннадия Михайловича проводили на пенсию. 45 лет работы этого прославленного буровика отмечены многими званиями, орденами и медалями. В Западной Сибири его называют человеком-легендой, его опыт не знает себе равных. Коллектив, который он возглавлял, на протяжении многих лет устанавливал мировые рекорды по абсолютной проходке. Управление первым в отрасли набурило миллион метров. Самая высокая производительность труда была и остается в УБР-2!

Честно признаться, уход Лёвина на пенсию меня удивил. Я знаю, что ни один начальник УБР не дорабатывал до 60 лет, потому что это адская работа: бессонные ночи, ненормированный рабочий день. Это... впрочем, разве можно объяснить, что *это*?

Поехала в управление.

— Не просто было принять такое решение: оставить любимое дело. Вроде здоровье позволяет работать дальше, управление в расцвете сил, коллектив сейчас стабильный, материально-техническое снабжение хорошее. Уже нет тех проблем и того катастрофического положения, которые были в начале 90-х, когда людям не платили зарплату, не хватало оборудования, разорялись предприятия. Дело доходило до того, что приходилось собирать по заброшенным буровым запчасти. А сколько было брошенных буровых?! Ничего этого уже нет.

Наше предприятие *ещё* никогда не работало в таких благоприятных условиях, как сейчас. Практически на 70 процентов обновлён парк станков. Может быть, они не сильно прибавляют в скорости бурения, но условия труда значительно легче, меньшие физических затрат. На буровых — электроника, комфортные условия труда, о которых мы в своё время даже не мечтали. Люди на месторождения добираются в тёплых мягких автобусах, по хорошим добротным дорогам. Это, конечно, справедливо, ведь нефть по-прежнему, как говорил Виктор Иванович Муравленко, «на острие долома», а труд буровиков, хоть и легче сейчас, но всё же остаётся тяжёлым.

Меня очень радуют буровые мастера. Требования к ним прежние: стремление сделать работу как можно лучше, быстрее и качественнее, иметь опыт, оставаться честным и добросовестным в любой ситуации. Быть не только «папой и мамой» для своих подчинённых. Мастер — если он хороший мастер — должен быть и технологом, и геофизиком, и механиком, и электриком... Он всю буровую должен знать досконально!

Правда, сейчас мастерам в каком-то смысле стало легче. Они работают в нормальном режиме благодаря тому, что в бригаде теперь два мастера, два технologа.

Что касается твоего главного вопроса... Да, мог бы *ещё* поработать, конечно, но... всё равно надо когда-то уходить. Думаю, сейчас самое время. Потому что мы достигли очередной своей цели: две бригады — Мужикова и Кондрашова — набурили по сто тысяч метров.

Семь лет не могли достичнуть тех рубежей, которые когда-то были доступны всем нашим бригадам! Мы преодолели психологический барьер, доказали, что и при бурении более глубоких скважин, при использовании новых технологий, на усовершенствованных буровых станках, но... при нормальной организации труда можно достичь высоких скоростей проходки.

Честно скажу, Катерина, я бы не ушёл. До тех пор пока вновь не набурили 100 тысяч (смеётся).

Вот такой у него характер!

Позже узнала, что генеральный директор Богданов не хотел отпускать Лёвина. Потом всё же подписал заявление. Когда вопрос наконец решился, Геннадий Михайлович пришёл домой и с порога попросил жену налить стакан водки! Чтобы успокоиться... И выпил. До дна (это непьющий-то Лёвин!). Так нелегко ему далось это решение.

А тогда, после нашего интервью, чувство сожаления не покидало меня долгое время. На память пришла поездка на месторождение во время подготовки документального фильма «Эффект монолита», посвящённого 25-летию Сургутского УБР-2. Как много хорошего услышала я тогда о Лёвине от буровиков! Они говорили о своем руководителе не много, но их характеристики были точными и краткими, как выстрел:

Пётр Лебедев, зам. начальника РИТС-2:

– Геннадий Михайлович Лёвин пришёл молодым, красивым, энергичным. Обыкновенный русский мужик, буровой мастер. Бурение знает от А до Я. Такого не обманешь. Не «рубаха-парень». Никогда не орал. Обещанное всегда выполнял. Нормальный начальник. Упорства ему не занимать.

Вилорик Пузырёв, начальник РИТС-1:

– Он трудоголик. Слово избитое, но лучше не скажешь. Человек душевный, жалостливый (не знаю, как можно точнее выразиться), всегда войдёт в твоё положение, поможет (если ты не обманываешь). Слабинка? Добрый очень... Словом, отец родной. Но, когда надо, очень требовательный. Вот это сочетание требовательности с добротой даёт эффект человечности. В общем, по нашим понятиям, он Человек с большой буквы.

Владимир Филин, начальник РИТС-3:

– Лёвин – талантливый и безотказный труженик. Я горжусь тем, что работаю под его руководством. У нас нет простоев, остаётся одно – труд.

Вячеслав Катасонов, помощник бурового мастера Геннадия Мужикова:

— Лёвин — максималист. При нём халтура, пренебрежение к работе невозможны. С его приходом пьянок не стало.

Леонид Поляков, начальник РИТС:

— Мне кажется, в жизни Лёвину повезло. Совпали призвание и работа. Профессия стала судьбой. Ведь он ни разу не споткнулся, не оступился, не предал своё дело.

Альберт Гатауллин, буровой мастер:

— Геннадий Михайлович — идеолог и фанат бурения. Ведь он и буровым мастером был лучшим, и начальником управления стал лучшим! Это же надо было так организовать работу, чтобы выстоять в перестройке! Нас радует, что престиж буровика поднялся. И радует, что любой помбур, идя по улице, гордится, что владеет такой специальностью, как помощник бурильщика в УБР-2...

И ещё несколько штрихов к портрету.

...В его кабинете всегда висела политическая карта мира. На ней красными флагами, нанизанными на английские булавки, обозначены места, где побывал Геннадий Михайлович Лёвин. Практически на всех материках земного шара, кроме Австралии, как мне показалось, красовались эти флаги. Немало их разместилось и на территории бывшего Советского Союза.

Что это? Хобби, увлечение, стремление познать другой мир или компенсация слишком занятого человека, существующего Работой, которая была главной формой его жизни?

— Люблю путешествовать, — ответил на мой вопрос Геннадий Михайлович. — Вот уйду на пенсию и буду ездить по всему миру. Это же интересно! Разные страны, разные культуры, любопытные люди везде...

В его кабинете росла прекрасная герань — огромный розовый куст неимоверной величины. Такие цветы мог вырастить только добрый человек.

А рядом с креслом начальника стояло дерево... лимона. Приезжая на интервью, я всегда думала, что это искусственное растение. Пока на нём не появились первые плоды: небольшого размера зелёные лимончики. Моё недоверие Левин развеял в один момент.

— Это настоящий лимон! Не сомневайся. Я его с зёрнышка вырастил. А теперь он потолок подпирает. Не веришь? Давай попробуем.

Он тут же сорвал плод, разрезал его на тонкие кусочки, и мы пили с ним ароматный «буровицкий» чай. Лимон зеленоватый на вид, конечно, но на вкус такой же кислый, как и привычный жёлтый, купленный в магазине (тогда ещё рынков не было). Кстати, для гостей Геннадий Михайлович всегда держал хорошие конфеты – из Москвы. Поэтому мы, журналисты, никогда не отказывались от его угощения.

Другая деталь. Он никогда не болел. Даже карточки медицинской не имел. Может быть, спорт помогал, которым он занимался всю жизнь. Хорошо плавал, нырял, играл в футбол. В третьем тысячелетии увлёкся теннисом. Оказалось, по тяжести энергетических затрат теннис занимает шестое место среди других видов спорта.

...Роль личности в Истории определяет Время. В историю Западной Сибири Герой Социалистического Труда Геннадий Михайлович Лёвин вписал свою страницу. В 1957 году Судьба обвенчала его с буровой. Проходка недр стала для него любимой работой. На буровой он воспитал в себе характер, укрепил волю, возмужал и достиг невероятных высот. Буровая помогала ему подняться на пьедестал почёта и уважения, стать легендой своей эпохи, одним из виртуозов отечественного бурения.

2003 год

Жизнь Мастера, прерванная на взлёте

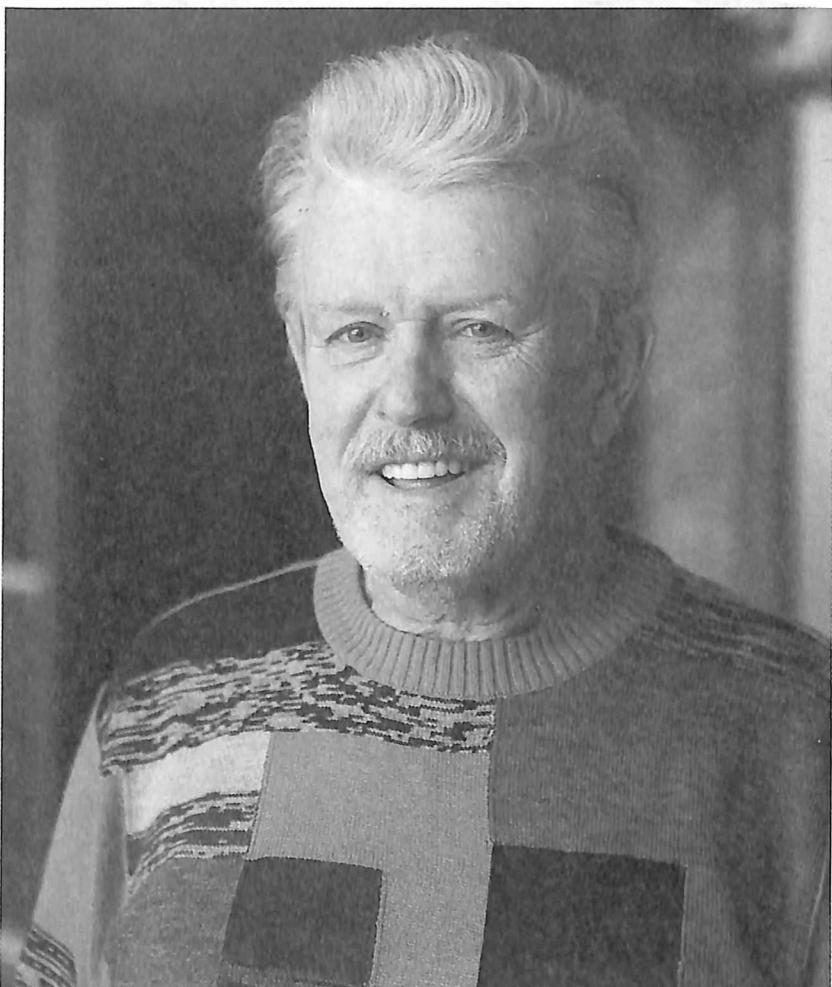
Если бы мы серьёзно относились к выборам депутатов, если бы лучше знали тех, кому вручаем ответственность за жизнь в городе, за распределение финансов и реализацию принятых решений, за самочувствие не только населения в целом, но и каждого конкретного человека, уверена, Виталий Николаевич Горда был бы жив.

Что привело к трагическому концу? Равнодушие, легкомыслие, зависть, желание проявить «себя любимого» во власти или безграмотность вершителей судеб простых людей? Бог им судья...

Первый профессиональный художник округа, ветеран труда, награждённый знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», знаком «За заслуги перед городом Сургутом», заслуженный деятель культуры ХМАО, за сорок лет творческой работы в Сургуте получивший десятки почётных грамот и благодарственных писем, автор гербов города и района – оказался «неизвестной» депутатам личностью. Они не посчитались даже с мнением тех тысяч горожан, которые поставили свои подписи в поддержку присвоения Виталию Николаевичу звания «Почётный гражданин города Сургута». Все необходимые документы были собраны. Но Дума проголосовала против. Один раз. И второй... Доведись, проявили бы своё твердолобое упрямство и в третий... Как просто, оказывается, можно довести показную принципиальность до убийственного абсурда!

...Я разговаривала с Виталием Николаевичем перед отъездом в отпуск в начале июля 2010 г. Попытка ободрить, но, видимо, разрушающая сила нервного напряжения, пережитого в результате принятого депутатами решения, уже окончательно подорвала его здоровье. Через двадцать дней Горда скончался.

Годом раньше я написала о нём книгу. Она не вышла в свет по банальной причине – отсутствия денег. Найдутся ли средства для её издания после кончины Мастера, сказать уверенно не могу. Хотя

готовность оказать поддержку и финансовую помощь выразили на поминках многие друзья и представители администрации разных уровней. Наш последний разговор с Виталием Гордой был ещё и об этой книге. Я попросила разрешения использовать некоторые её главы в своей « коллекции » очерков.

— Конечно, Катюша, о чём речь! — согласился художник. — Даже с удовольствием, потому что моя часть работы слишком затянулась...

Ни слова о своём тяжёлом состоянии, ни намёка на необходимость услышать слова сочувствия. Он был очень сильным и мужественным человеком.

Что ж, «благословение» получено. Я исполняю его последнее желание...

Истоки

Уверена, его способности к «живописанию» заложены генетически. Корни семейного древа, до которых докопался брат по отцу Николай, уходят в глубокую древность. Из найденных исторических документов известно, что один из родственников семьи Горды был писарем атамана Запорожской сечи. Тогда-то и нашлось объяснение таланту, спустя века блестящие проявившемуся в творениях Виталия Николаевича. Ведь писари в давние времена являлись не только грамотными людьми, каллиграфами, но и в какой-то степени художниками. Важнейшие события, достойные исторической памяти, они отображали и «буквицами», и рисунками. Насколько позволял талант. Видимо, у предка-писаря способности оказались превосходные. Эти гены, «прострив» несколько веков, проявились в единственном в роду художнике – Виталии Николаевиче Горде. Из тех же документов выяснилось, что по линии отца все родственники были казаками.

Дед по материнской линии Алексей Макаренко жил на Украине. Крепко стоял на земле. До революции держал конный завод. Разводил прекрасных лошадей и преуспевал в своём деле. В те времена без лошади в хозяйстве не обойтись. Да и скачки – не последнее дело в жизни казаков. А для молодёжи – любимое развлечение. Фамилию Макаренко знали далеко за пределами деревни. В семье деда все дети были хорошими наездниками. Эти способности передавались из рода в род и дошли до будущего художника.

Дед Алексей умер в 1933 году от голода. Виталий никогда его не видел, но по рассказам бабушки запомнил, что был он большим, красивым, упорным и сильным человеком.

«В Сургуте не было профессионального искусства. Всё делалось на любительском уровне и за неимением лучшего воспринималось хорошо...»
Виталий Горда

После окончания сначала Киевского училища прикладного искусства, а затем и Харьковского художественно-промышленного института, Горду направили в Калугу – самое престижное распределение на курсе, о котором мечтали многие выпускники. Тогда здесь базировался единственный в Союзе институт тары и упаковки, что позволяло часто выезжать за рубеж и при этом заниматься любимым делом. Но... Там не предоставляли квартиру.

В то лето сокурсники подрядились сделать в Тобольске реконструкцию кремля. Зная великолепные организаторские способности Виталия, ребята вызвали его к себе настойчивыми телеграммами. Поехал. Путь в Тобольск лежал через Тюмень (железная дорога ещё только строилась).

В номере гостиницы областного центра, где остановился Горда, жили северяне. Узнав, что Виталий – художник, стали зазывать в Сургут.

Убедили.

Действительно, город рос хаотично, бездумно, но быстро. Горда получил большой заказ от управления буровых работ (тогда оно было единственным) – выполнить мозаики, сделать два панно иrepidацию с известной картины, удостоенной в своё время Государственной премии (картина до сих пор висит на стене в кабинете УБР-1). Начальник управления – Юрий Цареградский – очень хорошо играл в теннис. На том и сошлись. Подружились даже. И когда Виталий собрался уезжать в Калугу (билет до Москвы лежал в кармане), его пригласил к себе председатель горисполкома Михаил Конев. Естественно, предложил остаться в Сибири. Разговор длился два часа.

– Работы у нас непочатый край. Зарплата приличная. Мастерскую сделаем. Квартиру получишь сразу.

Последний аргумент сыграл решающую роль. Правда, Виталий попытался выставить защиту против напора высокопоставленного лица, дескать, направление-то в Калугу, но получил достойный отпор:

– Ты не в Крым проситься будешь, а на Север. Я уже и письмо подготовил. Придёшь в министерство, отдашь его, и тебе даже никаких вопросов не зададут.

Так и произошло. Михаил Михайлович Конев слово сдержал. Квартиру Виталий получил сразу.

Горда приехал в Сургут 5 сентября 1970 года. Бабье лето задержалось, устроив роскошный праздник осени. Весь месяц на небе ни единого облачка! В солнечных лучах золотились берёзовые листья.

Вечерами Виталий ходил на рыбалку, любовался природой и думал: «За что же здесь платят "северные"?» А первого октября выпал снег. И больше не растаял. К концу месяца стояла настоящая зима с трескучими тридцатиградусными морозами. И он понял – за что платят...

Первоначально жизнь складывалась совсем не так, как предполагалось. Виталий в то время не раз вспомнил фразу, услышанную в отделе кадров министерства, когда привёз письмо из Сургута: «Такое место вам досталось классное (намёк на Калугу), а вы едете в Тмутаракань!».

«Мастерская» (так её можно назвать только в кавычках) сургутских художников располагалась в старом деревянном здании. Состояла из двух комнат с удобствами на улице. Существовала лишь номинально, потому что в ней фактически никто не работал – не было условий. Все сотрудники работали на объектах по предприятиям, выполняя оформительские заказы ко всем существовавшим в советские времена праздникам. Кроме того, художники тогда занимались оформлением внешнего вида и интерьеров детских садов, магазинов, контор, предприятий. Все шрифтовые работы делались вручную. В основном – плакаты, красочные полотнища с выдержками из докладов, прозвучавших на съездах и пленумах ЦК КПСС, отражение «нетленных» мыслей первых людей государства. Причём сначала разрабатывались эскизы. То есть это была рутинная работа, которая совершенно не требовала знаний, полученных художником в учебных заведениях.

Серый город, серые дома, редкие прутики деревьев, высаженных на субботниках, песчаные улицы... Отдельные микрорайоны, как кочки на болотах... Далеко просматривающиеся торцы пятиэтажных зданий, пустых и неприглядных... Красные полотнища с призывами, развешанные на конторах... Скучно...

Виталию предстояло изменить этот мир, скрасить впечатление неустроенности, возникавшее у каждого приехавшего с цивилизованными обжитых территорий Большой земли. Он придумал, как это сделать! Плакатами. Это слово вызывает теперь ассоциации с чем-то трафаретным, бездушным. Но цветные полотнища Горды, появившиеся вскоре на торцах домов, привлекали оригинальностью и глубокой продуманностью. В них сквозил тайный смысл, который не сразу разгадаешь. А когда посмотришь внимательнее, подумаешь, поймёшь – непременно улыбнёшься. Тепло становилось от таких жизненных, «человеческих» плакатов. Необычных, грамотно исполненных, по-настоящему талант-

ливых, с хорошо и точно найденными линиями. Они исподволь воспитывали вкус горожан. Серая плоскость вдруг становилась красивой, гармоничной, радостной. Такого нигде не увидеть. Только в Сургуте. Этим своим «изобретением» Виталий Горда смог придать городу праздничный вид.

Заезжие люди, понимающие в искусстве, удивлялись: откуда здесь, на болоте, такие роскошные работы?! Как всполохи на тёмном небосклоне. Эти творения принципиально отличались от лаконичных плакатов 70–80-х годов. Профессионалы могли оценить и понять, насколько продуманными и многозначными были творения художника, чувствовали, что автор плакатов относится к городу не формально, а с любовью. Видели в его полотнах руку большого мастера.

В творческих кругах (в большей или меньшей степени) всегда присутствует зависть. Директор мастерской начисляла Горде зарплату в половину меньше, чем остальным сотрудникам. И это, несмотря на то, что профессиональных художников, причём с высшим образованием, кроме Виталия, в мастерской не было. Их вообще не было – ни в городе, ни в округе. К тому же он приехал на Север хорошо известным на Украине книжным графиком. Имел достаточный опыт по оформлению книг, был участником Всесоюзной и международной выставок… А на Севере – получал за свой труд столько же, сколько мог заработать и в Харькове. Без коэффициентов! Такое положение сохранилось полгода (Виталий никогда не мог просить за себя, не тот характер).

Работы в художественной мастерской было действительно «непочтенный край»: ко всем партийным событиям готовили наглядную агитацию. Времени на это уходило много. Естественно, каждый стенд, плакат, рисунок имели художественную ценность, потому что плохо выполнять социальные заказы Горда не привык и вкладывал в них свои способности, знания, отдавал сердечную теплоту.

В 1971 году после окончания института в Сургут приехала жена Людмила с дочуркой. В городе появился ещё один специалист с высшим художественным образованием, нуждавшийся в работе. Виталий Николаевич обратился к председателю горисполкома Михаилу Коневу. Тот задумался.

– Она же у тебя плакаты писать не будет?

– Не будет.

Помолчали.

— А что если создать художественную школу для ребятишек? — осенила Горду мысль.

— Вот это здорово!

Человек слова, Михаил Михайлович помог открыть школу. Людмила работала директором и педагогом. Учила подрастающих сургутян азам изобразительного искусства, прививала любовь к скромной красоте северной природы, воспитывала художественный вкус, раскрывала таланты. На первых порах Виталий помогал жене всем чем мог. Он понимал ответственность, лёгшую на плечи жены, да и его тоже: это ведь была первая и тогда ещё единственная в здешних местах детская художественная школа. Новое поколение молодых (Виталий Николаевич в этом убеждён) должно быть грамотным во всех отношениях, особенно в искусстве, так как именно оно помогает обогащаться духовно.

Через много лет о Горде скажут: «Он создаёт духовную, эстетическую ауру нашего города». А в начале 70-х он был «белой вороной» среди рабочего люда, приехавшего осваивать подземные кладовые Приобья. Два года спустя Виталий подготовил первую в истории города персональную выставку и показал свой профессиональный уровень. Население Сургута тогда составляло около сорока тысяч человек. Двухэтажные деревянные дома, работа до изнеможения, комары, кислородная недостаточность... А люди тянулись к хорошему, высокому, красивому. К тому, чего никогда не видели прежде. Выставка художника Горды стала отдушиной в обыденности, как глоток свежего воздуха в испепеляющей духоте будней.

Об этом событии в жизни творческой интеллигенции журналисты писали: «Давно в этом зале не бывало столько посетителей. Поздравить художника и познакомиться с его творчеством пришли друзья, коллеги, любители живописи. А посмотреть есть на что. Ведь эта выставка стала взыскательным отчётом мастера не только перед обществом, но прежде всего перед собой.

Творчество художника — это постоянный поиск: натуры, мыслей, идей, которые затем воплощаются в образах, в картинах.

Особое место занимает плакат. Здесь художник умело использует элементы других видов искусства. Живопись и шрифт, графика и знак, фотография и коллаж — гармонично синтезируются в творчестве Виталия Горды. Его работы будят мысль, не оставляют равнодушным, трактуют образ в контексте времени, сознания, эпохи».

На той, первой выставке, было представлено 150 работ. Их высоко оценили и жители, и специалисты. Она стала переходным этапом, ещё одной ступенькой на пути к зрелости Мастера.

В том же году при оформлении экспозиции на ВДНХ, посвящённой сорокалетию образования округа, Горду назначили главным художником. Он заставлял переделывать тексты по пять-шесть раз, требовал, чтобы каждая фраза «плела», была доходчива и понятна для всех. Исполнители ругались, но переделывали...

В 1975 году на Всесоюзной выставке наглядной агитации на ВДНХ за серию плакатов «Этапы большого пути» Виталий Горда получил бронзовую медаль.

К сожалению, графических, монументальных работ художника сохранилось мало. Прошли времена. Плакаты с домов сняли и выбросили. 158 фигур на мифологические сюжеты в кинотеатре «Аврора» закрасили при ремонте. Следа не осталось и от бара, оформленного здесь же вместе с супругой Натальей, разворовали резные деревянные рамы с хохломской росписью. И так везде – на предприятиях, в магазинах, объектах социального назначения. Даже первый и единственный в городе памятник рыбакам (его тоже разрабатывал Виталий Горда), установленный на территории рыбоконсервного комбината, не уберегли. Он разрушен колёсами КАМАЗа...

«Творческие дачи – это, с одной стороны, хорошая школа, с другой – возможность увидеть свой уровень...»

Виталий Горда

Когда Виталия первый раз пригласили на творческие дачи, жена Людмила засомневалась:

– Может, не стоит ехать? Ведь ты уже шесть лет живёшь в глубокой провинции, где не у кого поучиться, не с кем посоветоваться. Туда приедут люди, которые постоянно трудятся на творческом поприще, а ты не знаком с современными тенденциями, не знаешь, чем сейчас живут художники. Ты явно отстал за эти годы и будешь выглядеть нелепо... Боюсь, это просто растопчет тебя.

– Именно поэтому я и поеду! Хочу узнать свой уровень на сегодняшний день, потому что здесь я – один, как перст...

Творческие дачи состоялись в Дзинтари (Латвия, ныне Юрмала. –

Примеч. авт.). Среди участников были представители Польши (тогда она считалась ведущей в области плаката), Венгрии, Болгарии, Монголии, других стран. СССР представляли художники всех союзных республик, а также Москвы, Ленинграда и... Сургута. Это обстоятельство вызвало некоторое недоумение – далёкая северная глубинка и вдруг – международные творческие дачи. Но Виталий помнил, что во время приезда в Ханты-Мансийский автономный округ делегации писателей и художников он рассказал о своём одиноком положении и обратился к коллегам с просьбой дать ему возможность «посоревноваться» на каком-нибудь уровне. Они всё правильно поняли. И возможность такую предоставили.

Горда наконец попал в ту среду, о которой мечтал. Каждый день был насыщен до предела: поездки по музеям, органная музыка в Домском соборе, посещение мастерских, просмотр слайдов художников... А ещё уроки: наброски модели. К примеру, дают пять секунд, чтобы сделать набросок обнажённой натурь. Что успеешь... И ведь успевали!

Свалившаяся на художника информация оглушила. Он насыщался увиденным, услышанным, прочувствованным... Кажется, мозги «закипели!» Столько интересного и полезного в области плаката он не получил за все предыдущие годы! Два месяца Виталий спал по четыре часа в сутки.

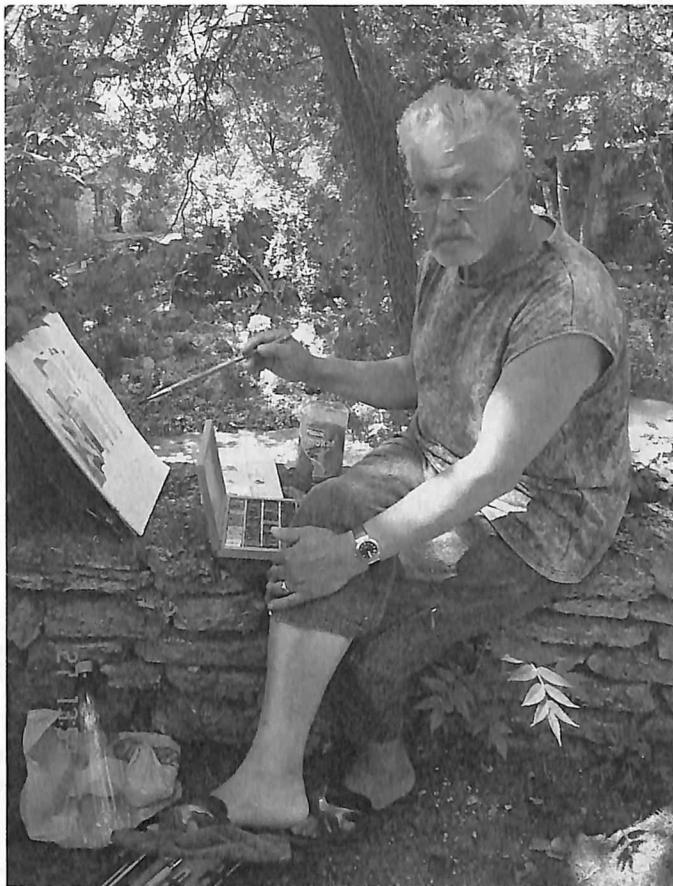
Жили художники по одному в комнате. Она же служила мастерской. Виталий держался особняком. Да и к близости с ним никто не стремился.

В результате пребывания на творческой даче, каждый участник должен был в течение двух месяцев выполнить три плаката и представить их на выставке. Сделал. На одном изображена буровая вышка, с которой стекает нефть, образуя руку. Текст гласил: «Это мой труд вливается в труд моей республики». На втором плакате силуэты матроса, солдата и медсестры образовывали колышущееся знамя – «Подвиг героев революции – бессмертен». Третий – без названия – изображал череп из колючей проволоки на фоне голубого неба. Во лбу черепа – вопросительный знак...

Увидев работы Горды, руководитель группы сказал:

– Плакат с героями революции повесь при входе в выставочный зал.

Выставка поразила свежестью представления заданной тематики и высоким профессионализмом. У Виталия дух захватило от мастерства! Ничего подобного ранее ему видеть не доводилось. И всё-таки

чем больше вглядывался, тем больше понимал: собственная работа выглядит не хуже! Даже на фоне таких высочайших мастеров плаката, как поляки и латыши.

Комиссия отдала предпочтение сибиряку. После объявления результатов каждый художник посчитал своим долгом лично пожать руку победителю. Виталий почувствовал себя экспонатом, стало неловко...

Вечером состоялся бал. Горда принёс на него ещё один плакат: на подушке с пуговицами изображена ложка с кистью (с одной стороны черенка – ложка, с другой – кисть). И подпись: «Стоимость 3.12». Все поняли, что хотел сказать художник. Виталий попросил коллег поставить автографы под этим плакатом. Он хранится в семье до сих пор.

После неожиданно оглушительного результата Горда воспрянул духом, вновь поверил в себя.

На подобные дачи Виталия приглашали ещё четырежды. И он всегда был в числе лучших участников творческих встреч.

«В 1986 году был последний настоящий съезд художников, потому что после этого наступило другое время...»

Виталий Горда

Произошло невероятное! На шестой съезд художников от Тюменской области был избран сургутянин Виталий Горда. Там он познакомился со своими кумирами, талантливыми художниками: Моисеенко, Мыльниковым, Коржевым, Пластовым, братьями Ткачёвыми, Пименовым... Был представлен признанным мастерам советской художественной школы Шилову и Глазунову.

Заседания съезда проходили в Колонном зале Дома Союзов. Для Горды всё было в первый раз. Постепенно стало понятно, что проблемы, накопившиеся за четыре года, – однотипны, повторяются из выступления в выступление, записанные на бумаге фразы звучат монотонно. Слушать стало не интересно. Аудитория откровенно скучала...

В последний день слово предоставили представителю из Сургута. Не смущаясь, он высказал упрёки мастерам. Виталия Горду возмущало, что в Сибирь везли низкопробные работы, откровенную халтуру, которую приобретали руководители предприятий, чаще всего малоискусственные в искусстве.

Он тогда сказал своим коллегам:

– Если вы думаете, что на Севере некому оценивать творчество художников, глубоко ошибаетесь. В наш округ съехались прекрасные люди со всей страны, дерзкие и смелые – настоящие герои нашего Времени. Они приехали в такую глушь не только с периферии, но и из высококультурных центров – Москвы, Ленинграда и других городов. Этих людей вы «кормите» второсортной продукцией.

Такое отношение к людям, вершившим трудовой подвиг, Виталий воспринимал как личное оскорблечение! Он не мог и не хотел с этим мириться. Кстати, при желании и сегодня на складах Сургута можно найти упомянутую им второсортницу, которая была приобретена в 80-е годы, но нигде так и не пригодилась...

Тюменские и свердловские художники поддержали Горду. На фоне убаюкивающих речей предыдущих докладчиков выступление Горды (он был единственным, кто говорил без бумажки) прозвучало как своеобразный взрыв. До глубокой ночи в гостиничных номерах, где жили художники, обсуждали высказанное сургутянином. Он настолько точно и грамотно изложил проблему, что мало кого оставил равнодушным.

… Для каждого творческого человека очень важно вдохновение. Приходит оно по-разному. Иногда Виталий вдруг услышит мелодию, которая близка по духу, по сердцу, вливается в его сиюминутное настроение. Душа в такие моменты оживает, настраивается, как музыкальный инструмент, и – начинается полёт мыслей, необузданых фантазий. Возникают варианты будущих картин.

В другой момент подобный эмоциональный взрыв возникает в полной тишине, при взгляде на обычный предмет, вдруг словно что-то меняется в сознании, и, как подсказка, рождается новая мысль. Может быть, совершенно простая, но ранее не пришедшая в голову. Это необыкновенное состояние, которое точно описать невозможно.

Чаще всего мысль зреет в голове, как зерно в земле. Что бы ни делал, чем бы ни занимался, о чём бы ни говорил – идёт постоянная работа, созревание. Результат фиксируется. Затем начинается такая же отработка следующего варианта в другом направлении. И так – три-четыре-пять вариантов. Виталий выбирает из них лучший и доводит его (в уме!) до логического завершения. После такой мозговой атаки на выполнение работы он тратит минимальное время.

… На второй творческой даче в Дзинтари главный редактор политического плаката Варшавы каждое утро наблюдал за работой Горды. Молча. А когда Виталий вновь был признан лучшим плакатистом, сделал комплимент:

– Если бы я мог мыслить, как ты, я был бы миллиардером в Польше. За эти дни я увидел на твоём столе сотни мыслей, а ко мне они приходят – одна в полгода. Какой диапазон! Какая широта! Как ты можешь так раскидываться? Ведь это легко украсть!

И крали… Виталий Николаевич перестал делиться своими задумками с художниками. Выучили.

… Его по-прежнему может очаровывать Красота. Иногда далеко не в классическом понимании этого слова. Очарование приходит внезапно, как идея, как разрешение конфликта, как аромат любимой женщины, как взгляд ребёнка… Словом, его очаровать может всё!

Виталий Горда гарантирует своим работам сохранность на века. Минимум – на 300 лет. У него даже акварели (они считаются более нежным материалом, быстро выгорают), выполненные 40 лет назад, не потеряли ни в цвете, ни в тоне. Настолько он постиг секреты технологии красок!

В композиции Горда – художник абсолютно раскрепощённый. На одну и ту же тему у него возникают десятки, иногда сотни оригинальных решений! Можно научить писать, можно выучить композиционные принципы. Но чтобы вот так: тряхнул головой, и из россыпи вариантов непременно выбрал лучший, – не каждому дано. В Горде это заложено изначально, как говорят, Бог в лобик поцеловал.

«Я себя отношу к людям, которые учатся всю жизнь. И, наверное, никогда не смогу сказать, что я – законченный мастер».

Виталий Горда

…Знаменитый японский художник Хокусай сказал: «Только сейчас, в 84 года, я понял, как надо работать».

Действительно, для того чтобы художнику по-настоящему постичь истины мастерства, нужны годы. Ибо вместе с ними происходит накопление опыта, появляется зрелое, всеобъемлющее – мудрое видение. Главное – хватило бы зрения.

Для Виталия каждая работа – словно «первый раз в первый класс». Потому что он ничего не хочет делать по старинке, понимает – надо двигаться вперёд, искать новые пути к совершенству. На это уходит время.

Конечно, огромный опыт и прочные знания уже есть. Это даёт Горде возможность глубоко раскрывать темы и более успешно решать задачи, которые он перед собой ставит. Но… с годами здоровья не прибавляется. Дни становятся короче. Глаза перестали выдерживать суточное напряжение.

Сейчас Виталий Николаевич заканчивает серию портретов знаменных людей города Сургута. Интерес к этой теме вызван прежде всего стремлением сохранить память о тех, кто своей общественной, производственной, благотворительной деятельностью помогал развитию родного края. Это не только изобразительная демонстрация модели, но и отражение целой эпохи в лицах. Умело используя систему символов, он раскрывает внимательному и понимающему зрителю внутренний мир героя, его прошлое и будущее.

Одно дело писать портрет с натуры: вот он – образ, форма, цвет, свет. Всё – на виду. Другое дело – работать по фотографии. Хорошо, если современной, а если старой, маленькой, чёрно-белой, любительской... Приходится включать воображение, чтобы проникнуть в духовный мир человека, увидеть его сущность, на уровне интуиции понять и отобразить характер. На такие работы уходит много сил, потому что каждый сантиметр полотна требует мозговой атаки, каждый мазок – как прыжок в неизвестность. Горда постоянно варьирует, иногда некоторые места переписывает по несколько раз, чтобы добиться не простого сходства, а суметь раскрыть гармонию человека и среды. Не зря художники обязаны быть психологами.

Портреты Горды отличаются подкупающей правдивостью, документальной точностью и внешней простотой. Внутренний мир человека раскрывается в спокойном выражении лица, в естественной обыденной позе. Иногда заметно стремление сделать своего героя эмоционально богаче. Симпатия к людям чувствуется во всём: в избранном интерьере, в мастерски подобранных тонах, в колорите, написанном вдохновенно и передающем душевную красоту человека.

Естественно, каждый портрет отнимает кусок жизни, часть здоровья. Иногда приходится выкладываться до полного истощения. Но Виталий Николаевич понимает, что портрет – это на века.

...Как и у всякого настоящего художника, у Горды много творческих задумок. Пока нет времени их осуществить. Да и не заказывает сегодня никто художественных полотен. Но сам для себя заготовки делает.

«Наташа всех нас покорила! Засучила рукава и стала грунтовать планшеты. До этого никто из женщин такую черновую работу у нас не делал»
Виталий Горда

В 1974 году Горду назначили главным художником Сургута. Эту должность он занимал одиннадцать лет. Параллельно был председателем художественного совета, который возглавлял семнадцать лет, фактически все годы существования этой структуры.

...Однажды в кабинете появилась выпускница Красноярского художественного училища имени Сурикова. Красивая, стройная, юная. С работой определились сразу – в мастерскую. С первым же заданием справилась успешно. Виталий не выпускал новенькую сотрудницу из

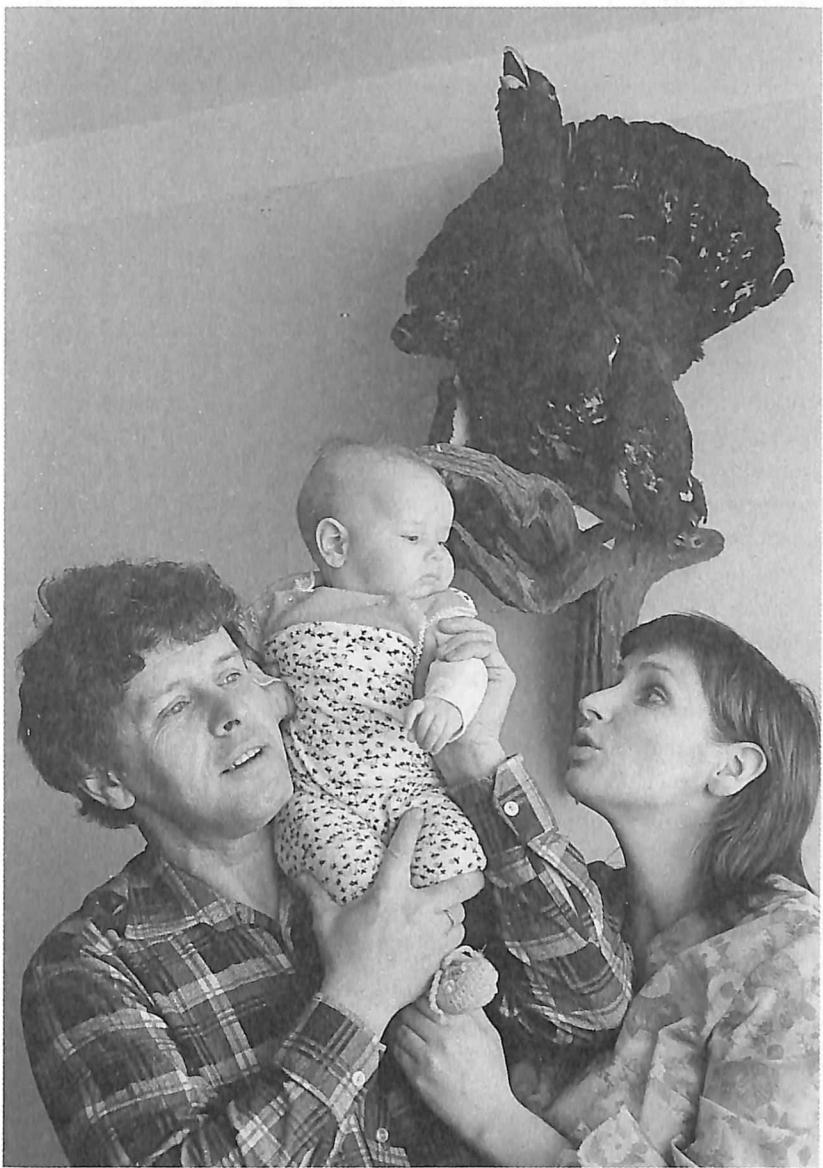
поля зрения. И чем больше присматривался, тем больше она нравилась. Своей немногословностью, тактичностью. Наташа не в пример другим, ни разу не проспала, ни на минуту не опоздала. Бралась за любую работу. Количество отмеченных положительных качеств быстро росло. Перед первой осенней выставкой местных огородников художникам пришлось трудиться сутками, оформляя стенды. После закрытия их отблагодарили своей продукцией работники мясокомбината. От деликатесов никто не отказался, вот только о хлебе никто не позаботился.

— Мужики, — сказал Виталий, — надо кому-то в магазин сбегать.

— Давайте я схожу, — предложила Наташа, — вы же устали...

Такая отзывчивость тронула. Наташа сама спала всего два часа, а мужчин пожалела. Казалось бы, мелочь, но... Заиграли душевые струны Горды, сердце забилось чаще, и Виталий посмотрел на девушку другими глазами.

Их любовь была даже не половодьем. Казалось, два сильных ветра сцепились в схватке, образуя смерч. Он разрушил старые, ветхие постройки и на освободившемся месте началось строительство фундамента новой семьи, новой жизни.

Конечно, этот «смерч» вызвал целую бурю соответствующих суждений. На какое-то время вокруг этой ситуации возникла муть. Многие не преминули воспользоваться возможностью запустить комок злопыхательской грязи в чистоту человеческих чувств, не веря в их искренность и силу.

Будь Горда коммунистом, расставание с партбилетом стало бы неизбежностью. Но даже беспартийность не помешала сплетням, порицаниям, может быть, банальной людской зависти. Ей – 21. Ему – 43.

Через три года у них родился сын Артур, затем дочь Виктория.

Наташа, как состоявшийся художник, всё делает сама. К помощи Виталия прибегает в исключительных случаях. Много работает, и уже организовала свою выставку. Она хорошая жена, любимая женщина, прекрасная мать... Эпитетов можно назвать ещё много, но добавим только один: она – первый ценитель творчества Виталия. Серёзный, понимающий, думающий, знающий. Для художника Горды – это главное. Она умеет увидеть и подсказать.

Виталий всю жизнь работает на пределе возможностей. Окончив лучший художественный вуз страны с требованиями высочайшего класса, получив великолепное образование, крепким фундаментом знаний делится со своей супругой. Наталья же считает, что ей повезло: всегда рядом не только муж, но и Учитель, который может вовремя подсказать, посоветовать, оценить её творчество.

Созданная на разрушении, в боли и муках рожденная семья пустила крепкие корни, дала красивые ростки и стала древом жизни. Его обогревают солнечные лучи, над ним проливаются благодатные дожди, в его листве шепчется человечество, ветра срывают листья и падает снег... Семейное дерево выстаивает перед непогодами и снова купается в солнечных лучах, источая счастье, веру, любовь.

В каталоге первой персональной выставки Натальи, которая состоялась в 2007 году, Виталий для своей ученицы и жены написал: «Изобразительное искусство Сургута только у истоков своего движения в историю нашего края. Надеюсь, что творчество Натальи оставит достойный след на данном пути...

Я благодарен судьбе, подарившей мне замечательного во всех смыслах Человека. Нет большего счастья, чем чувствовать постоянную поддержку в большом и малом, заботу матери и верность жены, которую дарит мне каждый день моя Наталья».

P.S.

Прежняя жена Виталия Горды – Людмила Александровна Горда – была основателем и бессменным директором первой в Ханты-Мансийском автономном округе художественной школы. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. 10 октября 1996 года в день 25-летия ДХШ № 1 после тяжёлой, продолжительной болезни Людмила Александровна ушла из жизни. Теперь эта школа носит её имя. В памяти Виталия она осталась другом, любящей, верной женой, умеющей понимать и прощать. В памяти коллег она всегда будет красивым человеком, прекрасным педагогом.

Дочь Людмилы и Виталия – Наталья – окончила медицинский институт, стала хирургом. Много лет является заведующей приёмным отделением хирургии окружной клинической больницы. Заслуженный работник здравоохранения ХМАО. Воспитывает дочь Тамару. Наталья Витальевна – большая рукодельница. Она создаёт авторские наряды для кукол, а теперь и для дочери стала личным модельером.

Сын Виталия и Натальи (нынешней его супруги) Артур – окончил художественную студию своих родителей «Ракурс», затем Московскую академию образования Натальи Нестеровой по специальности «Графический дизайн». Дочь Виктория тоже прошла школу родителей в «Ракурсе», окончила Московский национальный институт моды по специальности «Дизайн одежды». У всех детей Горды – творческие наклонности, отчётливо выраженные способности в той или иной области изобразительного искусства.

*«Наступило тяжёлое время, когда подрастили
дети, надо было их кормить и одевать. И мы
открыли студию «Ракурс», в которой стали
готовить своих учеников...»*

Виталий Горда

Во время занятий в помещении, расположенном в одном из сургутских общежитий напротив гостиницы «Обь», редко нарушается тишина. Лишь «шёпот» грифеля по ватману подсказывает: идёт напряжённая работа. Ученики Виталия и Натальи – молодые и взрослые люди, талантливые и упорные. Здесь они не только учатся рисовать. Супруги Горды открывают перед ними иной, удивительно богатый

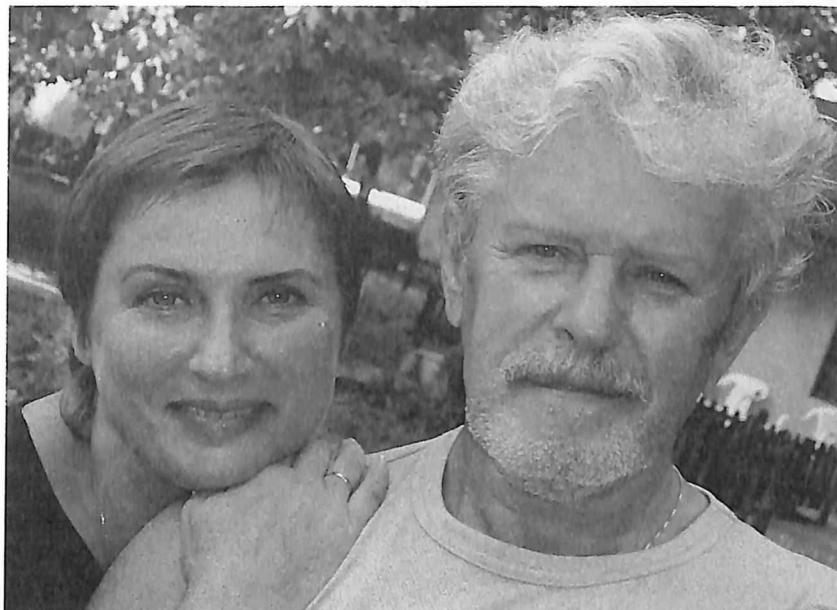
красками мир, в котором духовность, терпение и труд живут равноправно.

В 2007 году студии «Ракурс» исполнилось десять лет. За это время из её стен вышло достаточно много учеников. Некоторые из них поступили в учебные заведения, окончив их, разъехались по стране, за рубеж – в частности, в Италию, Англию. Те, кто неставил перед собой такую цель, занимаются творчеством дома, частенько приходят в студию, советуются, приносят свои работы на регулярно организуемые выставки. Все они остались родными и близкими.

Когда, в 1997 году, супруги Горды открыли художественную студию «Ракурс», аналогов ей в России не было. Им всё пришлось делать с нуля: разрабатывать устав, программу, определять задачи, доказывать смысл и необходимость подобного заведения. Они обивали пороги местных департаментов, Министерства культуры РФ, пока наконец добились: студии – быть!

На первое объявление о её создании откликнулось около сорока сургутян. В те годы не было ни бумаги, ни мольбертов, ни красок... «Добывали» где кто мог. Так сильно было желание прикоснуться к магии рождения живописных и графических образов. К тому же здесь предполагалось давать начальное академическое художественное образование по рисунку и живописи, необходимое для поступления в средние и высшие художественные заведения России (что впоследствии прекрасно воплотилось в жизнь). Инициативу супружев поддержали директор департамента Яков Черняк, мэр города Александр Сидоров. Учреждение стало муниципальным, что значительно сократило стоимость обучения, а следовательно, увеличило количество желающих учиться. Набор студийцев всегда только на конкурсной основе.

Виталий и Наталья не обещают своим ученикам подготовить из них художников-профессионалов. Цель другая – научить понимать изобразительное искусство. Ведь талант – это ещё не всё. Необходим каждыйдневный титанический труд для его развития. Здесь стараются воспитать настоящего ценителя творчества, разносторонне развитую личность, обогатить её внутреннее содержание. Выпускники студии становятся пропагандистами изобразительной культуры в своей среде. Делают для себя открытия в необыкновенном мире богатства красок, линий, форм, в постижении их эмоционального языка.

Много это или мало? Оценит Время. Ибо распахнутая Красоте душа способна рождать себе подобное, выводить уровень культуры человека на новый виток. Ведь работа художника заставляет наслаждаться или страдать от моментального осознания истин, выраженных просто, ёмко и доходчиво – лёгкими на первый взгляд мазками кисти Мастера. Наставники открывают для своих учеников новые горизонты, заманчивые перспективы, способные подарить другой мир, иной взгляд, словом – жизнь в новом ракурсе.

В стенах студии проходят творческие встречи и мастер-классы с местными художниками. Летом учащиеся выезжают на пленэр в окрестности города.

Некоторых специалистов результаты работы студии ставят в тупик. Дать кисть в руки юристу, экономисту, архитектору, домохозяйке, и чтобы через три года ученик создавал настоящие шедевры – не каждому педагогу под силу. Можно научить технике, нельзя научить передаче звучания своего сердца. Но... феномен состоялся.

На выставке, организованной в год десятилетия студии, были представлены лучшие работы её выпускников. Порадовала плеяда талантливых, одарённых сургутян. Многие бывшие ученики Натальи и Виталия

Горды стали студентами архитектурных вузов Тюмени, Новосибирска, Волгограда, Санкт-Петербурга, Москвы, Ханты-Мансийского института дизайна. Немаловажная черта: в студию приходят папа с сыном, мама с дочкой, муж с женой... Невероятное на первый взгляд заведение – студия «Ракурс» – доказывает свою состоятельность очевидным, серьёзным и убедительным результатом.

Во все времена художникам жилось не сладко. До сих пор срабатывает стереотип: «всё лучшее – в столицах», зачёркивая, таким образом, творчество талантов провинциальных регионов. Вот и приходится доказывать, что и «культура будет прирастать Сибирью». Это касается не только художников. Просто они оказались сейчас в менее выгодном положении. В обществе, отравленном товарно-денежными отношениями, существующими подчас в уродливой форме, уровень понимания специфики этой профессии ещё очень низок. Нет мастерских, нет материальной базы, нет соответствующего талантам пиара, нет возможности реализации собственных творений. В современном мире выжить художникам – сложно...

И всё-таки одиннадцатый год существования студии учеников снова немало. Для них эта школа – как маяк, как магнит, который держат в своих руках учителя – Виталий и Наталья. Он – первый в округе член Союза художников СССР (принят ещё в 1977 году). Вторым в округе членом Союза художников России (в 2005 году) стала его спутница жизни Наталья. В 2002 году она окончила художественно-графический факультет Сургутского государственного педагогического института. Так что преподавание идёт на высоком профессиональном уровне.

Супруги Горды готовы тратить своё драгоценное время на обучение людей, пожелавших постичь азбуку художественного вкуса, элементарные азы творчества. Их ученики знают, уверены, что получат здесь знания, накопленные человечеством и личностью Мастера.

...Изменить мир творчеством хотя бы на отдельно взятой территории всё-таки удалось.

С помощью студии «Ракурс» выросло не одно поколение людей, понимающих изобразительное искусство, нуждающихся в нём и передающих свою любовь к нему детям и внукам. Для которых выставки – не развлечение, а работа души, приведение её в возвышенное состояние, познание самого себя. А Виталий для выпускников студии был и остаётся кумиром, Учителем Божьей милостью.

«Каждую свободную минуту я использую на полотне, потому что художник обязательно должен повышать свой уровень...»
Виталий Горда

Виталию есть чем гордиться. Хотя профессиональную гордость нельзя подержать в руках. Она осязаема в картинах, в званиях (Виталий Николаевич Горда – заслуженный деятель культуры ХМАО), как ни парадоксально, в ледовых и песчаных фигурах, запечатлённых на фотографиях, в скульптурах мастера. За что бы он ни брался, всегда и всё делал на высоком профессиональном уровне. И везде был лидером! Трудно дать объяснение этому феномену. Хорошая школа? Да! Колоссальное трудолюбие? Да! Дар Божий? Да! Всё это по отдельности, возможно, и не сыграло бы такую огромную и важную роль. Очевидно, результат дал комплекс этих компонентов: развитый трудом талант, подкреплённый добрыми знаниями, выплескивается на полотне, во льду, в песке, в бронзе богатством воображения, гармоничным сочетанием содержания и формы...

Это в других профессиях можно быть пятым, десятым, двадцатым... В творчестве надо стараться быть первым, лучшим, признанным. Иначе эта принадлежность к «избранным» – сплошная напыщенность, дутый шарик, который в любой момент может лопнуть. Тогда всё превращается в обыкновенное ремесло и перестаёт быть творчеством. Принадлежность к богеме – не просто гордость. Ещё и обязательство постоянно быть, а не казаться. Такова позиция Виталия Горды, которую он подтверждает на протяжении всей жизни. Его имя известно далеко за пределами округа. Созданные им плакаты, картины, герб города и района, памятник мужеству рыбаков Сургута и многое другое стало своеобразными вехами не только в жизни художника, но и в духовной жизни города, в котором он трудится почти сорок лет.

В 2002 году Виталий решил попробовать себя в исполнении ледовых фигур, и сразу – на всероссийском конкурсе, проходившем в Ханты-Мансийске. Собрался весь цвет страны – двадцать лучших команд резчиков по льду, для которых эти соревнования являлись лишь генеральной репетицией перед чемпионатом мира. Прекрасные мастера! Виталий наблюдал за их работой и восторгался – фантастика! Его ледовая фигура изображала ханты, закидывающего тынзян на хорей. Одна рука никак не хотела держаться в искромётном движении – не

хватало крепких сибирских морозов. Тогда Виталий нарастил её особым («строительным») способом, вставив руку клином в плечо фигуры. Лёд, хоть и хрупкий, но очень прочный материал (тогда Виталий впервые в этом убедился). Задумка не подвела, рука удержалась. В тот раз Горде присудили третье место...

А в 2006 году в международном конкурсе он занял уже первое место. Здесь членов жюри очаровала композиция из двух видов льда: белого и прозрачного. Его чайки в своём величественном великолепии «парили» над волнами. Конечно, ни одна фотография не передаёт красоты льда. Но то, что удалось сделать Виталию в тот год, врезалось в память, как одна из больших творческих удач. Причём в Петрозаводске, где художников по льду – масса! Вырвать победу у мастеров в таком городе – дорогостоящего стоит. А выслушать их признания – тем паче. Все судьи отдали предпочтение работе Горды. В подкрепление их правоты был выпущен календарь – «Мой город», обложку которого украшала ледовая скульптура сургутянина. Даже с высоты сегодняшнего мировоззрения это была единственная работа, которая понравилась самому Виталию, и, закончив которую, он сам себе сказал: «Да, действительно получилось!»

В 2008 году ему прислали анкету для внесения во Всемирную энциклопедию творчества художников всех времён и народов. Автор – искусствовед, оказывается, следила за творчеством Виталия Горды с первого буклета, выпущенного в Тюмени в 1977 году, и теперь посчитала его кандидатуру достойной быть увековеченной среди фамилий художников мирового масштаба. Разве Виталий мог предположить, что маленькая книжечка с краткой биографией и несколькими репродукциями его работ заинтересует составителя авторитетнейшей энциклопедии, выпускаемой для ведущих библиотек мира?!

Плакаты, пейзажи, натюрморты, портреты... линогравюры, знаки, эмблемы, гербы... лёд, песок, скульптура... На первый взгляд такая «вседоступность» может привести к распылению дарования. Но Горда считает, что именно таким образом он растёт, движется вперёд, обретая новые горизонты.

«Искусство – неуловимая вещь. Оно рождается из многих составляющих, возникает из чего-то непонятного, необъяснимого. Когда все компоненты, витающие, как пыль, в воздухе, вдруг оседают, притягиваются друг к другу, и сходятся в одном месте.

Получается некий синтез...»

Виталий Горда

Да, Горда – «многостаночник». Да, ему интересно всё! И в этом – соблазн. Заветная мечта – сделать скульптуру из бронзы. Он ещё не забыл, как в Харькове к 100-летию рождения Ленина сотворил монумент в бетоне. Теперь хочет создать нечто своё. Собирает бронзу, делает эскизы, рисунки. Всё это отложил до хороших времен. Кое-что уже получилось: по его эскизам отлита из чистого серебра статуэтка сороки, которую вручают журналистам, завоевавшим гран-при в ежегодном творческом конкурсе города и района. Лучшие региональные мастера пера всегда будут помнить имя её творца.

Только к концу жизни Виталий Николаевич смог себе позволить делать то, что хочет. И выражать свою мысль так, как считает нужным. Потому что профессионально для этого созрел.

Свой рабочий день он уплотнил, «утрамбовал» до предела. Сквозь повседневность прорывается за счёт сокращения сна. Понятие «отпуск» перестало существовать. Когда все спят, он активно творит. И... получает удовольствие. «Угнетение радостью...» – так определил это состояние.

В 2008 году впервые на весенней охоте Горда не сделал ни одного выстрела. Зато провёл фотосессию, которая по-новому раскрыла красоту сурового северного края. Природа ещё находилась в состоянии полудрёмы, весна лишь начинала делать робкие шаги по земле. Художнику очень сложно творить на ровном месте – однообразие пейзажа, скучность красок и растительности... А тут вдруг «взгляд на всё это проснулся». И стали привлекательными вспучившийся лёд на не вскрывшихся ещё озёрах, глубокий снег, блестящий бриллиантами под весенними солнечными лучами, коричневые прогалины земли с пожухлой прошлогодней травой... И над всем этим – роскошный закат в радужном сиянии ослепительно ярких, сочных от щедрот пробуждающейся природы красок. Или рассвет – робкий, осторожный, как женщина, уходящая в ночь...

До гусей ли тут было! Виталий удивился: как он раньше всего этого не замечал?! Ведь всё это уже было, было, было... И рассветы, и закаты, и тихие разговоры у ночного костра, и уха, бурлящая в котелке... Значит, душа настроилась... на новый способ постижения истин...

Такое придумать невозможно. Надо побывать на его «Гусевых» местах, чтобы, пережив восторженное состояние души, запечатлев очередной подарок судьбы, отразить всё это на полотне. Внутри пело и ликовало. Виталий понял: вот сейчас, сегодня он готов к отображению, может быть, самого главного в жизни. Музыку сердца подхватили пальцы и выплеснули на холст песню души.

Всё было просто. «Но почему раньше не мог выйти на этот уровень?» – задавал себе вопрос. Ведь на эти пейзажи он смотрел не один раз! И не один год! Не придавал значения строгому великолепию северной природы? И только получив результат, понял: оказывается, до всего нужно дозреть. Не просто смотреть, но – *увидеть!* А к этому надо быть готовым. И в продолжение сделал вывод: чем дальше идёт человек по пути своей зрелости, тем больше видит. Художник, пока его зрение го-

тово воспринимать действительность, будет стараться воссоздать своё понимание жизни.

В последней картине с гусиной охоты Виталию Горде удалось создать задуманное.

...С высоты 16-этажного дома, где под самой крышей оборудована в квартире единственная в округе личная мастерская семьи художников, прекрасно виден Сургут. Супруги Горды частенько выходят на балкон полюбоваться видами города, рекой, величаво несущей свои воды, горизонтом, над которым повисло небо... Им повезло. Уважительное отношение к их творчеству отразилось в весьма доказательном факте: администрация города помогла приобрести это помещение в новом доме. Теперь они с высоты птичьего полёта смотрят на город, который за все эти годы стал не только красивым, но и духовно богатым. И с их помощью тоже.

Искусство – это следы, которые творческие люди оставляют потомкам. Виталий вместе с женой Натальей оставляют добрые «следы» не только своими картинами, но и в людях, помогая им развивать художественный вкус, понимать истинную красоту, воплощать творческие замыслы на холсте. Потому их и называют Художниками с большой буквы.

2009 год

P. S.

Завершающие штрихи к портрету Художника я попросила сделать самых близких его людей при подготовке книги «Живая память». Она вышла в 2011 году.

Дочь Наталья

У меня были очень красивые родители. Красивые и, как мне всегда казалось, счастливые. Я никогда не слышала, чтобы они ругались, всегда видела людей, которым хорошо вместе, видела заботу и внимание друг к другу. У отца были великолепные вьющиеся волосы, и мама всегда с большой любовью укладывала их после душа.

А ещё это были люди, увлечённые своим делом, не безразличные к миру, в котором мы живём, и поэтому спешили в него нести светлое, доброе и прекрасное. Самое главное, что им это удалось.

К сожалению, втроём мы жили недолго. Во время моей учёбы в ин-

ституте родители разошлись... И мои воспоминания об отце делятся на «до» и очень-очень «после»...

В «до» я помню, как ложилась спать, а отец сидел за столом и работал – город был маленький, молодой и нуждался в ярких красках, самобытном выражении и просто в уюте, поэтому у талантливого художника было много работы.

Ещё я помню, как мы безумно уставали в поисках красок, кистей, мольбертов, наглядных пособий для детской художественной школы, которую создавала моя мама. Потом с огромным количеством этого багажа мы часами сидели в аэропортах в ожидании рейса – с билетами и погодой было особенно трудно. Но никто не роптал, даже я. Все понимали важность и необходимость конечной цели этих трудностей...

Очень-очень «после» началось, к сожалению, совсем недавно, пять лет назад, с рождением моей дочери – внучки отца... Они не так часто виделись, но общение их было весьма продуктивно. Будь то в бескомпромиссном споре, созданный вместе домик из конструктора, или немногословная прогулка в парке, или весёлое катание на плечах у деда – оба получали огромное удовольствие.

Несмотря на то что моя профессия не имеет отношения к искусству, отец всегда считал, что я могла бы стать очень успешной в этой области. Думаю, что Тома порадует дедушку в этом плане. По крайней мере отцу нравились её рисование и креативное мышление...

Сегодня мне очень не хватает отца. Особенно потому, что лишь совсем недавно мы стали понимать друг друга, слышать друг друга...

Сегодня и Томе очень не хватает дедушки...

Сын Артур

Любой отец в семье – пример для подражания у подрастающих детей. Мой папа – лучший пример! Сильный, умный, суровый и добрый, спортсмен и художник... все эти противоречивые свойства были присущи моему отцу. Он во всём был необычен. Художник с математическим складом ума. Внешне абсолютно спокойный человек, говоря о первой встрече с мамой, мог всплакнуть. Художник, перекидавший не одну тонну снега при температуре минус 40 градусов на снежных городках. Его так и называли – Терминатор, ибо молодые падали от усталости, а он работал... О его достоинствах можно говорить бесконечно. Ему не было равных в лесу – ходил он дальше, стрелял метче,

грибов находил больше. Отличный билльярдист. В настольный теннис, даже в 60 лет, обыгрывал 20-летних пацанов. Словом – везде первый!

В своей творческой деятельности был индивидуален, ни под кого «не косил».

Мудрый человек, добившийся всего в жизни своим трудом, никогда никого не подставил. Зависть – неведомое чувство в нашей семье.

Он общался со всеми на равных – с дворником и директором банка. Легко находил общий язык со школьниками и пенсионерами. С ним всегда было интересно разговаривать на любые темы, будь то музыка, история или спорт. Единственный человек, с которым я разговаривал о взаимоотношении полов.

Я благодарен папе не только как сыну, за прекрасную семью, нежное отношение к нам с сестрой и маме, но и как ученику, которому Учитель преподал уроки на охоте, за мольбертом и во многих жизненных ситуациях. Я благодарен ему как гражданину города Сургута, которому он подарил возможность учиться изобразительному искусству вне зависимости от возраста и трудовой деятельности.

В последнее время все говорят, что я стал похож на папу внешне. Меня это радует. Если и в жизни я добьюсь хотя бы десятой части того, чего он достиг, – буду счастлив! Он для меня идеал, к которому нужно стремиться.

Дочь Виктория

Глядя на папу и его жизнь, я всегда мечтала о том же. Любящая семья, дело, которому он был предан без остатка, интересные хобби. Лучший пример того, как нужно прожить жизнь. С самого детства папа прививал нам с братом любовь к искусству, учит терпению и трудолюбию, а главное – честности по жизни.

Как-то за праздничным столом друзья спросили у папы:

– Виталий, как ты всего добился? Отличная семья, любимая работа...

Он ответил:

– Я просто живу честно!

Так и нам внушали, что, обманывая кого-то мы прежде всего обманываем себя. Его строгость была в меру, папа никогда не навязывал своего мнения, но давал понять, что его опыт и есть ответ на все вопросы. Когда я начала учиться в художественной студии родителей, через полтора года поняла – мне это не надо. Вечером ко мне подошёл

papa и сказал, что искусство нужно каждому человеку, неважно, кем ты станешь, юристом или врачом, в тебе должно быть творческое начало.

В 2005 году я познакомилась со своим будущим мужем Валентином и увидела в нём папу. Те же манеры, спокойствие, мудрость, так не свойственная 17-летним парням, те же увлечения – спорт, билльярд, шахматы. Как оказалось позже, даже привычки у них одинаковые. Скоро я стану мамой, если будет сын, обязательно назовём его Виталием.

Мне очень не хватает папы. Прошёл почти год, а я до сих пор не могу поверить в то, что его нет. Мой главный учитель, друг и просто любимый папа!

Жена Наталья Евгеньевна

Страшно говорить в прошедшем времени о человеке, страстно любившем жизнь...

Виталий был для меня всем: лучшим другом, главным учителем, первым критиком, советчиком, любимым.

Имея характер абсолютного лидера, любое дело исполнял на «отлично». Гениальный художник и мыслитель, страстный охотник и билльярдист, утончённый романтик с неординарным чувством юмора, великий педагог, чуткий и внимательный муж и отец. Его любви и внимания хватало всем: семье, друзьям, ученикам, коллегам. В людях видел только хорошее. Ему было неведомо состояние депрессии и отчаяния, с ним было спокойно, уютно и бесконечно надёжно. Не знаю более яркого примера столь мужественного и достойного принятия жестоких ударов судьбы и нестерпимой физической боли, обрушившихся на него в последние месяцы жизни.

Я благодарна мужу и судьбе за каждый прожитый день яркой насыщенной и счастливой жизни, дарованной нам Господом в течение 28 лет.

Звёздный человек

— Осторожно, Екатерина Степановна, там высота тридцать метров над водой, — крикнул Валентин Фёдорович, видя, что я намереваюсь делать стенд-ап на самом краю недостроенного моста.

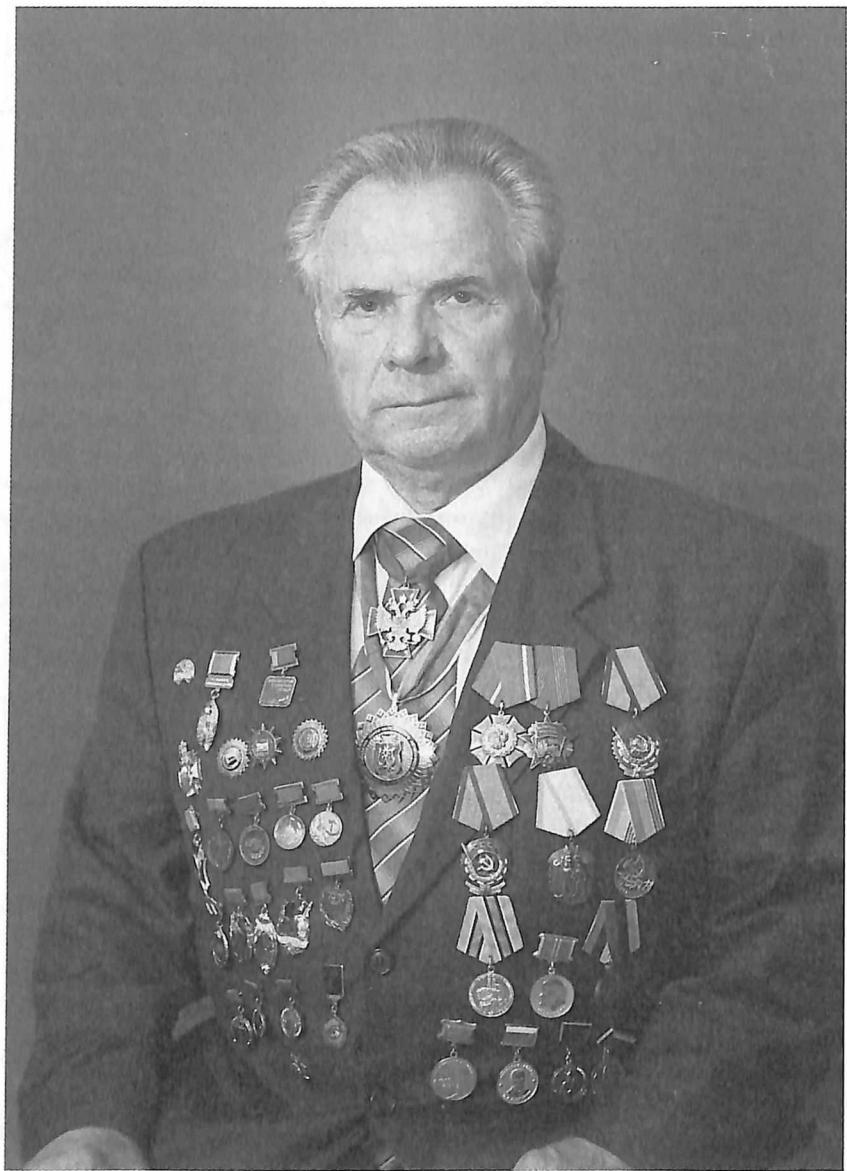
Мостовикам оставалось уложить последнюю плиту, и два берега многострадальной реки соединил наконец воздушное сооружение вантового «паучка» (так сразу прозвали автомобильный мост через Обь местные журналисты). Но мне очень хотелось показать всей стране эту замечательную картину в перспективе: двухкилометровый мост-красавец и на экране должен выглядеть уникальным объектом, по своим техническим параметрам превосходящий все мировые сооружения подобного типа, построенные к тому моменту на планете Земля. Он и сейчас, спустя несколько лет, остаётся непревзойдённым по длине вантового поля (того самого участка, который удерживается над водой толстыми железными прутьями).

Метрах в трёх я все же остановилась. И правда страшно. Даже голова закружилась. А как же здесь люди работают? Заметив моё замешательство, оператор поспешил на помощь.

— Не волнуйтесь, всё будет в лучшем виде и на более безопасном расстоянии.

То, что Валентин Солохин прекрасный специалист, знаю давно. Но когда приходится записывать его на телевидении, всякий раз убеждаюсь — это песня! Для души и для работы. Рассказчик он просто восхитительный! И речь свою строит очень грамотно, увлечённо, эмоционально, образно. Слушаешь — и радостно становится — с таким Человеком встретилась!

Валентин Фёдорович всегда аккуратно одет. Красивый, спортивный мужчина. Походка лёгкая, слегка торопливая. Взгляд пронзительный. Улыбается широко и открыто, любит пошутить. Его смех — заливистый, как у мальчишки. Несмотря на относительно небольшой рост, лично мне он кажется человеком высоким.

И дело тут не в физическом исчислении сантиметров от головы до пят. Просто высота полёта души этого человека, масштаб знаний, фантазии, мастерства, жизненного опыта возвышает его над многими усреднёнными вариантами людей с большими физическими преимуществами.

Тот репортаж со строительства моста через Обь оказался предпоследним, потому что буквально через несколько недель на всю страну и зарубежье объявили: объект завершён! Помню, людей на открытии было столько, что казалось, половина жителей города пришла полюбоваться на долгожданный красавец-мост. Ведь сколько лет все мучались, пользуясь переправой. Иногда приходилось терять в очереди на паром по двенадцать и более часов. К тому времени северяне уже имели огромное количество личного транспорта и могли позволить себе отправиться в отпуск на машине. Теперь то же расстояние преодолеваю за несколько минут. И всё это благодаря мостовикам, которыми многие годы руководил Валентин Фёдорович Солохин.

Факты биографии

Родился он в небольшом городке Троицке в Челябинской области, который находится в пятнадцати километрах от границы России с Казахстаном. Сейчас там расположена таможня. Но в советской стране как таковых границ между братскими республиками не существовало. Поэтому ребятишки бегали «за рубеж» и «снимали» там неплохие урожаи вишни. Это очень выручало в голодные военные и послевоенные годы. Жили вдвоём с матерью. Довольно бедно, едва концы с концами сводили. Весной 47-го Валентин тяжело заболел. Причиной стала добыча пропитания: как только сходил с полей снег, он отправлялся на картофельное поле и собирал прошлогоднюю картошку. Босиком... ибо других вариантов не было. Начался ревматизм в тяжёлой форме. Ноги распухли. Болезнь надолго приковала к постели.

В больнице оказалось много популярной литературы: по химии, астрономии, истории, спорту... Валентин читал всё подряд. И однажды наткнулся на описание своей болезни, где рекомендовалось активное занятие спортом. Там так и писали: при ревматическом пороке сердца не надо себя жалеть, следует тренироваться, работать над собой и можно стать даже чемпионом мира. Такая позиция понравилась юному Солохину. Он взял её на заметку.

Экзамены за восьмой и девятый класс сдавал в больничной палате. Приходили учителя, раскладывали веером билеты – выбирай... Учился Солохин всегда хорошо.

Узнав про тяжёлые обстоятельства, подруга матери из Караганды прислала письмо: приезжайте, здесь сказочная жизнь.

Приехали. По сравнению с Троицким новое место показалось райским уголком. Кроме государственных торговых точек, где по карточкам выдавали продукты, здесь имелись коммерческие магазины. Деньги есть – можно купить дополнительный паёк в виде булки хлеба. За два месяца Валентин поправился, несмотря на то, что школа располагалась далеко от дома. Каждый день приходилось преодолевать расстояние по семь километров туда и обратно. После перенесённой болезни сначала ходил медленно, превозмогая боль. К десятому классу окреп и понял: ходить пешком – это действительно здорово! К зиме стал чемпионом школы по лыжам, весной – чемпионом города по бегу на длинные дистанции. В июле по этому виду спорта равных ему уже не было во всей Карагандинской области. Школу окончил с медалью.

Будущую профессию Солохин выбрал давно – авиация: стать лётчиками мечтали тогда почти все мальчишки. Но даже школьная комиссия не оставила никаких надежд – с пороком сердца летать нельзя! Услышав такой приговор, Валентин два дня плакал... в степи, чтобы мать не видела. Она говорила: сыночек, выучись на начальника железнодорожной станции, посмотри, какие они все красивые ходят... Мечты рухнули как карточный домик.

Учёба «на начальника»

Раз нельзя летать, решил стать конструктором и поступить в Казанский авиастроительный институт. Но буквально перед экзаменами в школу пришли два парня – бывшие выпускники. Выглядели они прекрасно, как царские юнкера, – в добротной форме, в офицерских шинелях... Как потом выяснилось, это были слушатели третьего курса Новосибирского института военных инженеров. Будущие абитуриенты заинтересовались незнакомым учебным заведением, где носят такую красивую форму. Валентина привлёк факультет «Мосты и тоннели». Туда он и поступил, несмотря на большой конкурс.

Валентин Фёдорович и сейчас уверен: лучшего института в мире не было и нет! Студенты находились на полном государственном обеспечении, их одевали с ног до головы, форму сшили по заранее

снятым меркам. Выдавали всё, кроме носовых платков. Вплоть до нижнего белья. Институт был организован в 1929 году в связи с конфликтом на КВЖД, когда в срочном порядке потребовалась военные инженеры. Абитуриенты проходили тщательный отбор. Экзамены принимала особая комиссия, в которую входили генералы, полковники. «Прошупывали» каждого с предельной строгостью.

У Солохина к тому времени насчитывалось уже три спортивных чемпионских значка: по лыжам, бегу и стрельбе. Обратив внимание на этот «иконостас», декан факультета спросил:

– Я вижу, у вас значков много. Вы учиться будете или спортом заниматься?

– Только учиться! – испугался Валентин.

– Нет-нет, – взразил декан, – и спортом занимайтесь, и учитесь. Всё должно быть в меру.

В Новосибирском институте военных инженеров Солохин понял, что такое «великое братство». Пять с половиной лет пролетели быстро. Жили очень дружно. Военная дисциплина. Утром и вечером поверка. Подъём и отбой – по расписанию. Распорядок дня – неукоснительный. На завтрак, в институт – ходили строем. Пропуск занятий не допускался. Днём можно было погулять. Но в 23.00 – вечерняя поверка, опаздывать нельзя.

Студенты участвовали в парадах Новосибирского гарнизона, поэтому подготовка к ним проходила как в армии. Летом выезжали в военные лагеря. На торжественных открытиях и закрытиях лагерей будущим военным инженерам равных ни в чём не было.

Преподаватели – кадровые офицеры царских и советских времён. Седовласые, пожилые, интеллигентные. Они не только муштровали студентов, но и воспитывали любовь к искусству. Здесь Валентин приобщился к театру, о котором большинство ребят, прибывших из провинции, не имели представления. Первое коллективное прослушивание оперы «Евгений Онегин» восприняли как пустую трата времени. Что поют, зачем поют, как можно так долго петь, умирая? Словом, не поняли ни оперы, ни балета. О либретто вообще никто не имел понятия. Но офицеры не отступали. Посещения театра стали регулярными. Постепенно будущие инженеры полюбили и оперу, и балет, и театральные постановки. Ходили с удовольствием. Особенно Валентину понравилась «Пиковая дама». За время учёбы он слушал её одиннадцать раз!

Учили кадровые офицеры своих студентов и тому, как относиться к женщинам, как ухаживать за девушками, как танцевать... Их галантности завидовали студенты других вузов.

«Великое братство» и сейчас живо. Бывшие выпускники встречаются регулярно, каждые пять лет. Правда, из сорока шести их осталось девятнадцать. Большинство живёт в нищете. Перед каждой встречей состоятельные пенсионеры вскладчину обеспечивают проезд неимущим бывшим соурсникам.

Забегая вперед, скажу: в Новосибирском институте военных инженеров Валентина Фёдоровича считают своей гордостью. Наряду с Якобсоном, который строил Крымский мост в Москве, и Кондаковым, прослужившим 22 года ректором этого уникального учебного заведения, в университете есть персональная аудитория – «имени Солохина».

За три месяца до получения диплома всем выпускникам выдали новенькую форму и деньги. В этой форме он и прибыл к месту своей первой работы. Из трёх предложенных городов – Красноярск, Новосибирск, Новокузнецк – выбрал последний.

Производство и руководство

После института Солохин сразу попал на строительство большого городского моста через Томь. Вообще через эту реку в разных должностях (мастер, прораб, старший прораб, начальник технического отдела) он принимал участие в строительстве пяти мостов: трёх железнодорожных и двух автомобильных. Одно слово – Кузбасс, масштабы огромные. Здесь он понял, какой крутой нрав бывает у рек, как не прощают они малейшего промаха.

Первый урок Томь преподала 1 мая. Накануне, уходя домой, Солохин по привычке проверил уровень воды: река мирно плескалась далеко внизу. В два часа ночи его разбудил громкий стук в дверь.

– Валентин Фёдорович! Наводнение!

Ничего не понимая, вскочил с кровати и... оказался в воде. За четыре часа уровень реки поднялся на четыре метра! Все дома, конечно же, затопило, жители перебрались на крыши. Там и прожили месяц. На следующий год к таким катаклизмам подготовились заранее. Неожиданностей не произошло.

Валентин Фёдорович всегда стремился работать по высшему разряду. Его не привлекала позиция «середнячков». Какие бы мосты ни строил, на каком бы объекте ни работал. При этом вполне реально оценивал

собственные силы. Когда его перевели на Ачинск-Абалаково, который стоит на Енисее, буквально через год перспективному инженеру стали предлагать должность начальника мостопоезда.

– Не могу принять ваше предложение. Я ещё не готов! – честно признался управляющему трестом. – К тому же уезжаю в отпуск, билеты купил, и мать едет со мной.

– Какой отпуск?! Какая мать! Езжай в Новокузнецк, принимай подразделение!

– Не поеду! – упрямко подтвердил своё отношение к назначению. – Для такой должности надо ещё дорасты.

– Тогда всю жизнь просидишь в главных инженерах! – пригрозил управляющий.

– Знаете, я ещё в студенческие годы хотел дослужиться до начальника техотдела, – ответил с улыбкой Валентин Фёдорович.

Он не лукавил. Перед окончанием института ребята обсуждали, кто каких высот хочет достичь на производстве. Одни называли должность начальника треста, другие мечтали о месте главного инженера. Валентин Солохин выбрал весьма скромную, но, на его взгляд, очень важную в мостостроении должность – начальника техотдела.

– Вот и прекрасно! Будешь сидеть у меня начальником технического отдела. До пенсии!!!

Но даже эта угроза не остановила упрямого специалиста. Хотя через год Солохина всё же направили в Новокузнецк. Начальником. Самого отстающего мостопоезда – № 420. В отместку за непослушание... Только не в его характере плестьись в хвосте. Через год подразделение, в котором до него сменилось четыре руководителя, вышло на второе место. Валентин Фёдорович поставил новую цель: возглавить список соревнующихся. Именно тогда почувствовал, что в нём просыпается ранее скрытое честолюбие. Так хотелось быть первым!

Но лидерства так и не достиг. В декабре 1965 года пришла телеграмма: «Немедленно готовьте коллектив к передислокации в Тобольск для строительства моста через Иртыш и мостов на железнодорожной магистрали Тюмень – Сургут».

На сборы дали сутки. Выбора не оставалось, приказ есть приказ (этую фразу в своей жизни он повторял неоднократно). Валентин Фёдорович не надеялся, что кто-то из подчинённых пожелает поехать с ним на север. Ведь люди знали его чуть больше года. К тому же молодой, всего-то «слегка за тридцать». Как же он удивился, когда

все согласились передислоцироваться вместе с ним в Тюменскую область! С тех пор эти специалисты не покидали Солохина. От него уходили только на пенсию.

Тобольские эксперименты

Впервые название «Железная дорога Тюмень – Тобольск – Сургут» появилось в постановлении Совета Министров СССР в декабре 1963 года. В документе говорилось об организации подготовительных работ по освоению открытых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведки в Западной Сибири. К началу 1964 года Совету Министров СССР надлежало предоставить в Госплан (имелась в советские времена такая весьма надёжная структура) предложения по строительству железной дороги. Новую магистраль вписали в директивы XXIII съезда партии по пятилетнему плану 1966–1970 годов. Подразделению Солохина предстояло возвести три больших моста, не считая сооружений на малых водных преградах.

Западная Сибирь не скучилась на сюрпризы. Первая проверка на прочность состоялась на строительстве моста через Иртыш под Тобольском. Понимая всю значимость для страны новой железной дороги, руководство области уделяло ей огромное внимание. Мостовиков встретили приветливо, своевременно отвели территории, необходимые под базу и жилой посёлок для строителей. Только проект самого моста ещё не был готов.

В один из августовских дней настройку приехал секретарь Тобольского горкома партии Старцев. Прошёл, посмотрел. Ему понравился размах строительства, увидел собственными глазами, что каждый занят делом, работа кипит: на пилораме, на бетонорасторвном узле, дома поднимаются... А на самой реке – затишье.

– Всё хорошо, – оценил ситуацию секретарь горкома, – но план-то не выполняешь! Придётся на бюро вызывать.

– Юрий Павлович, – обратился Солохин к начальству, – а вы не приглашайте меня на бюро. И вообще не назначайте бюро по вопросу строительства моста.

– Как я это объясню членам бюро? Ты ж понимаешь, вопрос серьёзный.

– Очень просто. Мы начнём работы на реке, как только появится проект. А сейчас квалифицированные монтажники и клёпальщики вынуждены заниматься не свойственной работой: строить дома, вре-

мянки, котельную... Они не виноваты в том, что проектный институт задерживает выдачу документации. Но я вам обещаю: со следующего года все победные знамёна будут наши.

Поразительно, но секретарь Тобольского горкома КПСС поверил Солохину. На бюро этот вопрос не вынесли. План 1966 года мостовики «с треском» провалили. Зато, как Солохин и обещал, со следующего года все городские знамёна вручали только руководителю Мостоотряда.

—На Иртыше пришлось всё новое внедрять, — рассказывал Валентин Фёдорович, — ведь строительством мостов на севере в то время ещё не занимались. Дело абсолютно не изученное. Для того чтобы сделать основание моста, в глубину прошли до сорока метров! Далее применяли высокопрочные болты в пролётах, какие в бывшем Союзе использовали однажды только в Средней Азии, где очень тепло и сухо. А тут — морозы и дожди. Эти узлы пролётного строения пришлось укрывать тряпками, иначе они заржавели бы. У нас хорошие клёпальщики были. Сейчас другие технологии, и эта профессия за ненадобностью выпала из обязательного списка специалистов-мостостроителей. В те же годы это были необходимые мастера. На монтаже требовалась физически сильные люди. Представьте, динамометрический ключ семнадцать кг весил! Вот и монтируй...

Ситуация осложнялась постоянным контролем. На стройку приезжали комиссии из Москвы, из проектного и научно-исследовательского институтов. Боже упаси, если что-то нарушено! Но всё-таки главным для Солохина оставался самоконтроль.

Валентин Фёдорович в числе любимых для него объектов назвал прежде всего мост через Иртыш. И знаете почему? Там никто среди его работников не погиб. Бывало, конечно, срывались, падали в реку, но обходилось без жертв. Ведь контингент не всегда соответствовал запросам. Рабочих рук катастрофически не хватало. Приходилось по настоянию горкома партии и министерств брать в штат даже зэков. И однажды они в запале сбросили в Иртыш своего бригадира.

— Он 24 метра летел с моста, — продолжает рассказ Солохин. — Хорошо, рядом катер оказался — вытащили. А вечером приходит ко мне пьянейший «герой» этот: «Простите меня...» Я говорю: «Николай Петрович, спасибо вам большое, что вы живы остались!» Потом про

него в «Строительной газете» написали большую статью «Прыжок в Иртыш», и портрет Николая Петровича Крестьянникова поместили. Мне, конечно, попало за эту публикацию, но благодаря ей наш бригадир нашёл свою семью, потерявшуюся во время войны.

Железнодорожный участок от областного центра до Тобольска пустили в эксплуатацию раньше запланированного срока. Первый поезд, преодолев 222 километровый путь, пришёл в город на Иртыше 29 марта 1969 года. За своевременную и качественную работу (вместо пяти лет на строительство моста ушло всего два года и восемь месяцев!) коллектив стал лауреатом премии Совета Министров СССР, а Валентину Фёдоровичу вручили орден Красного Знамени.

Не зря секретарь горкома КПСС Юрий Павлович Старцев отмечал нападки на руководителя мостостроителей в непростой для него период. Некоторые члены бюро тогда настаивали на наказании «нерадивого» начальника Мостоотряда. Но Старцев поверил в Солохина и не ошибся. На отчётно-выборной партийной конференции Валентина Фёдоровича избрали членом горкома КПСС.

— Так он же через два месяца уедет! — выкрикнул кто-то с места.

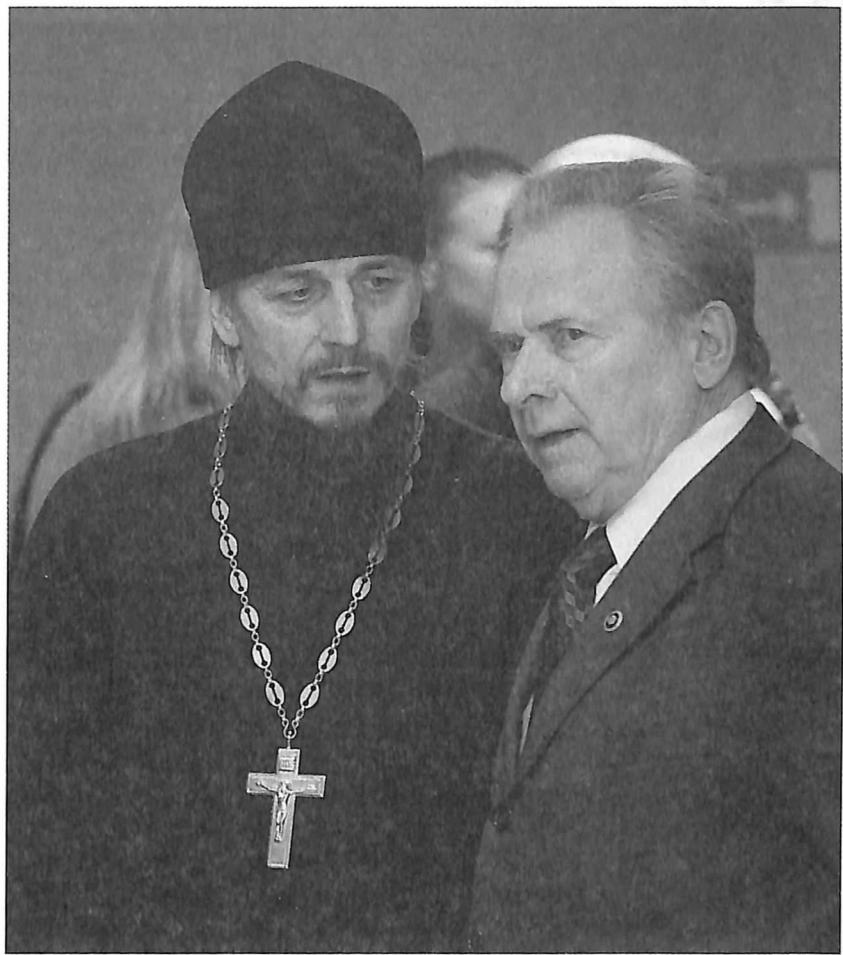
— Мы хотим, чтобы Солохин уехал от нас членом Тобольского горкома партии! — парировал Старцев.

Валентин Фёдорович испытал тогда великую гордость за такое доверие.

Сибирские страдания

Мостопоезд быстро перерос в более крупное и сильное подразделение — Мостоотряд. В то время в стране их насчитывалось всего четырнадцать. Руководили ими, как правило, люди военные — полковники и даже генералы. Солохин особых чинов не имел, однако руководил не менее круто.

После Тобольска коллектив высадился на Юганской Оби. Начались подготовительные работы к очередному большому строительству — внеклассных железнодорожных мостов через Юганскую и коренную Обь, а также больших, средних и малых мостов от Салыма до Сургута на реках: Большой и Малый Балык, Салым, Аган, Тром-Аган... Больше ста мостов построили на территориях Нефтеюганского, Сургутского и Нижневартовского районов! Но главным объектом на тот период оставался железнодорожный мост через Юганскую Обь.

Стоял жутко холодный май. Строители не знали выходных. В одно из воскресений в столовую к мостовикам пришёл абориген Ефим. Забежал сюда погреться и управляющий трестом Валентин Солохин.

— Мне два стакана горячего чаю, — попросил девчат.

Ефим сидел за столом один. Подошёл:

— Ты Солохин?

— Да.

Трассовики Ефима знали. Он неоднократно выражал строителям своё недовольство по поводу загубленных родовых угодий.

— У меня к тебе серьёзный разговор. — Подсел к столу. — Ты зачем сюда пришёл, кто тебя звал? — сразу пошёл в атаку.

— Как кто? Партия и правительство послали.

— Причём тут партия и правительство? Здесь моя земля!

— Ефим, твоя земля богата, здесь нефть и газ, их надо добывать. Тебе жалко, что ли?

— Да! Понаехали, речки попортили, зверей и птиц испугали, хоть с угодий уходи.

Честно признаться, варварски тогда с сибирской землей и природой обращались. Не считались с интересами ханты и манси. Слишком спешили освоить подземные кладовые. Валентин Фёдорович попытался убедить Ефима в необходимости масштабного освоения территории, всё своё красноречие применил. Тому надоело слушать, закончил разговор предупреждением:

— Ладно, живи, работай, строй. Только одно хочу тебе сказать: с мостом у тебя ничего не выйдет. Моя река не позволит издеваться над собой.

— Ефим, ты уж нам доверься, мы всё-таки профессионалы, не такие объекты строили.

— Ну, посмотришь...

И правда. Посмотрели...

Характера северных рек никто не знал. Уже на юганском мосту пришлось убедиться: не всё так просто. Когда впервые выехали на опору, глубина оказалась восемь метров. Зиму работали успешно. Все шло по плану, а осенью обнаружили размыт. Шпунт подмыло, стеки ограждения обрушились. Промерили глубину — двадцать метров! Сбылись пророчества Ефима. Самоуверенность была наказана. Приехала комиссия, убедилась, что Солохин на свой страх и риск в два раза усилил шпунтовые ограждения. Не спасло. Поэтому все претензии предъявили к проектировщикам. Переполох выдался страшный, ведь уже полным ходом шло проектирование моста через Обь. Значит, предстояло учесть все неприятные нюансы.

На следующий год забили новый шпунт, да на такую глубину, чтобы исключить всяческие прорывы. Поняли: хитростей там не так уж и много. Главным оказалось не просчитаться с глубиной, и принять меры для своевременной откачки воды. И всё-таки река не сдавалась. Время от времени она преподносila то один, то другой сюрприз. На всякий случай Солохин держал в котлованах огромные лестницы, которые закрепили за каждой бригадой. Его предусмотрительность оправдалась.

Все дни руководитель пропадал на стройке. Даже на обед не ходил, хотя дом находился недалеко от моста. Еду приносила дочь шестиклассница. В тот день она тоже прибежала с авоськой. Отца нашла на дне котлована. Не успели выложить еду, произошёл прорыв. Вода поднималась с бешенством. Мостовики бросились к лестницам, устремились наверх. Солохин схватил дочь на руки. Ребёнок со страхом наблюдал, как вода приближается к ногам.

– Папа, а мы с тобой как же?!

– Запомни, дочка, раз и навсегда: капитаны уходят последними. Когда все люди уйдут, тогда и мы поднимемся.

– Валентин Фёдорович, – услышал крик бригадира, – дочку-то хоть дайте!

Не стал искушать судьбу. Передал девочку на лестницу. А сам остался.

Так последним и поднялся наверх.

Бурая вода быстро заполнила котлован. Пришлось делать мощные «пластыри», укреплять основания. «Пластыри» – это натяжные куски брезента, которыми закрывали прорывы. Позднее стали применять другой способ: вокруг образовавшейся дыры забивали шпунт (металлические конструкции) и заливали бетоном. В течение нескольких дней бетон схватывался, и прочность не подлежала сомнению. Этот способ лёг в основу строительства железнодорожного моста через Обь.

А дочка позднее написала «Балладу»:

Задумывался Мост

О радуге и снеге,

О ветре ледяном,

О тёмной глубине.

Задумывался Мост

О птицах в синем небе,

О людях на своей

Натруженной спине.

Задумывался Мост

О грустном и весёлом,

О судьбах городов,

О веке золотом.

*Задумывался Мост
Частенько о высоком...
Иначе, господа,
Он не был бы Мостом.*

*Задумывался Мост,
Под вечер утомлённый:
«Куда они бегут?
Зачем они спешат?»
Задумывался Мост:
«Я – неодушевлённый.
Так что же так болит
Моя душа?»*

*Задумывался Мост...
Полуденно и нощно,
Мечтал о небесах,
Считал года и дни.
Задумывался Мост...
Что совершенно точно,
Задумывался Мост
Хорошими людьми!*

Жизнь учила жестоко...

4 декабря 1968 года Валентин Фёдорович запомнил на всю жизнь. К сибирским морозам ещё не привык, а тут – минус 48 градусов! Он давно взял себе за правило: перед тем как вернуться домой, обязательно сходить на мост, посмотреть на результаты рабочего дня. Мороз подгонял, от конторы объект находился недалеко. Поднялся на опору – и... даже в испарину бросило. Понял: вот-вот мост рухнет. Дело в том, что при разнице температур металл деформируется. Монтаж начинали в сентябре при плюсовой температуре, а тут – минус 48!

Для справки: сталь зимой на каждые 100 метров укорачивается на три сантиметра. Летом – на столько же удлиняется. Любой просчёт непременно приведёт к аварии. Технология строительства с учётом этих свойств металла существует давно, использовалась ещё до Октябрьской революции.

Солохин поднял сварщиков, главных специалистов. В спешном порядке стали «подклинивать» и резать анкер, на котором держалась плесть собранных пролётных строений, не давая ей свободно скользить по опорам. Работали всю ночь. Мороз к утру усилился, столбик термометра опустился ниже 52 градусов. Сделали! И только тогда Солохин по-настоящему испугался. Ведь если бы вовремя не приняли мер, всё бы рухнуло: горы металла, мост, карьера, всё кончилось бы для него в одночасье. Никаких оправданий в виде неожиданностей сибирской природы и погоды никто бы просто и слушать не стал. Такой позор на всё министерство, на всю страну – не простили бы. Обошлось...

Не только зима преподносila сюрпризы. На строительстве автодорожного моста через Обь, казалось, всё рассчитали чётко: прогиб при надвижке – 4,5 метра. Вышли на следующую опору в июле. Выдался жаркий день. И вдруг увидели: прогиб – шесть метров!

– *Мы в панике! Что делать?* – волнуясь, рассказывает Валентин Фёдорович. – Звоним проектировщикам. Они: «Что вы паникуете, какая температура верхнего пояса металла?» Отвечаем: «+60». Они: «А низ?». 24 градуса, говорим. Успокоили: «Вот поэтому верх удлинился больше, а низ – гораздо меньше. Ночью всё выпрямится». Подождали. Действительно, сантиметр за сантиметром всё выпрямилось.

Вообще многие работы мы выполняли только ночью, потому что утром солнце с Белого Яра мешало. Пилоны тоже монтировали ночью. Четыре утра – самое оптимальное время, когда нет большой разницы температур, всё стабилизировалось. Но чаще начинали монтаж после двух ночи.

Обуздать сильную своенравную реку, соединить берега, протянув железобетонный путь над бездной, не каждому дано. Мосты – это такая... хитромудрая конструкция, требующая огромных знаний, мастерства, смелости и мужества многих сотен людей. Поэтому «мостовик» –

не просто «начальник над стихией», но мудрый её руководитель. И победитель.

Профессиональные мостостроители – «многостаночники». Они могут возводить не только мосты, но и кирпичные благоустроенные дома, заводы, дороги, речные порты (что и делали раньше при необходимости). За что ни брались, всё у них получалось. Именно в этом проявлялся высокий уровень знаний. Их так учили. И ответственность профессии – тоже высокая, ибо за малейшие просчёты следует наказание... рекой. Часто очень суворое.

– С опорой никогда не следует говорить на «ты», – убеждён Солохин. – Ей нужно всегда говорить «Вы». В моей Западно-Сибирской практике на каждом мосту была своя «несчастная» опора, которой неосторожно сказал «ты». Вот она и мстила. Причём страшно мстила! А когда с ней обращаешься на «Вы», да ещё предусмотрительно все необходимые меры принял, она будет строиться быстро и сюрпризов не преподнесёт.

Когда-то подразделения мостостроителей имели мощную водолазную станцию. Водолазы находились на особом счету. Они проверяли качество заливки бетона,стыки при необходимости, когда происходил прорыв в шпунте, помогали его ликвидировать.

– Хорошие ребята были, – вспоминает Валентин Фёдорович. – Они обследовали всё под водой, указывали, где не снят грунт. Мы этот грунт снимаем эрлифтом под водой, даём подводный бетон по тру-

бам, создаём мощную бетонную подушку,ждём несколько дней, чтобы бетон набрал прочность. Откачиваемся. Если в шпунте всё хорошо (вот как в этой комнате условия), наращиваем опору. Такая технология. Очень сложная.

«Мостострой-11» из-за потрясающей производительности окрестили «сумасшедшим трестом». Его коллектив работал так быстро, что на каждом объекте сокращал нормативные сроки. Иногда почти вдвое. И, заметьте, качество при этом не страдало.

Параллельно со строительством обского моста работали на Нижневартовском направлении. Когда там отмечали 30-летие открытия движения поездов, Валентин Фёдорович увидел на мемориальной доске и свою фамилию.

...Едва закончили восточное направление, сразу получили задание идти на Уренгой.

– От Ульт-Ягуна до Уренгоя построили около шестисот различных мостов, – рассказывает Валентин Фёдорович. – А дальше – на Ямбург. Так и дошли до Карского моря. По километражу это расстояние равно половине БАМа. Только о нас никто так не шумел в прессе, как про Байкало-Амурскую магистраль. Пока Борис Полевой приезжал сюда, он писал о комсомольской ударной стройке в журнале «Юность». Потом про нас забыли. В Уренгое пришлось срочно осваивать строительство мостов в условиях вечной мерзлоты. И вдруг грянул гром: Минтрансстрой поручил нашему тресту строительство завода железобетонных конструкций в Сургуте.

Не хотел Валентин Фёдорович заниматься строительством заводов. Подал заявление: «Прошу уволить или перевести меня в другое место, так как я – мостовик, а не строитель широкого профиля». Вслед за этим последовал срочный вызов в Москву.

– Я думал, ты посильнее, Солохин, – сказал с упрёком министр Иван Дмитриевич Соснов. – Перед каким-то заводом спасовал! А ведь я это специально сделал. Видишь ли, возведением заводов занимаются только общестроительные тресты, и никто из них ни один завод вовремя не ввёл в эксплуатацию. Вот я и хочу посмотреть, справятся ли с этой задачей мостовики. Может, и правда сроки нереальные?

Оказалось, реальные. Солохин и его команда доказали это делом. После чего строительство заводов железобетонных конструкций начали поручать мостовикам.

Для справки: специалисты разделяют мосты на малые, средние, большие и внеклассные (очень большие). Валентину Фёдоровичу повезло: на его счету 23 внеклассных моста, свыше 200 – больших, за тысячу – средних и более семи тысяч – малых.

Многие даты живут в великолепной памяти Солохина. Но об одной из них следует сказать особо: 5 августа 1975 года. Это день, когда первый поезд пришёл в Сургут.

– Что творилось здесь – не пересказать! Этот праздник можно сравнить разве что с полётом в космос Юрия Гагарина или Днём Победы! – глаза Валентина Фёдоровича блестят от волнения. В них словно отражается радость тех исторических мгновений. – Кажется все, кто мог стоять на ногах, пришли встречать первый поезд! Приехали гости из округа, из области, из Москвы! Вот такое значение придавалось железной дороге, в строительстве которой мы, мостостроители, принимали непосредственное участие. Некоторые даже плакали...

Почти десять лет труда вложили в железнодорожную магистраль Тобольск – Сургут железнодорожные строители и мостостроители. То были удивительные годы, переполненные великим напряжением, потерями и приобретениями, победами над собой и над временем. Ведь каждый из трёх крупнейших мостов на этом пути коллектив треста «Мостострой-11» сдавал в эксплуатацию досрочно. Каждый! На митинге, состоявшемся в честь знаменательного события, естественно, говорили и о мостостроителях, отдав дань уважения их труду, мужеству, упорству.

Принципиальная позиция

– Мост в районе Сургута начинали строить с палаток, жили в вагончиках по шесть человек, – рассказывает Валентин Фёдорович, – у нас всегда было много простого, примитивного временного жилья, которое нас спасало. Постоянное нам не доверяли строить, считали, что отвлекать мостовиков не стоит. Пусть занимаются своим делом. Считаю, это глупо.

Валентин Фёдорович решил сломать «железную систему», сложившуюся в министерстве. За четыре года его работы управляющим трестом «Мостострой-11» не получил ни одной квартиры. Однажды Солохина

вызывали к себе председатель горисполкома Олег Данилович Марчук и секретарь горкома партии Александр Владимирович Чинчевич.

– Хватит мучиться в своей «деревяшке», – начали они разговор. – Есть выбор – переезжай в Сургут из своего Мостоотряда. Выбирай себе любую квартиру.

– Я никогда не пойду на это! – возмутился Солохин. – Как в глаза народу смотреть буду? Сейчас я позову за собой, и ребята пойдут! Поскольку бытуем на равных. А если сделаю по-вашему, как буду с ними разговаривать?

– Ты ставишь нас в неловкое положение. Даже начальникам строительного управления мы сразу даём квартиру, а тут управляющий трестом живёт во временном жилье! – настаивал Олег Данилович.

– Вы лучше дайте участок под застройку дома для мостовиков.

Убедил. Участок выделили на берегу реки Сайма. Но тут, как в сказке: «А Баба-яга против!» – с возражением выступил министр: «Пусть «Тюменьстройпуть» занимается строительством жилья!»

– Да не построят они ничего! И без того не успевают за нуждами путейцев! – возразил горячо.

– Вопрос решён!

– Тогда мне что, Иван Дмитриевич, уходить или стреляться?

Поясню. Дело в том, что выпускники факультета «Мосты и тоннели» – люди военные – договорились: в случае безвыходных ситуаций не вешаться, не топиться. А только стреляться. Валентин Фёдорович посчитал, что форс-мажор наступил. Министр знал об этой договорённости, потому что к тому моменту уже двое специалистов мостовиков действительно застрелились из-за каких-то сложных жизненных коллизий.

– Что значит стреляться?! – возмутился министр. – Ты давай мосты строй! А не квартиры...

– Что людям сказать?

– ...Справишься? – Иван Дмитриевич недоверчиво посмотрел на подчинённого.

– Не с такими делами справлялся! – чувствуя, что министр сдаётся, обрадовался Солохин.

– Действуй!

Так в Сургуте появился ещё один многоэтажный дом на 270 квартир. С конторой треста на первом этаже.

– *От страха всегда работает лучше*, – признаётся, улыбаясь,

Валентин Фёдорович. – Когда мы дом построили, приехала делегация посмотреть, да и другим показать, какой неумехи-мостовики построили себе дом. Убедились: лучше всех других – дом у мостовиков! Ну а дальше пошло как из рога изобилия: здесь построили шесть домов, в Тобольске – пять, в Тюмени – три, в Нижневартовске четыре... По 500 квартир вводили на разных территориях. До самой перестройки.

В числе первых, перебравшись из времянок, новоселье в новом доме спровоцировали ветераны-пенсионеры, инвалиды, специалисты, а также работающие в тресте «афганцы», которым помимо ключей от квартиры вручили и ключи от автомобилей. Валентин Фёдорович из поселка мостовиков Барсово, как и обещал, переселился в Сургут последним.

Тобольский «Заяц»

В марте 1986 года после ответственного министерского совещания с привлечением главных специалистов области второй секретарь Тюменского обкома КПСС Григорий Михайлович Голощапов тихо подсказал Солохину в уренгойском аэропорту:

– Иди садись, а то места не хватит.

Валентин Фёдорович не заставил себя уговаривать. Быстро прошёл в самолёт, притаился в хвосте. Увидев его, Борис Евдокимович Щербина, заместитель председателя Совета Министров СССР, спросил:

– Это что за «заяц» здесь сидит?

– «Тобольский заяц», – признался Солохин.

– Ну-ка, пройди в мой салон.

Делать нечего. Подчинился. Вспомнили Тобольск, Иртыш, куда Борис Евдокимович неоднократно приезжал, постоянно вникая в проблемы. Диалог шёл конкретный и конструктивный – о делах, о строительстве. Выслушав руководителя мостостроителей, Щербина сказал:

– Я в тебя верил всегда. Молодец!

Разговор в самолёте плавно перешёл на другие темы. И тогда Валентин Фёдорович совершенно неожиданно для высокопоставленного лица вдруг выпалил:

– Борис Евдокимович, когда вы прекратите безобразие в Тюменской области? Этот жуткий парадокс! Вся область рассечена надвое рекой Обь. С ранней весны и до поздней осени люди часами мучаются в очереди, переезжая её на паромах. Зимой ждут крепких морозов, иногда, не дождавшись, вынужденные обстоятельствами, машины переезжают

реку по тонкому льду, который их не выдерживает. Техника идёт на дно, люди гибнут. До каких же пор всё это будет продолжаться?! И о каком повышении производительности труда может идти речь при сложившейся ситуации? Ведь такие большие перспективы здесь! Столько средств затрачивается и такое бесхозяйственное отношение!..

Щербина понял крик души неравнодушного человека. Посмотрел внимательно на Солохина и после некоторого раздумья спросил:

— Тебе ж пятьдесят миллионов надо? Не меньше.

— Вы правильно назвали цифру, всего лишь пятьдесят! Но ведь в этом году государство вкладывает в область восемь миллиардов двести миллионов рублей. И только пятьдесят миллионов из них мы просим на строительство автомобильного моста через Обь...

— Хорошо. Ты меня убедил, — согласился Щербина. — В конце апреля, — протянул визитку, — свяжись по этому номеру с моим помощником. Я тебя приму. К этому времени составь докладную записку, и мы это дело раскрутим.

Валентин Фёдорович приехал в Москву в назначенный срок. А утром в гостинице услышал страшную весть: на Чернобыльской атомной станции катастрофа...

«Вот и конец, Солохин, твоим мостам», — подумалось сразу. Он знал, что Щербина отвечает за энергетику. Значит, непременно поедет на Украину. В самое пекло. И не ошибся. А вскоре зампредседателя Совмина СССР умер. После этого всё затихло. О строительстве автомобильного моста в Сибири никто не хотел слушать. Набирала силу перестройка. Экономика стремительно начала разваливаться. Солохин затаился. Он, как охотник с ружьём в складке, выжидал своего часа. Ни минуты не сомневался, что час этот всё равно придёт. И мост через Обь построит коллектив именно его треста.

Начало суровых перемен

Наступившие девяностые годы шокировали эйфорией свободы. Она захлестнула умы, развязала языки. Как при размыве, прорвавшаяся сквозь шпунт река, подняла со дна сознания всю муть и вынесла её на поверхность. Всё построенное сломали и затопили в этой грязной воде. Началось разложение и гниение... О последствиях никто не задумывался. Не минула сия чаша и подразделения мостостроителей. Четыре отряда решили отделиться от треста, не захотев и далее «кормить» административных чиновников.

Для справки: в акционерном обществе «Мостострой-11» тогда работало семь тысяч человек. Управленческий аппарат – всего 32 единицы!

Солохина больше всего потрясла одна фраза: «Хватит кормить этих иждивенцев!» Он даже слегка растерялся. Но затем взял себя в руки. Вызвал бригадиров, поговорил. Решили собрать общую конференцию сначала в одном отряде. Первым выступал начальник. Говорил он долго и нудно. Вся его речь сводилась к тому, что надоело кормить «бездельников» – специалистов «бюрократического» аппарата. А того, что в мире нет фирмы с таким ничтожно малым количеством управляемцев, он просто не предполагал. И какой объём работ выполняют эти люди, обладая знаниями, опытом и умением, признать не хотел.

Наконец терпение у присутствующих исчерпалось, и раздались голоса:

- Что вы ему позволяете ахинею нести?
- Трест «сгорит», мы ещё два года на пепелище стоять будем!
- Гоните его с трибуны!

Поднялась настоящая буза, в результате которой начальник отряда, главный инженер, главный механик один за другим, опустив головы, под заливистый свист рабочих покинули зал. Кто-то пожалел, что не было гнилых яблок и тухлых яиц...

Отряд остался, руководство заменили.

В другом отряде картина повторилась. Правда, Валентин Фёдорович не стал увольнять молодого начальника. Двое руководителей остальных участков позвонили Солохину ночью. Объяснились, признали свою вину и остались работать на своих должностях. Таким образом, Валентин Фёдорович сохранил коллектив. Мало кто из руководителей в мостостроении оказался способным добиться такого результата.

– Когда наступила перестройка, наш трест ещё два года оставался своеобразным оазисом в пустыне, – признаётся Солохин. – План выполнял. А когда вся страна рухнула, тут уж не до мостов было. Объёмы снизились, людей занять нечем, платить нечем и не за что. Задержка заработной платы составляла девять месяцев! Мы покатились вниз. Многие уволились. Но элиту я сохранил.

В это же время Солохина срочно вызвали в Москву. В управленческом аппарате Мосметростроя наступил кризис: сменилось несколько

руководителей, но никто не смог справиться с поставленными по строительству метрополитена задачами. На должность начальника требовался, образно говоря, «парень с фронта», не знающий поражений. Выбор пал на Солохина. Из 240 руководителей...

— Я тогда проявил оппортунизм, беспринципность, смалодушничал, не отказался от должности сразу же, а начал думать, присматриваться, — признаётся Валентин Фёдорович. — Слишком уж заманчивым было предложение: карьера, престиж, квартира на проспекте Мира — практически мгновенно. Однако сразу ответа не дал. Когда второй раз вызвали, выписал пропуск, стал мотаться по забоям, узнавать что к чему, в каком состоянии. И опять не дал ответа. Только в третий приезд понял: не моё это дело! Потому что на моё условие взять своих, проверенных на сибирских стройках специалистов, получил категорический отказ. После этого решительно отказался. Вернулся в Сургут. Брежнев (однофамилец Леонида Ильича, работал в нашем министерстве) люто возненавидел меня, сказал, что я подвёл его перед Ельциным.

Отношения с «верхами» осложнились. Трест «Мостострой-11» полтора года просто не «замечали». Игнорировали все его явные успехи. Ни премий, ни знамён коллектив не получал, несмотря на то, что работал по-прежнему быстро, грамотно, качественно. После очередной проверки, увидев, как живут мостовики, в министерстве сменили гнев на милость. Видимо, подкупили условия быта в посёлках: музыкальная школа, детские сады, теплицы, дома... Валентин Фёдорович всегда искренне заботился о людях, и у него всё получалось «как надо».

Инициатива наказуема

В 1993 году в кабинет управляющего трестом пришли трое молодых людей. С виду лет 27–28. Среди них Михаил (сын Виктора Яковлевича Русинова, бывшего секретаря горкома партии по идеологии), которого Солохин знал с детства. Удивления скрывать не стал:

- С чем пришли? — полюбопытствовал.
- Вы сейчас в состоянии построить мост через Обь?
- Конечно! У меня всё для этого есть.
- Видите, — сказал Михаил Русинов своим друзьям. — В экономике развал, а мостовики выжили. Что нужно для строительства?

— Проект.

Солохин назвал адреса проектировщиков. Началась работа.

Молодые люди развили такую коммерческую деятельность, что Валентин Фёдорович поразился. Нашли проектировщиков, организовали акционерное общество, стали продавать акции, сделали землеотвод, надеялись подключить к строительству инвестора. Однако, изучив экономическое и политическое положение России, резко взявший курс на демократизацию, иностранцы связываться с сибиряками не стали. Не найдя финансовой поддержки, Михаил Русинов обанкротился.

Вновь наступило томительное ожидание. Валентин Фёдорович вообще не любит «затишья», которое обычно возникает после того, как перерезана очередная красная ленточка. Самое страшное для него – невостребованность. Несспешно прожитые дни расхолаживают коллектив, снижают рабочий тонус, сбивают напряжённость заданного ритма, необходимого при строительстве объектов государственного значения. Но терпения Солохину не занимать. Он приготовился к новому этапу залегания в складке. Через два года произошло долгожданное: на одном из совещаний губернатор Ханты-Мансийского автономного округа Александр Васильевич Филипенко во всеуслышание заявил:

– Округ берётся за строительство автомобильного моста через Обь!

Поразительно! «Округ берётся!» Генеральным подрядчиком назначили, конечно же, акционерное общество «Мостострой-11». Приказали рассчитаться по всем предыдущим затратам, вложенным в мостопроект и в акции. Так как они принадлежали Русинову, то ему и компенсировали все убытки. А у мостостроителей началась работа. Большая, интересная.

– Условия были тяжёлые, – вспоминает Валентин Фёдорович, – трудные: глины, пески. Нужно было добраться туда, куда никто прежде не мог. Но я верил в своих ребят. Мои – смогут! Есть у нас один человек – легенда треста – Юрий Фёдорович Гончаров. Бригадир, овевянный славой. Он стал своеобразным маяком для всех. Остальные специалисты учились у него.

На автомобильном мосту всё оказалось в новинку. Один вантовый пролёт чего стоит! В Бангкоке несколько лет назад ввели в эксплуатацию подобный пролёт в 396 метров. В Сургуте он – 408. Но там, заметьте, пальмы растут, а тут – в 50 с лишним градусов мороза пришлось вести строительство. Причём температурные колебания были просто непостижимые!

– Судите сами, – поясняет Солохин. – Есть такие понятия: сталь кипящая и спокойная. Кипящая при минус 30 градусах начинает разваливаться, спокойная – при 40. Но в Западной Сибири механизмы из

такой стали просто рассыпались. Поэтому в проект заложили конструкции из дорогой, но более прочной – легированной стали, выпуск которой давно освоили металлургические заводы страны. И пролёты строений мостов изготовили тоже из этой стали. Она выдерживает температуру до минус 70 градусов.

Но даже не это стало самой большой сложностью. Металл закаляли, а вот некоторые специалисты со временем перестройки начали... «ржаветь». Проявилось это в весьма ответственный момент – на строительстве опор через Обь. Со стороны Сургута уровень воды позволял вести работы в нормальном режиме. Но от левого берега Оби глубина реки достигала 27 метров. Покорить её привычными способами не представлялось возможным. Поэтому Солохин принял решение – сделать вантовый пролёт длиной не менее 400 метров. Дал задание проектировщикам разработать такой проект, какого в отечественном мостостроении ещё не бывало.

Противники за спиной вслед «генералу» (тогда уже создали акционерное общество) крутили пальцем у виска: дескать, чокнулся директор. Солохин стоял на своём. Чтобы заручиться поддержкой, поехал к Филипенко, рассказал губернатору о замысле. Тот работал мостовиком в своё время. Толк в сооружении подобных объектов знал. У Александра Васильевича глаза загорелись. Валентин Фёдорович облегчённо вздохнул.

Тем временем за спиной началась очередная возня. Её инициатором стал главный инженер, который как мог тормозил сложный проект: «работайте не спеша, в июне перевыборы, генерального директора всё равно переизберут, и проект останется привычным. С опорами, конечно, придётся повозиться, шпунт сделать сорок метров длиной, но только не вантовый пролёт. Это – из области фантазии».

Он так запугал своих сотрудников новым проектом, так настроил людей, убедив в неизбежности переизбрания нового директора, что из проектного института на собрание акционеров приехали два заместителя директора. К участию в собрании их, естественно, не допустили – по Уставу не положено. Но со стороны дали возможность посмотреть, послушать, как инженерная служба будетправляться с Солохиным.

– Я отпирался на рабочий класс, – вспоминает тот сложный период Валентин Фёдорович, – собрание окончилось. Подсчитали голоса – все за меня. Все до одного! Ещё встали и пять минут аплодировали. У меня аж слёзы выступили.

Солохин вышел к представителям института. Не удержался, спросил:

– Ну, что? Переизбрали меня?

– Всё, всё, Валентин Фёдорович, мы поехали проектировать вантовый мост.

И – сделали проект! Даже лучше того, о каком мечтал сам генеральный директор. Выполнили добротно и качественно.

Автомобильный мост через Обь построили за четыре года и четыре месяца (вместо семи лет).

16 сентября над территорией сгостились тучи. Накрапывал дождь. Предусмотрев подобную непогоду, «Мостострой-11» закупил тысячу зонтиков, которые раздали участникам торжественного открытия моста. Зонтиков не хватило – столько пришло сургутян.

Из книги С.А. Бахтина «Мосты и тоннели. Введение в специальность»

«Россия в конце XX века также показала достойные результаты и в погоне за рекордами, и в архитектурной выразительности своих мостов. Начать следует, конечно, с автодорожного моста через р. Обь в г. Сургуте, который 16 сентября 2000 г. принёс России мировой рекорд среди однопилонных вантовых мостов по величине пролёта – 408 м.

…На примере *Сургутского моста* российские проектировщики и строители показали, что они способны решать практически любые современные проблемы мостостроения при наличии экономических условий».

С точки зрения архитектуры также необходимо отметить очевидные достоинства *Сургутского моста*.

Путин, вручая Солохину орден «За заслуги перед Отечеством», спросил:

– Как вы могли в эти тяжелейшие годы взяться за строительство моста, которому нет равных в мировой практике? Что вами руководило?

– Знаете, Владимир Владимирович, мостовики – романтики, – ответил президенту России Валентин Фёдорович. – Если нам доверили строить такой интересный, сложный, красивый объект, мы готовы работать даже без видимой выгоды. И главное: несмотря на перестройку,

нам удалось сохранить элиту мостостроения. Одного своего специалиста я даже за трёх американских не отдам!

— Моя самая главная мечта осуществилась, — улыбаясь, признался Валентин Фёдорович. И снова его глаза засияли особым блеском. — Если бы этого не произошло, я бы ушёл на пенсию злой, угрюмый, недовольный жизнью. После торжества решил: завтра же подам заявление на пенсию. И вдруг губернатор говорит: «Валентин Фёдорович, готовься к следующему мосту». Я подумал: «Рано уходить. Надо ещё раз Иртыш покорить!».

Дальше события развивались настолько быстро, что не успел опомниться. Через неделю состоялось совещание у губернатора, где решился вопрос по строительству моста через Иртыш в районе Ханты-Мансийска. Его построили за два года и восемь месяцев.

— Там ничего нового для меня не было, — говорит Солохин. — Единственная примечательность — большой пролёт — 231 метр.

Из книги С.А. Бахтина «Мосты и тоннели. Введение в специальность»:

«Автодорожный мост в г. Ханты-Мансийске через р. Иртыш – уникальный мост, построенный в 2004 году. Первоначально рассматривался вариант висячего моста,

но окончательно была принята комбинированная металлическая конструкция, стилизованная под XIX век: арка с ездой посередине + неразрезанная балка + сквозная ферма с полигональными поясами (верхним и нижним), которую местные жители назвали «Спящий динозаврик». Пятипролётная схема обеспечивает главный пролёт длиной 231 м (третий результат в России после вантовых мостов в Сургуте и Петербурге)».

А нефтеюганский автомобильный (последний) мост ещё быстрее возвели: в октябре начали сооружение опор, в апреле следующего года закончили. Такого никто и нигде не делал.

Солохин всегда хотел строить такие мосты, чтобы мостостроители всего мира завидовали нашим отечественным специалистам. И строить не простоочно – на века, но и оригинально, красиво, чтобы гордиться.

Валентин о Валентине

– Давно это было. В городе Новокузнецке. Ещё когда Всесоюезному ленинскому коммунистическому союзу молодёжи исполнялось сорок лет. По этому поводу состоялся юбилейный пленум, на который пригласили комсомольских активистов. Меня, как члена бюро райкома комсомола, а Валентину (нас зовут одинаково) – как секретаря курской комсомольской организации педагогического училища. Влюбился сразу и навсегда. До сих пор считаю, что лучшей жены, женщины, матери нет во всём мире! Потому что только такие и могут вынести все жизненные коллизии и сложности быта, связанные с профессией мостовиков.

Жена переносила все трудности потому, что я её постоянно... обманывал (смеётся). Первый раз обманул, когда ей было 18 лет.

Примечание автора: «Дело в том, что Солохин был настолько быстро растущим и грамотным специалистом, что ему практически сразу предоставили комнату в капитальной квартире, куда он и привёл молодую жену. Заметьте, не в вагончик, как повсеместно было распространено у транспортных строителей того времени, а в квартиру с отоплением, с кухней и даже ванной комнатой. Деревенской девушке очень понравились городские удоб-

ства. Вскоре она стала привыкать и к почёту и уважению мужа, которого любили и ценили в рабочем коллективе».

— Я, когда заметил это, подумал: «Солохин, если ты не вырвешь её из этой квартиры, ты погибнешь». Мосты не в квартирах строятся. Привыкнет — настройку не вытянешь. Там — особые условия. И при первой же возможности решил покинуть благоустроенный быт и поехать в Ачинск главным инженером.

Прихожу домой, серьёзно так говорю: надо ехать, приказ есть приказ. Поехали. И только 23 года назад мы получили настоящую современную квартиру в Сургуте. Где только мы не жили! В вагончиках, ИПэшках — это такой инвентарный панельный сборный дом. Не роптала. Наоборот, выучилась и тоже стала мостовиком. В те времена не очень-то приветствовалось, чтобы жёны работали вместе с мужьями, тем более если он — руководитель. Но, учитывая особый образ жизни, нам разрешили. Правда, на высокую должность наши жёны не могли претендовать. Не то что сейчас — он начальник, она — главный бухгалтер. Такого разверта прежде не допускали. Должность — не выше старшего или ведущего инженера. Её это устраивало.

Примечание автора: «Подрастали детки. Их трое, все девчонки. Они требовали внимания, любви, ухода, заботы, нежности, ласки... И ещё всего того, чем обозначена эта великая должность — Материнство. Однако Валентина Ефтеевна не зациклилась только на семейном круге. И депутатом её избрали, и в родительском комитете имела постоянную «прописку», а летом ежегодно возила группы детей по городам-героям: в Севастополь, Ленинград, Сталинград (в семье не приняли другого названия этого города), Одессу. Валентин Фёдорович поощрял такие поездки в качестве «награды» за хорошую учёбу».

— Со временем наши отношения претерпели изменения, — продолжает откровенничать Валентин Фёдорович. — Хотя многое удалось сохранить. Как сказал поэт:

*Года шалунью рифму гонят,
Года к суровой прозе клонят.*

И я со вздохом признаюсь:

За ней ленивой волочусь.

Уже и лень, и усталость... А так всё нормально. Причуд не было. Цветы дарю не только на 8 Марта. Они вообще-то почти не переводятся в нашем доме.

Честно скажу: мне повезло в жизни. Иная бы глаза выцарапала за постоянные разъезды, командировки... воскресные дни на работе. Вечно ни отдыха, ни помощи. Она весь домашний груз все годы таскала на себе. И воспитание девчонок – в первую очередь. Не зря же две дочери пошли по нашим стопам. В этом – и тревога и гордость наша с Валентиной. Ведь среди мостовиков у нас самая большая династия. Шесть человек: мы с женой, две дочери и два сына. Все строят мосты. Лишь одна – учительница.

Девочки мои все талантливые. Двое пишут стихи. Кстати, о мостах – тоже. Ведь они были свидетелями пусков всех крупнейших железнодорожных мостов Сибири. Среди стихов есть и такие, которые трогают мостовиков до слёз:

...Наше счастье, любовь и судьба –

Te, кто вырастил наших детей.

Наши женщины рядом всегда,

Мостовички мужчин не слабей!

Дети сами проложат маршрут,

Не боясь ни потерять, ни преград.

Каждый выберет собственный путь,

Кто-то выберет – Мостоотряд!

Примечание автора: «Это – лишь фрагмент стихотворения. Вообще стихи Елены Солохиной публиковались во многих местных газетах и журналах. Небольшой сборник «Северная баллада» вышел в 2000 году. А в 2002-м появилась книжка «Беглец» со стихами для детей. Весьма красочное издание, достойное содержанию».

– У меня всегда был крепкий тыл. И это давало мне основание не переживать за семью, не тратить время и душевые силы на лишние волнения. Поэтому я, когда подыскивал кандидатуру на роль начальника мостоотряда, прежде всего узнавал, кто у него жена. Если скандальная, держит его в руках, заставляет стирать бельё, вынуждает

готавить обеды или ужины, брать больничный лист по уходу за ребёнком, – значит, он будет стараться поскорее сбежать с работы домой. Я такого специалиста никогда не назначал начальником. Говорил: «Расти жену. Тебе уже пора главным инженером быть, а ты всё с женой разобраться не можешь! Сначала приведи в соответствие семейные отношения. А поскольку ты упустил этот момент, то ничего уже не сделаешь, иди гуляй». Поэтому у меня ребята были такие: всё – для работы, всё – для дела.

Я очень люблю море. У меня хобби – море. Я и сейчас езжу туда. Если проплыл меньше пяти километров в день, сам себе говорю: «Солохин, ты зачем сюда приехал?!» Конечно, делаю это постепенно, иначе сердце обязательно схватит. А я так: в первый день один километр, во второй – полтора. И так постепенно дохожу до пяти. Сердце выдерживает нормально, сила в руках есть. Зато как чувствуешь себя! Мышцы работают. Лучше плавания ничто не развивает человека физически!

Жестокая поступь капитализма

Практически до конца своих рабочих дней в тресте Солохин сохранил в коллективе принципы социализма. И произошло это не в соответствии с требованием руководителя, а по собственному желанию сотен рабочих в конце 80-х годов. Разобравшись в том, «что день грядущий нам готовит», Валентин Фёдорович собрал конференцию и поставил вопрос принципиально – как будем жить дальше: при капитализме или при социализме?

Люди не сразу поняли своего генерального директора, попросили объяснить. Солохин ничего не стал скрывать, заговорил откровенно и вдохновенно:

– Мой самый любимый общественный строй – капитализм. Это редчайшее достижение человечества. Отработали своё – и гуляй. Я, как руководитель, ни за что не отвечаю. Естественно, вне рабочего времени.

В зале на несколько минут воцарилась недоумённая тишина. Подчинённые соображали. Наконец кто-то выкрикнул:

– А при социализме?

– А при социализме – у меня каждый день за вас должна голова болеть. Кроме основной работы и безопасности вашего труда, я должен думать о том, где вы будете жить, где будут учиться ваши дети; в каких институтах и за чьи деньги; в какие детские сады определить ваших ма-

льшай; что вы будете кушать и хватит ли вам заработной платы, чтобы жить достойно или хотя бы не хуже людей других профессий; какую операцию, где и на чьи средства сделать сотруднику или его родственнику при необходимости и прочее...

Люди задумались. А когда проголосовали, оказалось: только четыре человека воздержались. И то те, кому ничего из... вышеперечисленных благ уже не требовалось – имели. Остальные подняли руки *за социализм*.

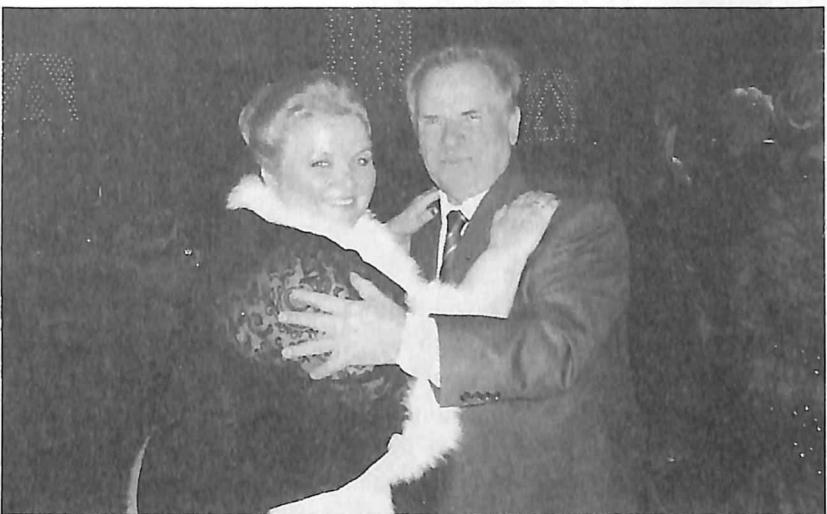
– Я начал сокращать расходы на социальные нужды только за год до выхода на пенсию, – признаётся Солохин. – Ведь раньше мы бесплатно давали квартиры. Потом стали удерживать с работников 20% за жильё. Каждые пять лет за полцены покупали для них машины. 338 детишек училось в высших учебных заведениях. 50% платили из своего фонда за места в детском саду. Операции, отдых – бесплатно. Когда наш коллективный договор посмотрели члены министерской комиссии и города Сургута, то удивились. Лучшего коллективного договора на то время нигде не было. А сейчас главное – прибыль, прибыль, только прибыль...

На вольных пенсионных хлебах

В 2005 году Солохин передал могучую мобильную организацию (крупнейшую в стране) трест «Мостострой-11» в другие руки. Преемника выбрал сам. Коллектив его выбор поддержал. В офисе треста Валентину Фёдоровичу, как члену окружной общественной палаты, выделили кабинет, за ним закреплён автомобиль. Работа эта оказалась очень интересной. Каждый день приходят к нему на приём со своими проблемами сургутяне. В меру сил и возможностей Солохин оказывает им помощь.

Лечение, отдых – всё, как положено ветерану и персональному пенсионеру, имеет. Он – почётный председатель Совета фирмы (теперь она переименована в концерн). На его пиджаке едва помещаются награды различного достоинства. В том числе и зарубежные.

Валентин Фёдорович – лауреат Государственной премии и премии Совета Министров СССР, заслуженный строитель России. В своём родном институте он – член Верховного Совета. Согласно Положению в дни празднования 70-летия факультета НИВИТа–НИИЖТа–СГУПСа ему вручён Золотой Знак отличия. Валентин Фёдорович к тому же обладает неофициальным, но от этого не менее почётным титулом

«Выпускник факультета Номер Раз» (как говорят англичане – «Number One»). С июля 2005 года на месте бывшего кабинета мостов № 263 создана «Учебная аудитория архитектуры и строительства мостов В.Ф. Солохина». Её открытие состоялось в присутствии самого героя, членов Верховного Совета факультета и высоких гостей.

В 2004 году Валентину Фёдоровичу присвоено звание «Почётный гражданин города Сургута». Знаменитого мостовика знают в разных странах далеко за пределами России. Неоднократно зарубежные специалисты приезжали в наш округ, чтобы познакомиться с «произведениями искусства» Солохина. Их искренние восторги и удивление принимали за комплименты. Сейчас всё задуманное в жизни, кажется, свершено. Мечты Валентина Фёдоровича в виде мостов различной формы, красоты и сложности, в лёгких металлобетонных конструкциях воплощены в жизнь. Они уже стали своеобразной визитной карточкой северных городов. К ним можно прикоснуться, по ним можно проехать на поезде, в комфортабельном автобусе или в легковом автомобиле. Всё сделано прочно, добротно, на века. А над ними в небе горит звезда под названием «Солохин». Таким образом, современники увековечили свою благодарность за огромный вклад в развитие региона легендарному мостостроителю XX и XXI веков – Валентину Фёдоровичу Солохину.

2009 год

Знакомый незнакомый человек

В канун 2010 года мы встретились на традиционной ёлке главы города. Пользуясь случаем, в очередной раз подошла к нему, поздравила и выразила сожаление о том, что Владимир Леонидович так и не нашёл возможности для обещанного разговора «по душам».

– У меня просто катастрофически не хватает времени, – оправдывался он. – Живу между Сургутом и Москвой. Может, даже чаще нахожусь в столице.

– Готова слетать с вами в командировку, чтобы поговорить во время полёта, – предложила я. – Это же целых три часа!

– Думаешь, я в самолёте не работаю? Ещё как! Иногда мне кажется, я научился спать стоя...

Посмотрела в его глаза. Они показались мне «седыми» – потускневшими и предельно усталыми. Не ощущалось в них прежнего озорного блеска, который когда-то так украшал облик молодого нефтяного «генерала» Богданова.

Мы рядом (каждый на своём месте) прожили на этой земле самые трудные и самые прекрасные годы «Начала» возрождения нашей Югории, достойно пережили «Перестройку» и вступили в благополучный период «Процветания» региона. Целые десятилетия позади. Потому имею право на то, чтобы сделать вывод. Так вот, лучшего руководителя огромнейшего и сложнейшего производственного организма я не встретила.

Все эти годы его называли по-разному: «Кулачок» (в смысле кулацкой породы), «Генерал», «Сибирский затворник», «Белая ворона», «Рак-отшельник». Теперь – «Олигарх». Можно по-всякому относиться к этим аттестациям, но, поразмыслив, пришла к выводу: ни один из этапов жизни у Богданова не был простым и легким. Время каждый раз определяло свои жёсткие задачи, рождало новые проблемы, ставило «ловушки» и «рогатки» в политических и экономических лабиринтах, которые требовали единственно

возможного выхода. Поэтому в определённых отрезках деятельности на капитанском мостике нефтяного корабля, именуемого «Сургутнефтегаз», Владимир Богданов в той или иной степени соответствовал кратким характеристикам личности, данным ведущими журналистами. Хотя сам про себя обычно говорил скромно: «Я – деревенский мужик».

«Деревенский мужик»

Есть на юге Тюменской области село Суерка. Расположено оно в Упоровском районе, имеет 400-летнюю историю и богатые православные традиции. Благодатные там края! Красотища – неописуемая! Сургутские журналисты лишь в двадцать первом веке познакомились с тем, как и чем живут здесь люди.

Через Суерку когда-то проходили трактовые пути, оттого и раскинулась она вольготно вдоль берегов Тобола. В незапамятные времена её украшал бывший купеческий трёхэтажный деревянный дом с балконом, откуда открывался восхитительный вид на заливные луга. В советские времена здесь располагалась школа. Привилегией каждого выпускного класса было учиться в кабинете с выходом на балкон. Самым прекрасным зданием сегодняшнего села является восстановленная церковь. Стоит она, как игрушечка, возвышаясь над мирской жизнью, указывая путь заблудшим и неуверенным душам.

Любимое место гуляний молодёжи – роща Богородичная. Там в своё время проходили маёвки. Прозрачный бело-зелёный наряд берёз притягивает взгляд, а тихий шёпот листвы и весёлый стрекот кузнечиков манит в глубину, как в непознанный мир великих и вечных тайн...

Весенний дурман запахов черёмухи, сирени, яблонь будоражит воображение. Буйство предзакатных красок, молочно-белый туман, ажурно застилающий впадины лугов, опускающийся тончайшим покрывалом на озимые луга вызывают восторг. А когда трепетную вечернюю тишину вдруг разрушит с широким напевным размахом песня, заголосит навзрыд «страданиями» русскими, печалью, вырвавшейся наружу молодая бабёнка, – сожмётся сердце.

Вот в этом дивном краю и провёл своё детство Владимир Богданов.

Из рассказа матери, Галины Аркадьевны

– Я сиротой осталась в шесть лет. Отец вскоре женился на другой, и пришлось мне в короткий срок одолевать житейскую науку

женщины-крестьянки: мыть, стирать, сгребать, варить, за скотиной ходить, в огороде управляться. Учиться особо некогда было. Вот так, с детства, не умею сидеть без дела, пустые разговоры вести с соседками. Руки постоянно работы просят.

Потом замуж вышла, а его, Лёню-то, в армию забрали. Пока служил, я сына родила, Володю. Когда вернулся с военной службы, в Донбасс уехали. Некоторое время там пожили и снова в Сибирь.

Здесь хорошо. Зори малиновые в полнеба, солнце круглое садится за горизонт, как в опару опускается. И ночи тихие – до звона. Только и звуков-то – храп лошадиный. Как и все деревенские ребяташки, любил сын у костра посидеть – огонь завораживает... Словом, ничего особенного рассказать про него не могу. Пацан как пацан. Мы с отцом его никогда не били. Один раз только Лёня ухо надрал сыну. Но за дело. Лет шесть ему было. Ушёл с большими ребятами. Весна ранняя. Стемнело, а ребёнка нашего нет. Я уже все глаза проглядела в окно. Пришел – руки синие от холода: «Мама, я тебе подснежнички принёс...» Напугал очень... вот и попало ему от отца.

Галина Аркадьевна удивительная рассказчица. И образы создаёт краткие, сочные, точные.

– В деревне свой распорядок дня. Тогда жили за счёт натурального хозяйства: сады-огороды, скот, для которого на всю зиму в короткое лето нужно заготовить корма. Не зря у нас говорят: день – год кормит. И Лёня, муж мой, Леонид Андреевич, ссызмальства брал ребёнка на сенокос. Потом, когда Володя вырос, уже большим руководителем стал, долгие годы отпуск свой проводил в деревне. Домой, сюда, на сенокос приезжал во время разнотравья. Он тоже без дела-то не пручен сидеть. И то сказать, мало ли работы в хозяйстве...

Сейчас всего на недельку заглянет... (вздыхает). Да и скотину уже не держим. У меня ноги болят, а Лёню-то мы похоронили... (и словно эхом повторила) похоронили...

Могила Леонида Андреевича Богданова видна из домашнего огорода. Памятник у него большой, красивый, с портретом на барельефе. Галина Аркадьевна утром выйдет зелени пощипать с грядки или огурчик к столу сорвать, пошепчет что-то, словно поздоровается. Одно слово только понятно: «Лёня, Лёня». Скучет... Немного не дожил супруг до их золотой свадьбы.

– Я всю жизнь здесь продавцом в сельпо работала, – продолжает рассказ Галина Аркадьевна. – Как и все деревенские, с солнышком вста-

вала и ложилась. С хозяйством управляюсь – иду на работу. Вечером – снова-здорово: дом, огород, скотина... И мужиков накормить надо. Так что не до разносолов было. А Володя рыбу очень любит. И ловить, и покушать. Приезжает – первым делом на рыбалку. Говорю: «Господи, куда ты в старом дождевике-то пошёл! Народ на тебя смотрит, ты же «генерал!» Он не слушает: «Это я, мать, там – «генерал», на работе. А здесь – твой сын, простой деревенский мужик». Ну и что тут скажешь?! Рыбки принесёт, пожарю или сварю. Ест, довольный. А я ещё больше радуюсь. Редко видеться стали...

Снова вздыхает. В глазах копятся затаённые слезинки. И от того блестят они светлой радостью. Или тихой печалью? А, может, скрытой гордостью...

– Многие спрашивают, почему в деревне живу, к сыну не еду? Была я у него. В гостях. Он ночью с работы приходит: «Здравствуй, мама», а в шесть утра дверь входная хлопнула – опять ушёл и снова до ночи. Что мне в этой «клетке» сидеть? Лучше уж здесь, на земле...

Когда в родной дом приезжает, я непременно тесто затеваю. Знаю, мои пироги очень любят! И пельмени – наши, сибирские. Тут уж он природой налюбуется, надышится тишиной, воздухом нашим хрустальным насладится. А я-то наговориться с ним не могу, хотя... какие у меня сейчас новости?.. Но он всё слушает, слушает, не перебивает, словно голос мой запомнить хочет... до следующего приезда.

Слушая Галину Аркадьевну, становится ясно, откуда у сегодняшнего Владимира Богданова столько несгибаемого упорства и работоспособности, столько любви к родным просторам и земле, по которой ходил росными травами босиком, где вырос, возмужал, повзрослел и набрался такого здорового вольного духа, что и не сломить и не сломать. Как русский характер.

«Кулачок»

В деревне рассказывают (ни на чём не настаивая), будто дед Владимира Богданова – Аркадий Петрович Зломыслов (по материнской линии) – вырос в купеческой семье. Зажиточных людей в начале двадцатого века не жаловали, «раскулачивали» и ссылали в Сибирь. Был он человеком грамотным, финансистом от Бога. Даже, выйдя на пенсию, делал ревизии в магазинах.

Аркадия Петровича уважали и побаивались: слишком честным и принципиальным был человеком. Когда внук подрос, селяне стали

восхищаться складом ума малыша: «Володька-то весь в деда пошёл! Раньше считать научился, чем говорить!» И мать подтверждает, улыбаясь:

– Точно... конфетки, бывало, разложит и лопочет едва взято: «Опять Лёшина конфетку съела».

Дом у Богдановых был обыкновенный, деревянный. Без излишеств, скромный, как и те люди, что многие годы коротали в нём жизнь. Сами строили, по-деревенски. Леонид Андреевич (отец Владимира Богданова) рассказывал:

– Идут мужики с работы, пока Галина (жена) на стол готовит, бутылочку поставит, мы раз-раз-раз – венец-другой поднимем. Вот так и построили дом.

Созданное родительскими руками тепло и уют всегда согревали.

Дед Аркадий крепко стоял на ногах, мыслил масштабно, деньги считать умел и расходовал их с умом. Он частенько занимался внутком, втолковывал ему житейские мудрости: «Чужого – не тронь! Но и своё не разбазаривай», «Взялся за работу – доделай её до конца!», «Пообещал – слово своё держи!», «Помни: копейка рубль бережёт!».

Эти нехитрые правила, как зарубка, навсегда отложились в детском сознании, укрепились там беспредельным уважением и безоговорочным авторитетом деда.

Отец Владимира – Леонид Андреевич – тоже был трудолюбивым человеком. Но селян в нём удивляло другое – внутренняя культура. Потому что диапазон его интересов распространялся далеко за пределы сугубо сельскохозяйственных забот. Не получив «верхнего» образования, считал, что сын непременно должен окончить институт. Родительское внушение упало плодотворным зерном на подготовленную дедом почву. Сын – их светоч и надежда – учился прекрасно, к наукам оказался весьма способным. Да и учителя встретились, что называется, с большой буквы. Многие выпускники после окончания средней школы поступали в вузы. В том числе и Владимир Богданов.

Профессию он выбрал сразу. В 60-х годах газеты и радио обрушили такой поток информации в сердца и умы молодых, что многие подались романтизму и привлекательности нефтяных профессий, которые требовались при освоении Крайнего Севера. Он легко поступил в Тюменский индустриальный институт. Будущая специальность называлась – «буровик».

Поначалу, как и многие студенты, жил на квартире.

Из воспоминаний отца Леонида Андреевича:

— Сильно мы переживали за него, всё-таки — город. Сердце постоянно было не на месте. Первой же осенью управились с огородом, зарубили несколько гусей, набрали овощей, поехали проведать Володьку. Это сейчас до «железки» полтора-два часа езды по хорошей дороге. А тогда сначала либо на тракторной волокущие по грязище трястись, либо на лошади плестись до Ялторовска. Там в поезд и до Тюмени.

Приезжаем, а их дома нет (он с парнишкой жил), оба на занятиях. Ну... посмотрели и оторопь взяла. Гляя, говорю, куда наш сын попал! Там посуда грязная, бутылки недопитые на столе...

Едва дождались своего студента. Тут же вынесли решение: надо искать новую квартиру. А он говорит:

— Не надо. Они нам не мешают.

— Как «не мешают»?!

— Хозяйка хоть и выпивает, но заниматься даёт. У других ребят хозяева квартиры в восемь часов вечера свет выключают.

В общем, не стали настаивать. Уехали.

А однажды (на третьем курсе уже учился) приехал на каникулы с деньгами. «Откуда?» — спрашиваю, испугавшись. Смеётся в ответ:

— Мы с ребятами вагоны разгружали.

— Как же так?! Разве мы тебя вагоны разгружать послали?! Да мы с матерью тебе последнюю копейку отдадим, только учись!

— Вам и самим деньги нужны, а молодых физический труд закаляет.

— Когда же заниматься — говорю, — если вагоны ночами разгружать приходится?!

Мы с матерью внушения ему делаем, а он только посмеивается: дескать, все студенты так живут. Как бы там ни было, институт он закончил. Мы с матерью довольны.

Учился Владимир Богданов блестящее и всерьёз. Ему было очень интересно в институте. Это подтверждают и сокурсники. С одним из них я как-то ехала на месторождение. Длинная дорога располагала к разговору, и мой собеседник разоткровенничался:

— Мы завидовали его усердию и усидчивости. Считали, что это даже в какой-то степени ненормально! Обычно деревенские парни (сам такой), вырвавшись из-под родительского надзора, начинают активно познавать городскую жизнь. Ведь столько соблазнов: спортивные секции, кафе, девушки... Весна жизни! А он или в библиотеке, или дома сидит

за книжками, притом что память у него просто феноменальная! Мы постоянно звали его с собой. Нет! Не поддавался он на наши уговоры...

Студенческие годы пролетели в полном напряжении, в постижении наук, в маленьких и больших открытиях, в познании первой любви... Веселое, интересное, незабываемое время...

Тот же собеседник рассказывал, что на студенческой свадьбе Богданова гулял чуть ли не весь пятый курс. Деньги жених заработал на преддипломной практике в Тарко-Солинской геологоразведочной экспедиции.

А после вручения диплома (на тему «Строительство глубокой разведочной скважины», который он защитил на «отлично») – первый рабочий адрес: Нижневартовск.

По профессии – буровик

В ряду очень важных, тяжелейших проблем первоначального этапа освоения нефтяных месторождений Среднего Приобья «кадровый голод» был, пожалуй, самым острым. Профессионалов катастрофически не хватало. Некоторые руководители принимали бурильщиков в штат только вместе с вахтой, которую тот должен привезти с прежнего места работы.

Тем не менее свежеиспечённых молодых специалистов – выпускников Тюменского индустриального института, что называется, не ждали с распространёнными объятиями. Заместитель начальника по общим вопросам Нижневартовского УБР-1, едва взглянув на пополнение, с явно выраженным нетерпением подпирающее стены коридора конторы, буркнув что-то невнятное, исчез в неизвестном направлении, а двое ребят так и остались стоять с рюкзаками. До вечера. Пока не появился главный инженер – Александр Викторович Усольцев. Он-то и разместил их... в своём кабинете... на стульях.

Именно эта встреча во многом определила дальнейшую судьбу Владимира Богданова. В последующие годы и до конца жизни Александр Усольцев останется для него и руководителем, и учителем, и другом, и соратником в такие разные годы последней четверти XX столетия.

Через много лет в своей книге «Жизнь на ветру», изданной посмертно с помощью Владимира Леонидовича, Усольцев напишет: «Не стану утверждать, что уже тогда разглядел в Богданове черты будущего лидера, однако то, что этот паренёк с рюкзаком за плечами не так уж

прост, можно было догадаться. Что его отличало тогда? Упрямство – раз, огромная трудоспособность – два и редкостное умение чётко следовать тому, что предписано, три».

Вчерашнего студента направили помбуrom в бригаду Геннадия Лёвина. Имя этого бурового мастера уже гремело на всю страну. Непобедимая в трудовом соперничестве бригада каждый год устанавливала новые рекорды. Наряду с нею в 70-х годах вполне успешно работала целая плеяда замечательных коллективов проходчиков недр Западной Сибири – бригады Китаева, Агафонова, Ерёмина... Попасть под начало прославленного лидера было исключительным везением.

Буровик – профессия, овеянная романтикой, негласно считается элитной в нефтяной отрасли. Это мнение сложилось ещё и потому, что многие руководители фразу Виктора Ивановича Муравленко «Нефть – на кончике долота!» понимали в буквальном смысле и считали, что других вариантов прироста добычи углеводородного сырья не существует. Поэтому к строительству новых скважин отношение было особое.

Когда Лёвин возглавил Сургутское УБР-2, я неоднократно пыталась поговорить с ним о Богданове. Но, видимо, корпоративная культура не позволяла слишком откровенничать. Поэтому информация следовала весьма скромная:

– Да, работал в нашей бригаде, но недолго. Помбуrom. Это хорошо, потому что, я считаю, все выпускники вузов должны сначала постичь азы нелёгкого буровицкого труда. Иначе они просто не станут настоящими профессионалами своего дела. Помбур – должность невысокая, но очень важная для постижения тайн профессии.

Помню, тощеватый он был, быстроногий молодой человек. Работал (как и сейчас) на износ...

Какой запомнился эпизод, спрашиваете? – Лёвин лукаво засмеялся. – Да, много было разных эпизодов. Но один меня буквально потряс. И не только меня. Было это в Нижневартовске. Однажды Тамара – его жена – попросила Богданова сходить в магазин. Пошёл. И прямо в очереди потерял сознание. В больнице поставили диагноз: сильное переутомление, нервное и физическое истощение... Вот такая наша работа, и он к ней очень серьёзно относился.

Одним из первых учителей в профессии для Владимира Богданова стал бурильщик Макар Симовонян – основательный, серьёзный, строгий, мудрый человек. Говорил спокойно, объяснял терпеливо. Конечно,

это были не те уроки, что в институте. Здесь учила сама жизнь. И... буровая. Молодого специалиста не пугали ни напряжённый график работы строительства скважин, ни бытовая неустроенность. Чего греха таить, в те годы даже не мечтали о сегодняшних условиях на промыслах. Столовых не существовало, питались всухомятку, спать приходилось по очереди на одной постели со сменщиком, добирались до скважины по бездорожью в холодных «Уралах» не один и не два часа... А уж как «доставали» гнус и комары, морозы и сквозняки, на буровой знают только те, кто всё это испытал на своей шкуре и кого сегодня называют уважительно «первоходцами».

В городе немногим лучше жили. В Нижневартовск прибывали тысячи специалистов в год, дефицитом считалось всё: одежда, продукты питания, детские сады, школы, магазины... Строительство ещё только набирало темпы. Даже общежитий не хватало, не говоря о благоустроенном жилье. Молодые супруги получили комнату в четырёхкомнатной квартире, в которой Тамара коротала время, дожидаясь с работы мужа. Иногда он не появлялся неделями.

Симовонян новичком был доволен. Хотя Владимир и не отличался богатырским телосложением, однако наравне с другими таскал 50–70-килограммовые тяжести, работал до седьмого пота, постигая принятые в коллективе нормы и ценности, старался вникнуть во все тонкости технологии бурения скважин. Заметив этот неподдельный интерес, какую-то особую жаждость к работе и совсем не юношескую ответственность, опытный проходчик посвящал вчерашнего выпускника института в таинства профессии, подсказывал где считал нужным. Ведь буровая – маленький завод. Здесь очень быстро проявляется сущность человека. И, разглядев её в Богданове, вполне удовлетворённый Макар Симовонян стал доверять помбуру вахту (!). Вскоре и вышестоящее руководство пришло к выводу, что молодой буровик вполне готов для самостоятельной работы.

Владимир Богданов прошёл все рабочие ступеньки в буровой бригаде, весьма толково решал инженерные задачи, стал перспективным специалистом (в те годы способных, молодых и настырных быстро выдвигали на повышение). Дальше начался стремительный рост: начальник смены ЦИТС (центральной инженерно-технологической службы), главный технолог, заместитель начальника управления по бурению, заместитель генерального директора производственного объединения по бурению, зам. начальника главка по бурению, а в 1984 году – ге-

неральный директор производственного объединения Сургутнефтегаз. Всё это практически в течение десяти лет. Но «всё это» было потом. А пока – Сургут.

Богданов приехал сюда главным технологом управления вместе с Усольцевым в числе тринадцати основных специалистов, которых Александр Викторович пригласил из Нижневартовска в Сургут во вновь образованное УБР-2. В то время мы ещё не были знакомы с Владимиром Леонидовичем. Коллектив как таковой только рождался,

хотя заявил о себе в первый же год наивысшей проходкой по объединению.

Я часто ездила к буровикам. На Локосовское месторождение, расположенное в 120 километрах от города, добираться можно было только вертолётом (грузы туда отправляли по зимнику или рекой). Особенно тяжело приходилось в распутицу и в нелётную погоду. Казалось, обстоятельства невыносимые, но люди их преодолевали.

Среди разговоров с буровиками о напряжённой работе, о простоях, связанных с бездорожьем, об отвратительном снабжении продуктами иногда прорывались откровения другого характера. Рассказывали (по секрету), что иногда вахту, прибывшую на смену, буквальным образом выгружают из вертолёта. Чего греха таить, в конце 70-х достаточно много случайных людей приезжало на Север отнюдь не за романтикой. Надеялись, что в сибирской глухи всё «сойдёт».

«Только это – не для прессы» – откровенно предупреждали меня. А теперь представьте, как непросто было начинать главному технологу управления в подобных условиях. Ведь нарушения трудовой дисциплины, как правило, влекли за собой и нарушения технологического процесса при строительстве скважин, что отражалось в больших затратах и непредсказуемых последствиях. Руководству, я думаю, подобные факты всё-таки стали известны. Потому что похмелье на буровой скоро сошло на нет. Да и сама работа вынуждала освобождаться от вредных привычек: слишком высока цена каждой ошибки.

Главный технолог Владимир Богданов был весьма и весьма строг. По выражению специалистов, «гайки закручивал» так, что кости трещали. Молодой, активный, в какой-то степени даже агрессивный руководитель требовал неукоснительного исполнения технологической дисциплины, налаживал грамотную работу во вновь образованных бригадах. Его трудолюбие, кажется, не знало предела. А стремление всё делать быстро и качественно вызывало уважение. В конторе Богданов нередко задерживался допоздна и подчинённых держал. Внушал, спрашивал, выговаривал... Пока начальник управления Усольцев не издал распоряжение, запрещающее проводить неплановые собрания и совещания после семи вечера.

Начав с нуля (вросший в землю барак, построенный ещё геологами Салманова, и сарайчик во дворе, служивший складом, – не считаются), новое управление быстро набирало темпы. Начали строить дом для своих работников, базы и подбазы поближе к буровым. Внедрили нижневартовский опыт организации социалистического соревнования,

при котором победителям вручали дефицитные товары, квартиры, автомобили (впоследствии по тому же принципу организуют соревнование во всём объединении). Бригадам УБР-2 было за что получать всякого рода поощрения – они постоянно добивались наивысшей проходки. Но, пожалуй, главное, что удалось сделать в этот период, – создать команду единомышленников, которая стала работать по принципу «Не числом, а умением» и впоследствии всегда бурила большее количество метров меньшим составом бригад.

Два с лишним года Богданов работал в Сургутском УБР-2. А в 1978 году, когда были образованы производственные объединения, Усольцев, получив новое назначение в Нефтеюганск заместителем генерального директора, забрал с собой Владимира Леонидовича заместителем начальника управления по бурению. Помню, по информационным сообщениям, у наших соседей дела в бурении складывались тогда не лучшим образом. Мы, журналисты, следили за результатами буровых бригад, как за любимыми спортсменами. Контролировались результаты просто: каждый месяц в «Тюменской правде» печатали сводки по бурению. Всего через год ПО «Юганскнефтегаз» стало выполнять план. Казалось бы, что могут сделать два человека, находясь у руля многопланового производственного предприятия? Не знаю... под силу бы это было другим, но этим двум удалось поставить дело надёжно, да ещё создать большой запас прочности на будущее.

Лучшие специалисты, как в карточной колоде, в те годы «перетасовывались» руководителями Гл автюменнефтегаза и министерства с завидным постоянством. Года через два оба вернулись в Сургут. Александр Усольцев, получив должность генерального директора, как я понимаю, не захотел работать без Богданова, определив для него роль своего заместителя по бурению. Многолетнее общение, совместная работа доказывали надёжность Владимира Леонидовича. За ним Усольцев был как за каменной стеной. И министр Николай Алексеевич Мальцев пошёл на условия, поставленные новым руководителем производственного объединения «Сургутнефтегаз» – отпустил вместе с ним Богданова.

В то время положение в «Сургутнефтегазе» сложилось почти критическое. Буровики свои прежние позиции сдали. В том числе и бывший лидер Миннефтепрома – УБР-2. Добыча нефти резко упала, увеличился бездействующий фонд скважин.

Предстояло принять кардинальные меры для резкого увеличения проходки. Одно из направлений – внедрение вахтово-экспедиционного метода. В Сибирь поехали не просто буровые вахты, бригады. Целые управления: Ершовское, Мирненское, Бирское... Всего 11 УБР. Но прежде, чем доверить новичкам строительство скважин, предстояло научить людей работать в условиях Севера с заданными параметрами кривизны, на заданных глубинах. В вахтовые бригады направили инструкторов-технологов для обучения новым приёмам труда. На базе Сургутского УБР-2 организовали школу передового опыта.

Особенно тяжёлое положение сложилось тогда на Повховском месторождении. Наша съёмочная группа ездила туда неоднократно. Мы видели (хоть от нас и пытались скрыть) в каких условиях жил приезжий люд (некоторые – в землянках!). Страшное дело! Тогда мне казалось, что такое возможно только во время войны. Увы... Богданов «пропадал» на Повхе, пока не наладил там бурение. И в землянке ему, как рассказывали, тоже пришлось пожить...

А теперь подумайте, как надо было работать, чтобы уже через четыре месяца (!) достигнуть повышения проходки на долото, улучшить качественные показатели! Вскоре слава буровиков Нижневартовска переместилась в Сургутский район. Здесь получили прописку рекорды союзного значения по максимальной проходке недр. Среди вахтовиков тоже.

И вновь произошла перестановка кадров. Владимира Леонидовича забрали на прорыв. Теперь непосредственно в Главтюменнефтегаз. Министр нефтяной промышленности Мальцев назначил его уполномоченным министерства и одновременно заместителем начальника главка по бурению. Богданов справился! Падение добычи приостановилось, предприятия пошли в рост. Сургутский и Нижневартовский регионы, в которых складывалось особо тяжёлое положение, начали выходить из прорыва. А в 1984 году вернулся в Сургут. На этот раз – генеральным директором объединения. Слухи в то время ходили разные, дескать, «мохнатая» рука у него наверху. Вряд ли. Мне кажется, министр нефтяной промышленности по достоинству оценил способности Богданова и не побоялся предложить на ответственный пост самого молодого в нефтяной истории «генерала». Богданову только что исполнилось 33 года.

«Генерал»

Ох и трудное же это было время! В нефтяных объединениях постоянно заседали представители Главтюменнефтегаза и министерства. В течение нескольких месяцев они проводили многочасовые штабы и совещания, изыскивая различные возможности увеличения добычи нефти, выхода из катастрофического положения. Некоторые из них (по особому распоряжению сверху) освещала наша съёмочная группа областного телевидения. На мой взгляд, речь шла об одном и том же: как увеличить добычу и остановить рост бездействующего фонда скважин. Предлагались варианты – внедрение газлифта, перевод скважин на механизированную добычу нефти, увеличение количества бригад подземного и капитального ремонта...

Не хватало специалистов, служба ремонта нефтяных стволов находилась в зачаточном состоянии. Ко всему этому я бы добавила так называемый человеческий фактор. Ведь условия быта на промыслах вызывали много нареканий у рабочего люда: старые вагончики, отсутствие столовых, деревянные (временные) contadorki с удобствами на улице, «военные» дороги – иначе не скажешь... Люди же хотели достойно жить, а не только работать. Хотели иметь жильё, детские сады, школы, магазины, спортивные залы... Но позиция министерства в лице Мальцева выразилась однозначно на одном из совещаний: «Вы сюда не мячики приехали гонять!» И постоянно давили: давай, давай! Все силы на добычу! Чтобы нефть текла рекой в закрома Родины. Чубы трещали от этого давления. Но Богданов справился. Его голова с плеч, фигурально выражаясь, не слетела.

Буквально через год после вступления в новую должность Сургут посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачёв. Молодой «генерал» сопровождал его по выставке, устроенной на территории одной из производственных баз. Я видела, как он волновался, весьма подробно рассказывая о том, что используется на нефтяных промыслах из отечественного оборудования. Сетовал на его низкое качество. Говорил о зарубежных аналогах, подчёркивая их дороговизну. И тут же пытался убедить, что средства на их приобретение следует непременно изыскать. Чтобы иметь больше нефти.

Михаил Сергеевич вместе с Раисой Максимовной внимательно слушали Владимира Леонидовича. Не знаю, всё ли поняли в специфике освоения месторождений и эксплуатации промыслов. Но, судя по выступлениям, опубликованным в результате поездки Горбачёва в

Западную Сибирь в центральной прессе, главное всё-таки удалось ухватить первому лицу государства: пора «золотых фонтанов» и лёгкой нефти заканчивается, нужно переходить на принудительную добычу. Для этого предстоит сделать очень и очень многое...

А ещё через год произошло непредвиденное: в результате аварии нефтяные промыслы отключили от электроэнергии. Последствия подобной аварии в полной мере могут оценить только специалисты. Богданов в те дни практически жил в своём кабинете, пока положение не стабилизировалось. Возможно, именно тогда у него впервые возникло желание иметь автономное электроснабжение на промыслах. Кто знает... Только в середине 90-х на месторождениях появились первые собственные газотурбинные электростанции.

Как-то зимой мы с оператором и с секретарём парткома УБР-1 Галочкиным сопровождали делегацию специалистов из Японии. Нас предупредили: присматривайте, чтобы они не «влезли» куда не следуют и не зафиксировали на фото то, чего нельзя показывать за рубежом. Я плохо себе представляла, куда не должны «влезть» любопытные и доношные японцы. Проучившись в Москве и прослушав лекции представителей ЦК КПСС на курсах повышения квалификации при «Останкино», знала, что все тайны Советского Союза за рубежом давно известны, потому как техника к тому времени достигла такого совершенства, что клочок обыкновенной газеты, лежащий на земле, можно было прочитать из космоса.

Японцы всю дорогу глазели в окна, качали головами и записывали что-то в блокноты. Хоть и дали нам тёплый автобус КАВЗик, ближе к Фёдоровскому месторождению ноги всё-таки замёрзли. На Заячьем острове (так называли местечко, где располагался временный посёлок нефтяников) долго искали туалет (простите за прозу жизни), минут сорок ожидали, пока освободится место в столовой-вагончике, предназначенней для руководящих кадров, чтобы покормить заморских гостей. Мороз стоял хороший – наш, сибирский, градусов под сорок, поэтому представители Страны восходящего солнца долго на улице не задержались. Осмотрели газлифтную установку, посетили спортзал в арочном складе, сфотографировали женщин, стоящих в очереди за питьевой водой у «водовозки», ребятишек в кисах и шапочках из лебединого пуха...

А когда вернулись в Сургут, сказали: нам бы один ваш факел приоб-

рести в эксплуатацию и ту технику, которая, скованная болотами, лежит по обочинам дороги, мы бы через пару лет стали миллионерами. Вот такой урок нам преподали в середине восьмидесятых японцы.

О том, что горящие факелы – факт проявления бесхозяйственности и их надо тушить, руководство объединения «Сургутнефтегаз» знало и без японцев. Об этом вообще все знали. В том числе и правительстве. Просто не хватало производственных мощностей, поэтому приоритеты расставлялись в пользу добычи. Нефть требовалась здесь и сейчас. И как можно больше. Тем не менее Богданов и его команда раньше других кардинально занялись решением этой проблемы. Они выстраивали экономическую политику таким образом, что постепенно грозно бушующее пламя, вырывающееся из многочисленных труб, стало гаснуть. Теперь, подлетая к Сургуту, уже нельзя определить приближение самолёта к конечной цели по «свечкам», торчащим из земли и указывающим путь к аэродрому. Молодёжь про это не знает. А на глазах ветеранов и с их непосредственным участием в «Сургутнефтегазе» стали не только добывать попутный газ в качестве углеводородного сырья. Теперь осуществляется полный цикл его утилизации, переработки, реализации. Фактически создан самостоятельный сектор деятельности, способный приносить прибыль, и обладающий большим коммерческим потенциалом. В 1999 году на отдалённых месторождениях (Тянском и Канитлорском) были пущены в эксплуатацию первые в России газотурбинные электростанции. Бывший газоперерабатывающий завод, построенный японцами в середине 80-х, в третьем тысячелетии стал структурным подразделением «Сургутнефтегаза». В результате утилизация попутного нефтяного газа вплотную приблизилась к ста процентам (!).

Не так быстро, как хотелось бы, но целенаправленно на промыслах стали наводить должный технологический порядок. Затонувшую технику убрали. Сейчас не увидишь следы бесхозяйственности, которая царила в советские времена в период бурного освоения подземных кладовых. На каждом промысле, в каждой буровой бригаде есть столовые, где кормят вкусно, как дома, с пирожками и плюшками, с выбором салатов, первых и вторых блюд. И недорого. Потому что объединение компенсирует стоимость питания на месторождениях.

На каждом нефтепромысле вместо балков и вагончиков построены комфортные помещения для работы специалистов, установлена надежная спутниковая связь. Повсеместно проведено благоустройство

территорий. Даже на самых отдалённых участках, расположенных за сотни километров от города. С цветами и комнатами отдыха. О такой культуре производства в 60–70-х годах даже не мечтали. А механизация трудоёмких процессов и внедрение новой техники и технологий – это вообще отдельный разговор.

Первое интервью

Однажды в канун Нового года я (собкор областного комитета по телевидению и радиовещанию) пришла в кабинет генерального директора Богданова за первым интервью. Тогда контора производственного объединения «Сургутнефтегаз» располагалась в здании по улице Губкина, и попасть к главному лицу градообразующего предприятия нефтяников можно было очень просто. Хватало звонка в приёмную.

Он нервно ходил по кабинету. То садился в кресло, то вставал и снова отправлялся до двери и обратно.

Мы с оператором терпеливо ждали.

– Давай, Катюша, я лучше обо всём тебе напишу.

– Что вы, Владимир Леонидович, мы же не из газеты! – испугалась я. – Нам «картинка» нужна... и ваш голос.

– Нет-нет, на телевидение записываться не буду, – принял категорическое решение. – На радио ещё куда ни шло...

Почему-то сразу поняла: не будет «генерал» записываться на камеру. Внутренне не готов. Отправила оператора в машину, а сама стала настраивать на предстоящую запись, пообещав, что всё «лишнее» мы «вырежем».

– Я клянусь вам! Вы мне верите?

Мне и правда было совершенно необходимо записать интервью с самым молодым в отрасли «генералом». Кстати, вторая половина 80-х годов для нефтяной промышленности была сложной. В связи с этим мой руководитель (а ему порекомендовали сделать это в обкоме КПСС) дал задание: записать Богданова, – и я не имела права его не выполнить. Вот и уговаривала, убеждала. С телевидением в ту пору было сложнее. Мы работали на «кинорах» – это кинокамера. И каждая «бабинка» на две минуты с четвертью находилась на учёте. Если из этого времени в эфире не окажется хотя бы половина, из зарплаты оператора высчитывали её стоимость, как за брак. Такие жёсткие правила обязывали очень бережно относиться к каждому метру киноплёнки и уж если снимать что-то или кого-то, то наверняка. Видя состояние и настроение

Владимира Леонидовича, я пожалела оператора. У него – трое детей, и зарплата не то, что у нефтяников. Кратко ниже.

Когда мы остались в кабинете одни, Богданов признался:

– Не люблю записываться.

– Я не встречала ни одного человека, который бы «любил» записываться, – вздохнула с сожалением. – Только вы-то ещё не пробовали. Давайте попытаемся. Если вы откажетесь, у меня будут неприятности, – этот последний аргумент, который я смогла придумать, чтобы получить его согласие, «сработал».

Проговорили около часа. Обо всём. Сначала микрофон ему мешал, а потом, как это происходит практически со всеми ответственными людьми, профессионалами в своём деле, Владимир Леонидович про него забыл.

Далее привожу наш разговор в сокращении.

– Какой день в прошлом году вы считаете самым удачным? И на-оборот?

– Трудно сказать. Для меня весь год как один день. Были разные дни – удачные и не очень. Я радуюсь, когда въезжают в только что построенный дом новые жильцы, и хоть несколько десятков семей улучшают свои условия. Радуюсь, когда оживает детский сад или в новой, хорошо оборудованной больнице люди получают облегчение. В начале пятилетки у нас было пять тысяч мест в детских садах, а в этом году уже 13 тысяч, согласитесь, это немалый сдвиг.

– То есть свои удачи и неудачи вы связываете с социальными делами в коллективе...

– В основном. Когда лучше живётся людям не только в социальном, но и в экономическом плане, когда что-то удаётся сделать для коллектива, для его благосостояния, тогда и приходит удовлетворение.

Были и неудачи. Мы не смогли выполнить план 1989 года по вводу жилья на Новой Фёдоровке, в Лянторе. Срыв плана тяжело скажется на коллективе.

Сравнивая наше экономическое положение с другими нефтедобывающими объединениями главка, скажу, что «Сургутнефтегаз» – чуть ли не единственное (не считая Урала) – справляется с госзаказом. В очень сложных условиях оказались нижневартовцы, нефтеюганцы, которым пришлось взять кредиты на кабальных условиях. И если не сегодня, то очень скоро наступит время, когда долги придётся отдавать.

Неудачным можно назвать год и в вопросах научно-технического прогресса, хотя мы предприняли в этом направлении много шагов: и с институтами работали, и на заводы выходили. Но корень зла в том, что машиностроители топчутся на месте, нет принципиально новых разработок, новых машин, технологий, оборудования. Сегодня не приходится рассчитывать на что-то лучшее. Механизм ценообразования позволяет заводам увеличивать цены на свою продукцию, которая ничуть не лучше, а в некоторых случаях и хуже прежней. И никуда не денешься – приходится покупать по двойной цене.

– Легче или труднее стало работать в нынешних условиях?

– Никогда работа генерального директора лёгкой не была! У нас громадный, разноплановый коллектив. И заботы в основном остались те же. Осложнились отношения с поставщиками, со смежными строительными организациями. Сегодня их у нас 1800.

Как раньше я работал с 7 до 22–23, так и сейчас. Часов в сутках не прибавилось. Одни проблемы ушли, другие выплыли на первый план. По-моему, легче никогда и никому не будет. Это работа.

– Если бы вы стали министром, что бы попытались изменить?

– Самое плохое дело, когда кто-то из вышестоящих начинает влезать в дела подчинённых ему предприятий, поучать, указывать. Этого делать нельзя! Снизу лучше видно. Другое дело, если руководитель увидит рациональное зерно в новом деле и поможет его пробить в верхах, довести до логического конца.

Сегодня много нововведений – законов, указов но, к сожалению, не всегда всё продумано до конца. Введём какое-то новое положение, а потом начинаем придумывать, как с ним бороться... Яркий пример тому – закон о кооперации, о госпредприятиях. Считаю, что нужна персональная ответственность за все решения, которые принимаются. На любом уровне – от правительства и министерства, до мастера и бригадира. Легче всего – шашку наголо и вперёд! Нужно не только увидеть цель, но и продумать пути к её достижению.

– Что вы любите делать?

– Работать. Люблю общаться с людьми в профессиональном плане. Люблю рыбачить. Только в Сургуте ни разу не пришлось. Дома, в деревне, бывает, выбираюсь на речку. Вообще больше всего люблю в деревне у родителей отдыхать. Читать люблю, но времени для этого очень мало остаётся. Хотя за прессой – периодикой – внимательно слежу.

— А чего не любите?

— Не люблю пустых фраз и общих рассуждений. Предпочитаю, чтобы люди чётко и конкретно излагали свои мысли. Не люблю, когда время теряется попусту. Не зря говорят: время — деньги. Это — категория экономическая. И если на что-то потратил время, должен быть какой-то результат. Пусть отрицательный, но результат.

— У вас есть заветная мечта?

— Есть: чтобы каждая семья имела отдельную квартиру. Поверьте, это не пустая фраза! Я глубоко убеждён, что каждый человек, работающий в наших суровых условиях, должен иметь всё. Особенно в социальном плане.

— Эта мечта сформировалась у вас на приёмах по личным вопросам?

— Да. Хотя не только на них. Когда приходит человек, ему нужно срочно помочь, а я не могу (нет лишних квартир!) — искренне переживаю, и душой и сердцем переживаю! Но, чтобы это положение изменить, надо работать, строить жильё, бороться за прибыль, чтобы иметь деньги. Бороться с подрядчиками, чтобы не выбросили из плана какую-то строчку, которая обернётся потом непостроенным домом. Бороться за чёткую поставку конструкций. Ну и самим как следует работать в этом плане.

Второе — здоровье людей. Мы уже многое сделали для нашей медицины и в строительстве, и в приобретении оборудования. Сегодня оснащённость наших больниц и поликлиник значительно выше, чем у других. А на будущий год мы наметили купить за рубежом различного оборудования на три миллиона долларов, и тогда оснащённость нашей медсанчасти будет на несколько порядков выше, чем в городе, а может, и области. Мы закупаем диагностический центр (таких в стране всего два-три). А это значит, что нашим людям не придётся мотаться в Москву, Тюмень. Они смогут пройти полное обследование в Сургуте.

Здоровье людей — самая большая ценность. К сожалению, у нас начинают заниматься здоровьем, когда его надо лечить. А профилактика — пока дело десятое. Чтобы изменить такое отношение, мы и решили поставить диагностику на самый современный уровень.

Ну и спорт. За последние годы мы много сделали в этом направлении. К примеру, плавательные бассейны в Сургуте и в Лянторе. Конечно, этого мало! Надо набирать темпы. Слишком много накопилось проблем. Но нельзя не признать, что сдвиг всё-таки большой».

Вот такой разговор состоялся в канун 1989 года. Анализируя содержание пресс-конференций за последующие двадцать с лишним лет, на которых мне удалось присутствовать, Владимир Богданов мало в чём изменился. Правда, вопросы звучат иные. Да статус предприятия не тот (всё-таки объединение – не нефтяная компания). А заботы остались прежними – о людях, о городе, о стране.

Богданов добился, чтобы профилактикой здоровья сибиряков всё-таки стали заниматься всерьёз. Рядом со стареньким профилакторием появился санаторий «Кедровый лог», построенный по инициативе и на средства нефтяной компании «Сургутнефтегаз». Его торжественно открыли в ноябре 2000 года, а первыми пациентами стали ветераны-нефтяники, которые прошли здесь курс лечения совершенно бесплатно.

Событие это на первый взгляд парадоксальное. Ведь в регионах с более мягким климатом в те годы санатории не строили, а тут на севере появляется великолепная здравница, оснащённая по последнему слову медицинской техники, где пьют целебную сибирскую воду и лечатся целебными сибирскими грязями ежегодно более шести тысяч северян.

Казалось бы, зачем это Богданову? Предприятие вступило в рыночные отношения, страна от недостроенного социализма развернулась к капитализму, и тут требуются совершенно иные подходы к распределению капитала. Но у генерального директора «Сургутнефтегаза» в понятие «капитал» вмещаются не только финансы, не просто производственные мощности, запасы сырья и прочее. Для него основа капитала – это люди. Потому что именно человек, его интеллектуальные и физические возможности предопределяют успех любого дела. Он это понимает и делает для своих специалистов всё, от него зависящее.

Отвечая на мои вопросы во время открытия санатория, он сказал:

– Недаром говорят: «Здоровье не купишь». Учитывая условия Западной Сибири, когда природа и погода не балуют, когда труд – не-лёгкий, особенно на промыслах, думаю, вложение средств в человека будет достаточно эффективным. Отдача от этого несоизмерима даже с инвестициями в новые технологии, потому что техника и технологии без интеллектуального потенциала специалистов – просто груда железа. Тем более что эти средства человек заработал. Надеюсь, таких медицинских учреждений будет больше, и, может быть, даже лучше.

Санаторий нефтяников стал знаковым явлением не только для жителей региона, но и для всей России. А сургутяне и сейчас считают его социальной «изюминкой города».

«Белая ворона»

Шла перестройка. Убеждена – самое ужасное и трудное для страны время. Добыча нефти буквально за несколько лет сократилась на сто миллионов тонн. Цены на нефть на мировом рынке упали. Некогда мощная экономика страны разваливалась на глазах...

Весной 1992 года сразу в нескольких структурных предприятиях объединения «Сургутнефтегаз» возникла предзабастовочная ситуация. Нефтяники высказывали недовольство заработной платой, которая в соседних городах была значительно выше.

– Куда смотрит «генерал»?! – возмущались некоторые. – Убрать его, заменить немедленно! (Напомню, тогда было в моде «выбирать» себе руководителей).

Но Владимир Богданов в то время думал не о том, как удержаться у руля власти. Он понял, просчитал, что наступивший кризис неминуемо приведёт к падению добычи нефти. И занимался тем, как удержать её, не допустив критического уровня.

Гонка за авторитетом у рабочих таким дешёвым способом, как по-дачка в виде увеличения зарплаты при сложившейся в стране критической ситуации, ни к чему хорошему не приведёт. Об этом он говорил на пресс-конференциях, отвечая на вопросы журналистов. А когда «Сургутнефтегаз» акционировался, Богданов отстоял своё право зарегистрировать нефтяную компанию в городе, а не в Москве, как это сделали нефтяники соседних территорий. При переходе на новые экономические рельсы ещё многие не понимали, чем закончится это неординарное решение. И вообще не понимали, почему Владимир Леонидович делает так, а не иначе. То есть не так, как все. Он же, досконально разобравшись в сложнейшем этапе политического и экономического реформирования, объяснял свою позицию нам, журналистам, чтобы мы тоже понимали, *зачем, для чего и для кого* он всё это делает. Ответ был однозначным – для коллектива, для города, для округа. Чтобы выжить и развиваться дальше. В центральной прессе бойкие журналисты называли его «белой вороной»...

Действительно, у Богданова на всё существует своя точка зрения. Приватизацию энергетических объектов, в том числе и нефтяных, он

воспринял без восторга. Считал, что государство в очередной раз обманет нефтяников. Когда раздавался хор за повышение цены на нефть, голос Богданова звучал соло. Он – против. Понимал: это приведёт к новому витку инфляции, от которой никому лучше не станет, в том числе и добытчикам ценного углеводородного сырья.

…Итак, Советский Союз распался на несколько независимых государств. Многие предприятия, ранее обеспечивавшие промышленные отрасли (в том числе и Западную Сибирь), оказались за пределами России. Хоть и в ближнем, но все-таки зарубежье. Помню, «Сургутнефтегаз» в те годы закупал где мог оборудование, трубы различного назначения, технику, запчасти, строительные материалы… Делалось это для того, чтобы обеспечить на ближайшее туманное будущее некоторую перспективу для своего коллектива. Естественно, насколько это было возможно в период раз渲ла государственной экономики, когда привычные вертикальные связи разрушены, а горизонтальные ещё не родились.

Богданов и его команда занялись… установлением горизонтальных связей. Благодаря напряженной работе у «Сургутнефтегаза» было меньше простоев, чем в других нефтяных предприятиях Среднего Приобья. Намного лучше обеспечивались тылы, чётче обозначались рельефы будущего. Здесь по-прежнему добывали, строили, бурили…

Как-то, будучи в Когалыме на пуске мини-завода по переработке нефти для нужд ЛУКойла, с удивлением узнала, что в нефтяной компании прекращено бурение, бригады расформированы. Специалисты разбрелись кто куда.

– А как же будущее? – спросила, не удержавшись. – Ведь «нефть – на кончике долота!»

– Пока хватит того, что набурили, а там видно будет, – неуверенно ответил сопровождавший журналистов специалист.

В противовес соседям Богданов укреплял проходческие службы. Мало того, в самые сложные годы он не сократил ни одного человека. Коллектив постоянно рос на сотни, а то и на тысячи человек. Даже новые структурные подразделения появлялись. Одно из них – Управление поисково-разведочного бурения (УПРР), которое возникло в результате перестройки.

Решение не для слабонервных. Дело в том, что в середине 90-х годов, когда экономические реформы, пройдя через лабиринты экспери-

ментов, зашли в тупик, одними из первых пострадали геологоразведочные предприятия. Информация о недрах всегда была дорогостоящей. Обнищавшая Россия уже не могла оплачивать своё будущее. В результате крупнейшее в бывшем СССР объединение Обненефтегазгеология развалилось. Чтобы удерживать добычу на должном уровне, требовалось восполнение запасов, то есть поиск новых нефтяных месторождений. Тогда-то Владимир Леонидович и издал приказ: создать собственное разведочное управление!

Первопроходцы Салманова пятьдесят с лишним лет назад и не мечтали, что на службе у геологов окажутся добрые, удобные в эксплуатации буровые установки, современная техника, спутниковая связь с диспетчерской управления и телевидение на десятки программ, компьютеры, белые простыни в тёплых вагончиках, столовая. Те, первые, и мёрзли, и вкалывали, часов не наблюдая, и в палатках жили, еду на костре готовили...

Сегодняшним – проще. Во всех отношениях. Хотя природных сложностей не убавилось. Морозы по-прежнему трескучие, снега – глубокие, болота – непроходимые, гнус – такой же надоедливый, и меньше его в тайге не стало. Просто защищаться научились лучше. И ещё много чему научились. Не зря «Сургутнефтегаз» все эти годы является лидером отрасли по объёмам геологоразведочного бурения, в основе которого лежат мощное научное обеспечение и применение современных методов исследований подземных глубин. Богданов и здесь не ошибся. Под его началом удалось выйти на небывалый объём бурения – и эксплуатационного, и разведочного, в котором создан необыкновенный сплав науки и производства. Уже через три года запасы нефтяной компании приросли на 25 млн тонн (!).

Сибирский затворник

Французский философ Лоуренс Питер сказал: «Экономика – есть искусство удовлетворять безграничные потребности при помощи ограниченных ресурсов».

Сегодняшняя позитивная экономика «Сургутнефтегаза» создавалась не один год высокопрофессиональными людьми команды Богданова. Единомышленниками. Они раньше других научились грамотно выстраивать стратегию и тактику развития как самого производства, так и финансовых потоков. Давно поняли, что только бережная разработка месторождений, постоянная забота о поддержании в рабочем состоя-

ний фонда скважин может привести к стабильному наращиванию добычи нефти.

В сложные 90-е Богдановставил перед коллективом задачу любым способом вернуть в работу скважины, «законсервированные» много лет назад. Казалось бы, ну что с них взять? Две тонны в сутки? Это же мизер! Ничего подобного! Началось внедрение новых эффективных методов оптимизации работы скважин. К примеру, гидравлический разрыв пласта. Закупили за рубежом необходимое оборудование, обучили своих специалистов и... вперёд!

Или другой способ, о котором он рассказывал на одной из пресс-конференций:

Чтобы поддерживать фонд скважин в нормальном состоянии, надо вводить новые запасы, на разрабатываемых месторождениях применять вторичные и третичные методы повышения нефтеотдачи пластов, что мы с успехом и делаем. Например, внедрили зарезку боковых стволов. Получили хорошие результаты: скважины, которые давали по 2–3,5 тонны, сегодня дают 50–60 тонн. Эти показатели говорят о том, что у нас довольно большой запас прочности, как по запасам нефти, так и по применению новых технологий.

Использование высокоэффективных методов позволило увеличить отдачу пластов в несколько раз, старые месторождения дают дополнительный прирост добычи. Неработающий фонд уже много лет не превышает 8–9 процентов.

Очень многими вопросами приходилось заниматься Богданову в достопамятные 90-е. Даже такими, как обеспечение рабочих колбасой, мясом, одеждой, овощами и фруктами. Всё это приобреталось по бартеру, в обмен на нефть. Или на основе прямой договорённости с колхозами, совхозами, расположеннымими на юге Тюменской области, которые тоже испытывали большие трудности.

Постепенно гул недовольных голосов утих. Может, поверили своему «генералу», а возможно, информация о явных неудачах соседей убедила (Самотлор пришёл в упадок, в НК ЮКОС стали «пачками» сокращать специалистов, так как платить стало нечем). Сургутские нефтяники поняли, что Богданов и тут оказался прав. Он не только видел перспективу на десятилетия вперёд, но и создавал под неё базу. Вскоре повысилась зарплата, появилась прибыль. Нефть стали добывать сверх государственного заказа. Не в пример остальным предприятиям Западной Сибири, оказавшимся в числе должников перед государством.

В те же годы поставщики узнали «Сургутнефтегаз» как порядочного платёжеспособного заказчика. Даже когда оно находилось на карточке из-за того, что потребители не могли своевременно перечислять на его счёт деньги за нефть, Владимир Леонидович всегда рассчитывался с заводами-изготовителями. Это обстоятельство помогло завоевать авторитет и уважение не только в стране, но и за её границами.

Богданов первым создал в своём объединении сначала отдел, а затем фирму по работе с зарубежными странами. В Сургут стали приезжать специалисты со всего мира. Искали контакты, пытались заключить выгодные для себя сделки. «Сибирский затворник» не пресмыкался перед иноземцами, в рот им не заглядывал. Переговоры вёл только с теми, в ком сам заинтересован и кто мог принести реальную пользу. С руководителями некоторых фирм установил тесные личные контакты. Всегда гордился, что специалисты его команды ничуть не хуже, а в чём-то даже пре-восходят американских. Теперь Богданов знал это наверняка, потому что выезжал за рубеж, знакомился, сравнивал, оценивал. Хотя в техническом отношении (и в этом он тоже убедился воочию) российские нефтяники отставали на десятилетия. Поэтому старался приобрести всё новое, за что было способно заплатить акционерное общество. Началась повсеместная автоматизация и компьютеризация промыслов. Была создана единая система учёта, движения и контроля над основными производственными фондами, стоимость которых оценивалась триллионами рублей.

Некоторые считали Богданова прижимистым, даже скучным. Восторгались, сидя на кухне: «Ах, соседи в Нижневартовске дворец построили не в пример Сургуту. И артисты перед ними на День нефтяника выступали самые популярные и дорогостоящие». Что ж, так оно и было. Дворец культуры и техники «Нефтяник» в то время даже приличной аппаратуры не имел. Новый – пока (и до сих пор) только в проекте. Зато для медсанчасти за нефтеллары в 90-х годах закупили уникальное диагностическое и стоматологическое оборудование, какого не имел не только областной центр, но даже лучшие московские клиники (ведь дело доходило до того, что люди ожидали своей очереди по записи к стоматологу по полгода!). Я помню, во время одной из бесед Владимир Леонидович пообещал, что сургутяне будут иметь «хорошие здоровые зубы, и обеспечивать это будут местные эскулапы». И ведь добился своего! Я сама лично режиссировала в телерадиокомпании Сургутинтерновости прямой репортаж с первой операции по вживлению зубов. В то же время были приобретены искусственная почка,

ожоговые кровати и многое другое – самое современное и уникальное. Обучаться работе на импортном оборудовании местные специалисты ездили за рубеж. Средства на это тоже выделял «Сургутнефтегаз».

В 19 детских садах и 25 школах, находящихся тогда на балансе нефтяников, установили компьютерные классы. Мы с оператором Юрием Мингалевым снимали об этом видеосюжет для программы Центрального телевидения «Доброе утро». В те годы это вызвало удивление и восторг жителей всего Советского Союза. В той же программе мы рассказывали, что в районах Крайнего Севера нефтяники с помощью предприятий (поднять нашу тяжелую болотистую почву в одиночку просто невозможно на свою зарплату) строят дачи и выращивают на них (помимо привычных овощей и ягод) арбузы (!), в теплицах, конечно.

– На протяжении последних пяти лет (пресс-конференция от 29 декабря 2001 года) больше, чем «Сургутнефтегаз» в нефтяном комплексе никто не вкладывает средств. Мы только в этом году вложили 43,7 млрд рублей. Инвестиции эти идут не только в сферу производства, но и на человека. Ведём строительство новых объектов социальной сферы – это жильё и объекты соцкультбыта, поддерживаем действующую инфраструктуру. Вкладываем в людей, которые у нас трудятся, как в плане оздоровления, так и в плане обучения. Почти 2700 человек учатся по нашим направлениям в вузах! Прибавьте к этому поддержку пенсионеров и малоимущих, благотворительность и прочее. Это тоже инвестиции.

К разряду нововведений следует отнести и учебно-научный центр «Нефтяник Сургута», открытый в бывшей альма-матер – Тюменском государственном нефтегазовом университете по предложению Богданова. Сюда на оснащение лаборатории специальным оборудованием направлено 50 миллионов рублей. Кстати, подобные лаборатории есть только в Санкт-Петербурге.

Микрорайоны нефтяников тогда считались самыми чистыми и благоустроенным, самыми надёжными по теплу и водоснабжению. Я говорю «тогда», потому что в те годы всё это входило в структуру сначала объединения, а затем и акционерного общества, пока не передали «непрофильные активы» городу. Перечислить же всё, что делалось и сейчас делается в «Сургутнефтегазе» в социальном плане, просто невозможно. Да и нужно ли? Знаем об этом не понаслышке.

Политика и нефть?

Эта связка образовалась, пожалуй, с тех времён, когда правительство признавало стратегическое значение углеводородного сырья для экономики страны. С годами это влияние только усиливалось, а когда в Западной Сибири произошли великие открытия и нефть потекла рекой в трубопроводную сеть Центральной России и за рубеж, нефтедоллары помогли спасти СССР от коллапса. Это поняли даже ничего не смыслящие в экономике люди.

Но для того, чтобы по-прежнему получать валюту, следовало, как и раньше, «выполнять и перевыполнять» планы и дополнительные задания. А во времена подчас просто потрясающих реформ, рождённых перестройкой, делать это стало почти невозможно. Требовались кардинально новые решения и законы. Их ещё предстояло создать.

Обивая пороги министерств, Богданов понял, что его просьбы и доводы станут результативнее, если он войдёт в структуру государственной власти. И Владимир Леонидович рискнул баллотироваться в народные депутаты РСФСР.

Его избрали. Депутат Богданов вошёл в группу «Экономисты и руководители». Принимал активное участие в разработке Закона о недрах, в создании нормативных актов, которые на протяжении нескольких лет тормозили развал нефтяной отрасли. И всё-таки оставался недоволен.

Очередной раз, отвечая на вопросы журналистов (это произошло после съезда), выразил нелестное мнение о том, что пока во всём «много пустословия, мало дел».

В 1992 году я записала на магнитофон его выступление на съезде. К сожалению, оно сохранилось только в распечатанной фонограмме. Но я хорошо запомнила его настроение. Богданов говорил резко, чётко, решительно. И в этой звенящей решимости звучало столько боли за страну, за судьбу нефтяной отрасли, за «Сургутнефтегаз» и его людей! Наболело...

— Энергетический кризис при нынешних темпах спада производства может подступить в ближайшее время, что скажется на жизненном уровне всего народа. Идёт спад. Если в 1988 году добыча нефти составила 570 млн тонн, то в этом — 392. За последние три года не добыто 340 млн тонн нефти, что равносильно непоступлению в народное хозяйство страны более 40 миллиардов долларов США, которых сейчас явно не хватает и которые мы лихорадочно ищем во всём мире.

В чём причины?

Первое. Непродуманная политика в 1984–1990 годах, когда цены на нефть и нефтепродукты были довольно низкими и было сокращено бюджетное финансирование. Усугубилось финансовое положение отрасли из-за ошибок, связанных с регулированием цен на энергоносители в начале этого года. В то время как во всех смежных отраслях промышленности цены были отпущены.

Непосильный налоговый пресс. Сегодня более 85% доходов уходит в бюджет. Нам не нужно давать, с нас надо брать то, что мы сможем дать, — нефть без ущерба для производства.

Взаимные неплатежи, связанные с плохой работой банковской системы, составили колосальную цифру. Только за десять месяцев этого года долг за поставленную нефть составил более 310 миллиардов рублей! Отсюда, естественно, не идёт поступление средств и в бюджет, и в сферы народного хозяйства, финансирование которого предусматривалось из бюджета.

Средства ходят между банками по 2–3 месяца. В результате предприятия вынуждены в этих банках брать кредитные ресурсы — фактически свои же деньги — и оплачивать громадные, бешеные проценты. Произвол полнейший! Никто не занимается производством — все бросились искать свои деньги из-за вакханалии в банковской системе. Надо положить банковскому беспределу конец.

Коммерческие банки, Борис Николаевич, не выполняют ваш Указ о безотчётном порядке взыскания задолженности с потребителей за энергоносители.

Он говорил и верил, что в Кремлёвском Дворце съездов собирались такие же депутаты, как и он, радеющие за Родину, пытающиеся найти выход из кризиса, в котором оказалось государство в первые годы правления Бориса Ельцина. И что сейчас, объединив умы, избранники народа сделают что-то конкретное, найдут те, пусть даже маленькие на первый случай артерии, по которым потечёт живительная влага для питания оголодавших и задыхающихся от нищеты и безрассудства правления новой власти территорий, отраслей, управлением демократического пошиба.

Его слушали внимательно. Зал то и дело одобрительно шумел. И председатель президиума очнулся только на восьмой минуте, нарушив установленный пятиминутный регламент. Стал останавливать Богданова, но тот всё-таки досказал то, что намеревался.

— Нужна государственная энергетическая программа. До её разработки следует принять Указ Президента об ускоренном вводе новых месторождений. Если этого не сделать, то уже в 1995 году Россия будет покупать нефть за границей за валюту. Это я, как специалист, ответственно заявляю.

…Правительству необходимо разработать постоянные правила игры. Мы устали оттого, что каждый день приносит что-то новое и нельзя спланировать свою работу даже на ближайшее время. Я считаю, что правительству, прежде чем выпускать какие-то основополагающие документы, следует обсуждать их проекты с промышленниками. Тогда будет меньше ошибок.

Какое тяжёлое время!.. И для России, и для «Сургутнефтегаза», и для генерального директора, его команды. Только сейчас, спустя годы, понимаешь, как непросто было выживать в непредсказуемых условиях, которые сложились тогда в стране. Каким великим умом следовало обладать, чтобы смело и уверенно вести свою политику и не ошибиться в расчётах.

Позже мы узнали (опять же на пресс-конференциях), что в свободное от заседаний съезда время Богданов ходил по правительенным кабинетам и «пробивал» наказы избирателей, которые можно было решить только на самом верху. В результате в летний период в южном

направлении ввели дополнительные железнодорожные поезда и авиа-рейсы, возобновилось строительство аэропорта в Когалыме, в Сургуте появилось мясо...

А вот речь Богданова на съезде такого решительного действия не возымела. Ещё несколько лет он сетовал на то, что «правила игры постоянно меняются»... Наверное, тогда и понял, что на «дядю» в решении сложнейших задач надеяться нельзя... Какой бы пост этот «дядя» ни занимал. Расчёт – только на себя. Потому и выработал собственную стратегию выживания при постоянно меняющейся ценовой политике, при неработающих законах во всех сферах российского бытия.

– Рынок – это своеобразный «живой организм», который требует своевременных профилактических мероприятий для того, чтобы организм этот не заболел.

...Надо каждому подразделению, каждому человеку заняться реальной экономикой. А экономить есть где: чтобы не ломали, не тащили, не списывали то, что сегодня ещё может принести пользу (цитата с пресс-конференции).

Нефтедоллары с начала освоения Западной Сибири постоянно привлекали в наш край самых высокопоставленных гостей. Только за время моей журналистской практики Сургут посещали Косыгин, Дымшиц, Долгих, Рыжков, Хазбулатов, Горбачёв, Лигачёв, Ельцин... В особо трудные времена проблемы нефтяников решались на выездных заседаниях коллегии Совета Министров СССР.

И вот Путин... тоже однажды прибыл... пока ещё в роли исполняющего обязанности Президента России. Его сопровождали практически все члены правительства, представители федеральных органов исполнительной власти и топливно-энергетического комплекса. Только журналистов различных средств массовой информации насчитывалось около ста человек.

После встречи в аэропорту Владимир Владимирович вместе с Богдановым и Филипенко (в ту пору губернатор нашего округа) сели в один вертолёт и совершили облёт объектов нефтегазовой отрасли Сургутского района.

Не буду описывать, где они побывали и что делали. Обо всём этом в своё время было рассказано в средствах массовой информации. Местных журналистов помимо аэропорта допустили лишь на выставку промышленного оборудования, которую (как во время пребывания

Горбачёва) организовали на территории одной из производственных баз. Правда, уровень её оказался значительно выше. И вновь Владимир Леонидович стал главным «гидом».

Тогда меня, да и всех других, поразило оборудование экологического направления.

— Оно очень дорого стоит, но совершенно необходимо в производстве, — заметил Богданов. — Одному предприятию не по силам приобретать. Нужна договорённость о снижении цен, чтобы двигаться в этом направлении дальше.

— Да с такими, как ты, Володя, мы горы свернём! — Путин широко улыбаясь, довольный, хлопнул Богданова по плечу, а затем слегка прижал к себе. — Будем решать!

Толпа высоких гостей прошла мимо, а я так и осталась стоять, потрясённая эмоциональностью будущего президента страны, так панибратски отметившего своё доверительное отношение к нашему «генералу».

Вечером в бизнес-центре «Сургутнефтегаза» состоялось совещание по развитию топливно-энергетического комплекса России. Это была обычная производственная «заседаловка», где каждый из выступающих говорил о своих проблемах. А боль головная, как выяснилось, у всех одна. За 15 лет перестройки не имелось возможности развивать

промышленность. У кого это получилось, тот сейчас находится на высоте, но таких в России мало. Среди них – сургутские нефтяники во главе с Богдановым. Да и тот сетовал: оборудование выработало свои ресурсы. Его нужно в срочном порядке заменять. Для этого нужны средства. А где их взять? Путин ответить не смог. Да и не был уполномочен. Выборы президента состоялись лишь через два месяца. К этому времени должны были подготовить решение правительства по итогам прошедшего совещания. Оставалась только надежда, что от высказанной боли найдётся «лекарство» после 26 марта, кто бы ни был избран на самую высокую государственную должность.

...Вот уже многие годы Богданов возглавляет один из лучших в стране коллективов. Менялись руководители министерства, главы правительства, президенты. Но кто бы ни становился у руля верхних эшелонов власти, мнение о генеральном директоре «Сургутнефтегаза» остаётся по-прежнему однозначным, а уровень уважения с годами только растёт. Знаю из достоверных источников, что его неоднократно звали работать в Москву, в министерство. Не соглашается, отвечает, смеясь: здесь моя родина, здесь моё дело.

С годами политических амбиций у этого человека так и не появилось, хотя Владимир Леонидович хорошо разбирается в большой политике. Иначе не выстоял бы против «кремлёвских акул». Именно государственное мышление помогло благополучно пережить дикую инфляцию, затем не менее диковинную приватизацию, дефолт, смену партий, правительства... И во все времена он был нужен государству... Людям этого государства. Прежде всего, конечно, сибирякам. К коим принадлежит по роду-племени.

Олигарх. Олигарх?

Однажды, зайдя в кабинет одного из начальников управлений, увидала на стене портрет Богданова... Рядом – «традиционный» портрет главы государства. Им уже был Путин.

– Это что, новое проявление культа личности на уровне одной нефтяной компании? – поинтересовалась, улыбнувшись.

– Нет, это дань уважения нашему руководителю.

– «Прогнуться» решили?

– Да что вы! У нас почти в каждом кабинете начальника структурного подразделения есть его портрет.

Вспомнила, что в своё время так почитали Сталина. То была дань уважения вождю, жёсткому, но умному вершителю судеб, который из разрушенной империи сделал сильнейшую в мире державу. И ещё вспомнила, что у меня тоже есть портрет Богданова. Только он не висит на стене, хотя суть его присутствия в моей семье – та же дань уважения. То, что Владимир Леонидович сделал из бывшего объединения «Сургутнефтегаз», а вместе с ним для города и округа, для людей, живущих на этой территории, никакой оценке не поддаётся.

Напомню, 19 марта 1993 года постановлением Совета Министров РСФСР создано ОАО «Сургутнефтегаз». С тех пор компания сформировалась как вертикально-интегрированная структура, объединяющая разведку, добычу, переработку и сбыт нефтепродуктов. Она исправно платит налоги во все уровни бюджетов; коллективом грамотно управляет команда единомышленников; люди прекрасно работают в достаточно комфортных условиях. Всё это вкупе позволило полностью обновить производство и накопить колоссальные финансовые ресурсы, коими не может похвастать ни одна нефтяная компания.

Знаю, Богданов иногда резок в общении с подчинёнными (сей факт давно вышел из разряда секретных). И это, на мой взгляд, «самое слабое звено» его личности. Он многое взваливает на себя. Обладая титанической работоспособностью, и других меряет по себе: не может человек трудиться так же, как он, значит, недостаточно хороший специалист. Владимир Леонидович ценит в людях прежде всего преданность избранному делу и профессионализм. Нерасторопность подчинённых его не просто раздражает – возмущает. Кадры на руководящие должности подбирает сам. Причём всегда имеет достаточный выбор. Личное общение с претендентами считает обязательным.

Инициативный, настойчивый, в чём-то даже упрямый, Богданов подбирает в команду себе подобных. Не боится ставить у руля молодых, способных, перспективных людей. Сначала меня это удивляло и несколько страшило: вдруг вчерашний студент не справится? Потом убедилась: всё он делает правильно!

Его побаиваются, но уважают. В том числе и рабочие. Мнение о нём настолько высоко, что к Богданову стремились попасть на приём во что бы то ни стало. Хотя иногда и здесь он не мог удержаться от резкостей. Зачастую разговоры шли примерно в таком ключе: это – ты сделаешь сам, это – твои прихоти, а это – решу я. И обязательно решит! В том, что

во время беседы он выхватит самую суть, никто не сомневается. Пишу в прошедшем времени, так как не уверена, ведёт ли сейчас генеральный директор приём по личным вопросам.

Всю свою профессиональную жизнь Владимир Богданов считает себя буровиком. В нём до сих пор проявляется «буровицкая закваска»: упорный характер, жёсткость, неимоверная выносливость, замешенная на тяжелейшем физическом труде, природные данные, педантичность, чёткое и точное исполнение технологических процессов, финансовой дисциплины. К тому же он талантливый инженер, очень пунктуальный человек, настоящий хозяин, патриот своей территории. К этим эпитетам можно присоединить ещё массу других, характеризующих Личность. Ибо всё это, вместе взятое, и привело к сегодняшним результатам: «Сургутнефтегаз» стал одним из флагманов российской экономики, нефтяной компанией мирового уровня, своеобразным оплотом порядка, а для города – визитной карточкой, его брендом, синонимом благополучия и стабильности.

Мой генерал

Многие годы я хочу объясниться этому человеку... в любви. Может показаться странным такое желание: журналист – генеральному директору что-то там такое... А ничего «такого»! Он заинтересовал меня как человек, как руководитель, как специалист высочайшего класса буквально с первой встречи.

Было это в конце 70-х. Во Дворце культуры и техники «Нефтяник» шло очередное совещание. В президиуме появилось незнакомое лицо – очень симпатичное, очень юное, очень строгое. Выглядел как мальчишка: худой, угловатый, а в глазах – озорная искринка.

«Новый секретарь комитета комсомола», – решили, пошептавшись, с коллегами. Ошиблись. Усольцев – тогдашний генеральный директор «Сургутнефтегаза» – представил: «Знакомьтесь, это мой заместитель по бурению Богданов». Вот это да!

Владимир Леонидович встал, немного смущённый вниманием устремлённых на него сотен глаз, кивнул головой. И потом долгие годы так и не мог привыкнуть к пристальному интересу, проявляемому к своей особе. Мне кажется, ему и сейчас легче, когда этот интерес минимален.

По жизни он во многом меня выручал. В самые трудные годы, когда я работала одновременно собкором на область (за что получала зарпла-

ту) и главным редактором и режиссёром ТРК «Сургутинтерновости» (за что зарплату не получала), в начавшийся период гласности приходилось делать много критических материалов. Естественно, это очень не нравилось бывшим партийным и советским руководителям, вставшим у руля демократической власти. Однажды меня не пустили на ответственное совещание.

– А «Сургутинтерновости» я сюда не приглашал! – заявил хозяин кабинета. Пока за столом переговоров сидело только два участника – Важенин и Богданов.

– Ты что?! – удивлённо воскликнул Владимир Леонидович. – Это же наша Катюша! – И уточнил, официально напомнив: – Екатерина Степановна Логинова – собственный корреспондент областного комитета по телевидению и радиовещанию.

Хозяину ничего не оставалось делать, как смириться с моим присутствием. А я поблагодарила генерального директора за поддержку. Ведь если бы он тогда не вмешался в ситуацию, даже не знаю, чем бы она для меня закончилась.

На протяжении многих лет общения во время поездок на месторождения Владимир Леонидович неоднократно удивлял меня. По разным причинам. Однажды в актовом зале (в старом здании по улице Губкина) проходила первая пресс-конференция с участием столичных журналистов различных СМИ. Владимир Леонидович, к тому времени уже вполне привыкший и к кинокамерам, и к микрофонам, и к каверзным вопросам журналистов, отвечал бодро, грамотно, практически не задумываясь и не заглядывая в бумаги, лежащие на столе. Он оперировал огромными цифрами, которые помнил, как азбуку.

Но когда наконец мне предоставили возможность (предпочтение отдавалось, естественно, москвичам) задать свой вопрос, Богданов совершенно неожиданно и для меня и для всех, произнёс:

– А ты, Катюша, и без меня лучше знаешь ответ на этот вопрос.

Не замечающие до этого момента местную прессу москвичи стали оглядываться и даже направили на меня свои объективы. По залу пронесся шепоток: «Кто это? А почему “Катюша”?».

В действительности это «Катюша» – закрепилось с тех времен, когда мы ездили на «рекорды буровиков». Как правило, все они возникали под Новый год. В любые морозы! Мы стояли друг против друга (я – держа микрофон в руке, он – произнося тёплые искренние слова благодарности за действительно герический труд людей одной из самых тяжёлых

и мужественных профессий). Время от времени я уходила в вагончик погреться, да и японская техника не выдерживала, если мороз жал под минус 50. Её просто нельзя было эксплуатировать ниже 20 градусов. А Богданов не покидал свой пост до конца митинга. Потом в вагончике мастера нам в железные кружки наливали разведённый спирт или водку, чтобы согрелись и не заболели. А однажды в мороз ботинки генерального директора примёрзли так, что подошвы отклеились. Случалось и такое... Но я что-то не помню, стал ли он после этого ездить на месторождения в унтах. Может, и ездил, только я не видела. Хотя в 80-е годы генеральный директор постоянно бывал на промыслах.

Когда в качестве юбилейного подарка я вручила ему экземпляр своей книги «Последняя четверть», Владимир Леонидович удивился:

– Как?! Ты выпустила её без нас? – сказал, перелистывая страницы. – Я думал, ты ко мне, а не к кому-то другому обратишься за финансовой поддержкой.

– Ещё не всё потеряно, – улыбнулась я. – Это только первая книга. Будет и вторая. Вот тогда...

– Понятно. А помнишь, как мы ездили к буровикам? – вдруг расчувствовался «генерал». – Как отмечали первые 100 000, 120 000 метров в столовой ЦДНГ-2... Какие были времена!

– Замечательные! – поддержала я неожиданные воспоминания. – В моей книге об этом тоже есть.

– Да? Обязательно почитаю!

– А время найдёте?

– Найду. Я обычно в самолёте всю литературу прочитываю. И вообще люблю читать. Правда, удаётся это лишь в отпуске.

Маленькое откровение, как распахнутая на мгновение душа, позволило ещё раз убедиться, до какой степени занят человек.

Благодаря «Сургутнефтегазу» я встала на ноги (в буквальном смысле слова) после инсульта в 1996 году. Предприятие предоставило мне путевку в Хевиз (Венгрия) за 10-процентную стоимость. Пройдя курс лечения на термальных минеральных водах, вернулась в Сургут вполне работоспособным человеком. И до сих пор хожу, а не ковыляю по этой земле. Если бы Богданов не подписал моё заявление, разве бы я нашла столько денег на лечение за границей... Да и впоследствии неоднократно восстанавливала здоровье в санаториях «Кедровый лог», «Нефтянике Сибири», что помогло выжить и до сих пор заниматься творчеством. Кстати, он вообще много помогает журналистской братии. И не только.

На ёлке мэра после официальной речи хозяев приёма Богданову обычно первому предоставляют приветственное слово. Вместе с супругой Тамарой Ивановной он поднимается на сцену и кратко говорит о том, чего достиг «Сургутнефтегаз» за прошедший год (то же самое затем делают и другие руководители крупнейших предприятий города). И всегда ему было чем гордиться за свой коллектив и всегда поздравления супругов Богдановых звучали по-особому тепло и искренне.

Богданов не чурается вместе со всеми водить хороводы вокруг ёлки, танцевать, хотя редко когда засиживается надолго. Здесь можно запросто подойти к нему и поговорить... о ближайших перспективах. К примеру, именно в предновогодний праздник Владимир Леонидович рассказал мне о том, что в структуре «Сургутнефтегаза» появился Талакан и что в связи с этим в Якутии предполагается широкомасштабное промышленное освоение. Я выразила желание непременно побывать там, и уже через четыре месяца поездка состоялась.

Приход в Республику Саха хозяйственников-акционеров (здесь помимо «Сургутнефтегаза» работают «Роснефть», ТНК ВР, «Газпром»), думается, поможет организовать новое огромное переселение в Якутию малоимущих народов из разных уголков Российской Европы, романтиков и карьеристов в хорошем смысле слова. Как это некогда уже про-

изошло в Западной Сибири, которая сегодня является одной из богатейших территорий страны.

Рассказывать о «Сургутнефтегазе» и его генеральном директоре равносильно тому, что повествовать обо всех десятилетиях его жизни и деятельности на югорской земле. Со всеми проблемами, мгновениями радости и потрясений. Иногда наличие обильной информации мешает выбрать главное и то, о чём хочется рассказать в первую очередь. Он во всём и везде. И когда выбивал лицензию на разработку Тянской группы месторождений при яростном сопротивлении коренных жителей этой территории, устраивавших пикеты на дороге к месторождению, и в буквальном смысле делающих предупредительные выстрелы из охотничьих ружей. И в разработке экономических договоров, которые помогли урегулировать это противостояние, а в дальнейшем и узаконить взаимоотношения между нефтепромышленниками и аборигенами.

И в строительстве новых городов, посёлков, появившихся на территории Сургутского района в результате освоения этих земель. С каждым годом он набирался опыта, освобождался от прежних ошибок и в результате наконец добился того, что Нижний Сортым – посёлок нового типа, вырос без временного жилья. Стоит среди лесотунды, как игрушка, – благоустроенный, комфортный, с цветами и бассейнами, современными больницами и школами. В нём счастливейшим образом уживаются ханты, манси, татары, башкиры, украинцы – десятки представителей различных национальностей.

Будучи на пенсии, я очень переживала за «генерала», когда возникла ещё одна критическая ситуация – забастовали транспортники УТГ-2, выразив недовольство заработной платой. Их поддержали сотрудники других структур. Видимо, Владимир Леонидович никак не ожидал такого организованного протеста, был несколько растерян высказанными людьми претензиями. И всё-таки нашёл и силы и возможности выйти из ситуации весьма достойно.

...В одном из документальных фильмов, посвящённых юбилею Владимира Леонидовича, авторы назвали Сургут «Континентом Богданова». На мой взгляд, его континент не только Западная Сибирь, Сургутский район. Северо-запад Европы в Ленинградской области – тоже его континент. А теперь и Якутия. Осуществлённая мечта... первых «проходцев».

У нынешнего поколения молодых и дерзких другие «пределы». Но тоже осуществимые. Потому что время и обстоятельства дали им шанс осуществить свои мечты. Даже в космос можно слетать и убедиться с высот невесомости, как прекрасна Земля, на которой есть территории под названием «Континенты Богданова».

И вот что интересно. Раньше сюда манили трудности. Сейчас – благополучие. Пусть ещё относительное. Но всё же, если сравнить с другими районами и областями России, этот кусочек Земли процветает. Потому что в нём живёт осуществлённая мечта тысяч людей, которые сделали этот край именно таким. Для себя, для своих детей. Для Будущего, в котором живёт история Прошлого и радует Настоящее.

Лишь один раз увидела Владимира Леонидовича при всех регалиях. Произошло это на торжестве по случаю 30-летия «Сургутнефтегаза». Он вышел на сцену в увешанном наградами костюме. Среди них ордена «За заслуги перед Отечеством» IV, III, II степеней, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», орден Почёта Белоруссии, голубая Георгиевская лента, знаки «Заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РФ», «Почётный нефтяник», «Почётный гражданин города», Сургутского района, ХМАО… Как не гордиться таким генералом!

Я знаю Богданова больше тридцати лет, а он по-прежнему не перестаёт меня удивлять. Иногда его поступки и решения кажутся просто непостижимыми, ибо не укладываются в «прокрустово ложе» общепринятых понятий. Владимир Леонидович – вроде бы обыкновенный человек, и среди нас, и рядом… И всё-таки остаётся – «над» большинством…

2011 год

Приближённый его Величества

— Екатерина Степановна, как же я вас терпеть не мог, когда вы появлялись в моём кабинете! — смеётся Румянцев. — И без того дорога каждая минута, а тут вы, да ещё с оператором...

Мы сидим в летней кухне на вилле «Зоя», расположенной в Подмосковье. Юрий Васильевич, выйдя на пенсию, построил её по собственному проекту.

— Так мне же надо было рассказывать о ходе строительства ГРЭС-2! — запоздало оправдываюсь я. — Объект первостепенной важности. У правительства на контроле. С меня постоянно требовали сюжеты в «Тюменский меридиан». — Тоже смеюсь.

— О чём это вы так весело беседуете? — в дверях появляется Зоя Ильинична.

— Да вот, Сургут вспомнили.

— О, это интересно! Можно и мне с вами?

— Конечно!

Включаю диктофон, и теперь уже втроём пытаемся восстановить события начала 80-х годов.

Сургутская ГРЭС-2. Сегодня упоминание о ней непременно соседствует с понятием «уникальная». Едва ли участники строительства и

первые эксплуатационники осознавали, что причастны своей судьбой к истории – города, округа, области, страны... Ведь когда в Сибири начиналось легендарное освоение её пока ещё не просчитанных богатств, трудно было спрогнозировать, каким в реальности станет этот край. Масштабы предстоящего удивляли, поражали, вдохновляли. От планов захватывало дух, а воплощённое за короткий срок вызывало чувство гордости.

Строительство ГРЭС на первоначальном этапе казалось грандиозным (12 блоков по 210 мегаватт), а потому и достаточным. Но очень скоро и нефтяники, и строители, и энергетики почувствовали нарастающий дефицит электроэнергии. Темпы освоения и обустройства нефтяных промыслов были настолько стремительны, что недостроенная электростанция работала на пределе.

К началу 80-х годов в Тюменском энергокомплексе сложилось критическое положение. Даже принятые меры по увеличению количества до 16 энергоблоков Сургутской ГРЭС и двух турбогенераторов на Тобольской ТЭЦ не смогли ликвидировать дефицит. Самые «болевые» точки – Нижневартовск с его знаменитым Самотлорским месторождением и Приполярные газодобывающие районы Надымско-Уренгойского энергоузла. Обстановка накалилась до предела. Необходимость возведения ещё одного энергетического объекта (в два раза мощнее предыдущего) стала очевидной.

Под строительство ГРЭС-2 выбрали место дивное по своей красоте. И название под стать – Марьина гора. Лес – вековой, добротный. Кедрач обеспечивал жителей плодами от урожая до урожая. Брусника в изобилии, даже земляника дикая росла в тех местах. Сюда, на речку Чёрную, любили ходить сургутяне на охоту, на рыбалку, за дикоросами.

ГРЭС-2: хроника стройки

В апреле 1980 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии в Тюменской области электроэнергетики на базе местного природного и попутного нефтяного газа в 1981–1990 гг.». Этим историческим документом предполагалось строительство в Сургуте ещё одной станции, проектной мощностью 4800 мегаватт. Её генеральным проектировщиком стало Уральское отделение института Теплоэлектропроект.

Главным инженером назначен Владимир Сергеевич Глухов. Помимо него в разработке проекта участвовали специалисты из Харькова, Новосибирска, Свердловска, Ленинграда...

Более 50 заводов поставляли оборудование, которое шло практически со всех мощных предприятий Советского Союза. В строительстве и монтаже участвовали 27 подразделений нескольких трестов. Генеральным подрядчиком определили трест «Запсибэнергострой», возглавил который Владимир Степанович Викулов.

Девиз стройки: «Большой нефти Западной Сибири – большую энергетику!»

Неприветливый Сургут

На первых порах в поисках нужных специалистов по стране ездили зазывалы (вербовщики). Романтиков оказалось немало. Масштабы увлекали, неизвестность дарила сюрпризы. Не всегда они были приятными. Свою базу ещё строили. Но это меньше всего огорчало энтузиастов.

Вскоре комплектованием кадров для новой станции поручили заниматься начальнику объединения Союззапсибэнерго Ивану Григорьевичу Каштанову. Поскольку энергоблоки 800 МВт в технологической схеме во многом схожи с 300-тысячниками, он в первую очередь пригласил знакомых ему ведущих специалистов, в деловых качествах которых не сомневался, с Ириклинской ГРЭС. Таким образом, из Оренбургской области в Сургут направили около семи десятков человек.

В 1983 году, в разгар строительства и подготовки к монтажу первого энергоблока, прибыл сюда и Юрий Васильевич Румянцев.

– Сургут встретил меня неприветливо, – рассказывает Юрий Васильевич. – Был первый день сентября. Я вышел в киоск за газетами. И вдруг пошёл мокрый снег. Что это?! Глазам не поверил. Стало неуютно и холодно. Природа будто напоминала: северный коэффициент здесь платят недаром. Но приехал я не за «длинным» рублём. Меня повлекло желание испытать себя на строительстве новой, доселе не виданной в мире электростанции с энергоблоками мощностью по 800 МВт. Мне было в то время 42 года.

Импровизированная контора нового энергетического объекта располагалась в нескольких комнатах второго этажа административно-бытового корпуса ГРЭС-1 (тогда просто ГРЭС). Одна из них, где разместилось восемь человек, предназначалась руководству. Главный инженер будущей станции Румянцев, поставив свой стол и стул, надел телогрейку, сапоги-болотники и... отправился на стройплощадку изучать обстановку.

– Особых условий для тех, кто стоял у истоков «самой крупной в мире», в то время не создавали. У строителей для этого не было ни времени, ни сил, – вспоминает Юрий Васильевич. – Значительно позже мы поняли, что нам посчастливилось принадлежать к поколению, на глазах которого вершилось чудо строительства крупнейшей электростанции. Но тогда никто об этом не думал.

От конторы до будущей станции – рукой подать. Всего полтора километра. Видавший виды энергетик Румянцев ничего нового для себя не открыл: та же грязь, на обширной площадке всё разрыто, подъездные пути не готовы, металлоконструкции складированы кое-как и где попало. Главный корпус – не закрыт. Холодный. Словом, обычное начало строительства.

– Главный инженер осуществляет технический контроль, предмонтажную установку, контроль и пуск всех агрегатов, дальнейшую

их эксплуатацию, – поясняет Юрий Васильевич. – Я сразу окунулся в деловую атмосферу по-хорошему настроенных людей. Всё было поставлено на достижение одной цели: в сжатые сроки ввести станцию в строй.

На оперативных совещаниях впитывал информацию, присматривался, прислушивался, делал выводы.

Немногословного главного инженера приняли настороженно. Кто таков? Какой у него статус? Почему помалкивает на оперативках? К тому же «подводным течением» в энергетическое сообщество вынесло информацию об «особых» отношениях нового специалиста с высокопоставленными лицами в самых верхах, то есть в Москве. Тут же появилась прозвище «Особа, приближённая к императору». Когда Румянцев узнал об этом, подумал:

– Да-а, в Сургуте опытные энергетики, но народ далеко не простой. А «высовываться» мне тогда было ни к чему: пока велись общестроительные работы. Эксплуатационники же нужны в период строительства технологических объектов и монтажа оборудования. Поэтому мы изучали проекты, определяли «узкие» места в строительстве и монтаже энергоблока. То есть просто ждали своего часа.

Интересный момент. На должность главного инженера Румянцева назначили приказом Минэнерго СССР, но всё-таки согласование и собеседование он должен был пройти в Сургуте. Секретарь горкома КПСС Владимир Яковлевич Лопаткин и председатель горисполкома Олег Данилович Марчук на приёме задали один и тот же вопрос:

– Что тебя сюда привело?

– Блоки-800, – ответил Юрий Васильевич.

– Почему?

– Это интересно, романтично. А работа на природном газе – мечта любого энергетика! Грех не принять таких условий!

– В руководящем ядре электростанции хлюпиков не было, – продолжает вспоминать Румянцев. – Ребята толковые, сильные. Немало трудностей нам пришлось пережить вместе, подставляя надёжное плечо друг другу. Однако утверждать, что все, прибывшие на эту уникальнуюстройку, самоотверженно трудились до самого пуска блока, было бы преувеличением. Многие не прижились, не выдержав трудностей, уехали в более тёплые обжитые края, в комфортные условия. Слишком трудным было начало.

Двухкомнатная ведомственная гостиница, расположенная в обыкновенном жилом доме по улице Республика, стала временным пристанищем для семьи главного инженера. Старший сын Игорь в то время служил в рядах Советской армии, а младшего – Олега – привезли с собой. По поводу отдельной квартиры разговор с генеральным директором «Тюменьэнерго» Владимиром Петровичем Соколовым был коротким:

- Сколько человек в семье?
- Четверо.
- Больше трёхкомнатной квартиры тебе не положено.
- Ну и достаточно!
- Значит, договорились. Скоро сдадут «пятый» дом по улице Энергетиков, иди, выбирай себе квартиру, какую хочешь. Только третий этаж не занимай, мы его уже распределили.

Юрий Васильевич выбрал второй этаж, и в декабре семья въехала в новую квартиру. Это было счастьем, потому что многие люди в то время ютились по несколько семей в одной квартире, спали посменно, годами жили надеждами на получение жилья.

ГРЭС-2: хроника стройки

Апрель 80-го... По комсомольским путёвкам в Сургут на стройку прибыли первые сорок человек. Два года занимались валкой леса, готовили площадки, тепломонтажную базу, водохранилище...

Главными на старте большой стройки в течение полутора лет были гидромеханизаторы, которые производили намыв ограждающей дамбы, выполняли другие базовые работы.

Февраль 82-го. Пришёл первый бетон на подъездную эстакаду. Началось бетонирование главного корпуса будущей станции.

В часы затишья

Пока строительство наращивало темпы, у Румянцева оставалось время познакомиться с городом, побродить по его заснеженным улицам, поразмышлять. Удивляли короткие зимние дни. Солнце, едва поднявшись над лесом, валилось за горизонт, словно боялось «остыть» от морозов. Хотелось уюта и тепла, общения с хорошим человеком.

– Был у меня земляк по Оренбуржью – Юрий Антонович Ледекер, главный инженер Орских электрических сетей Оренбургэнерго, – рассказывает Румянцев. – Сюда его пригласили на должность директора Сургутских электрических сетей. Многолетняя профессиональная связь превратилась в крепкую дружбу сначала двух Юриев, а затем и наших семей. Кстати, он встречал меня в аэропорту, когда я приехал в Сургут. У нас было много общего. Прежде всего, конечно, энергетика. Она стала главным содержанием жизни. А ещё музыка. Юрий Антонович великолепно играет на многих музыкальных инструментах, особенно – на рояле. Музыку люблю и я.

Трудно представить, как жилось нам в то время, когда не было даже своего Дворца культуры. Мы ностальгически страдали по Ириклийскому ДК с его зимним садом и тропическими растениями, которые появились в мою бытность там директором. А тут...

А здесь расхожими были характеристики Сургута, которые воспринимались, как анекдот: город нормальный, асфальт есть, немного болота. Лето жаркое, 30 градусов.

– А почему не загорел?

– Некогда. Я в эти дни на работе был!

В чужом неуютном, разорванном на отдельные микрорайоны городе часто вспоминалась прежняя жизнь. Особенно её начало. Спустя десятилетия на подмосковной вилле «Зоя» мы довольно подробно говорили о детских годах, о родовых корнях, о людях, имеющих самое непосредственное отношение к судьбе Юрия Васильевича. Он вспоминал...

– Мой дед по отцовской линии – Николай Александрович Богоявленский, был священнослужителем. Эта профессия передавалась в семье по наследству и была прерогативой всех представителей мужского пола. Наверное, отсюда и старинная духовная фамилия – Богоявленский. Николай Александрович закончил Владимирскую духовную семинарию, первое время работал учителем народного училища в городе Переславль-Залесский. Скорее всего, преподавал там Закон Божий. Женился в 24 года, к 1917-му в семье было семеро детей. Жили в собственном доме, выделенном церковью.

Как известно, с установлением советской власти борьбу с религией взвели в ранг государственной политики. Многие храмы закрыли, а священнослужителей подвергли гонениям и репрессиям. Не избежали этой участи и Богоявленские. Детям в высшие учебные заведения

вход оказался закрыт. Поэтому старшие дочки сразу после школы стали работать. Только младшая смогла сразу получить высшее образование, так как в конце 30-х годов запрет на поступление в вузы в связи с неблагонадёжным социальным происхождением отменили.

В 1929-м деда арестовали. Дом и всё имущество конфисковали, бабушку временно приютили соседи. Но поскольку выяснилось, что золота Николай Александрович не накопил, а среди других обвинений предъявить было нечего, через четыре дня отпустили. Вместе с женой он вернулся в старый родительский дом в селе Андрияново (старое название), снова стал служить в церкви. В 1937-м подал прошение об освобождении его от занимаемой должности по состоянию здоровья. По всей вероятности, после всех перипетий его здоровье действительно сильно пошатнулось. Пенсии ни от церковных, ни от светских властей ему не полагалось, поэтому приходилось рассчитывать только на помощь детей. Оставшись вдовцом в возрасте 69 лет, Николай Александрович самостоятельно жить уже не мог, его взяла к себе дочь Антонина.

Надо сказать, что все эти данные Румянцев, будучи на пенсии, по крупицам собрал в едином очерке о родословной своей семьи.

Слушая рассказы Юрия Васильевича о детстве, я довольно чётко представляла его жизнь, словно находилась где-то рядом. И почему-то вспомнила стихи:

*Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...*

Озорной мальчик Юра с «голубыми глазами» вырос среди лесов и полей, ярко описанных Сергеем Есениным. Природа щедро наградила его всяческими способностями. Об одной из них – бесстрашии – родственники узнали во время оккупации. Сестра Тамара рассказывала, что на попытки немца проявить нежность к пухленькому ребёнку, лежащему в кроватке, трёхлетний Юра сказал: «Гитлер капут!». «Уси-пуси» застряло в горле врага, но наказания не последовало. Случилось это в Калужской области. Немцы на этом рубеже продер-

жались недолго – всего несколько месяцев. Видимо, лётчик, стоявший на постое в доме Калашниковых, не был фашистом. Увидев, на чём катаются сельские ребятишки, он подарил три лыжи от самолёта – широкие и коротенькие. Одну – самую большую – для матери, воду возить (колодец был очень далеко). Юрику, как мужчине, – среднюю, а Тамаре – самую маленькую. Мальчик недолго гордился подарком. Старшие ребята отобрали... А заступиться было некому.

После освобождения села жизнь пошла своим чередом. Люди работали в колхозе, дети учились. Юра стал ходить в детский сад. Каждый раз после прогулки по лесу он приносил домой веник. Это была одна из немногих обязанностей малыша, к которой он относился очень ответственно.

Однажды во время такой прогулки услышал взрыв. Воспитательница быстренько загнала детей в помещение. Вечером, возвращаясь домой, ребёнок увидел толпу. Люди стояли над разорванным телом, тихо переговариваясь. Оказалось, кто-то из подростков, ставив во время оккупации у немцев снаряды, спрятал их в пруду. А теперь, решив ими воспользоваться, от неумения взорвал сам себя. Та жуткая картина осталась горьким свидетельством о войне.

И ещё одно сохранила детская память: в последний год войны через село гнали пленных немцев. Враги шли, закутавшись во что попало. Пацаны бежали рядом с колонной несостоявшихся победителей. Сопровождал их и маленький Юра. Стоял сильный мороз. Он обморозил руки (варежек-то не было). Когда прибежал домой, мать, чтобы отогреть сыночка, погрузила его белые ручонки в свои волосы и растирала до покраснения. Этот момент тоже запомнился навсегда...

Раннее детство, как и у многих ребятишек военного времени, выдалось трудным. Отец – Владимир Николаевич Богоявленский, сын священника, с фронта не вернулся. Мать – Раиса Семеновна Калашникова – скоропостижно скончалась от порока сердца в октябре 1945 года. Старшую сестру – девятилетнюю Тамару – определили в детский дом, а шестилетнего Юру усыновили сестра отца – тётя Тоня (Антонина Николаевна) и её супруг Василий. Вот так и получилось – сын отца Владимира по фамилии Калашников (по известным причинам детей записали на фамилию матери) стал Юрием Васильевичем Румянцевым.

Василий Иванович Румянцев (в действующую армию его по возрасту не призывали) – коммунист, работал агрономом, Антонина Николаевна – «беспартийный большевик» (так её называли), учительствовала в сельской школе. Своих детей не было, но они постоянно помогали поднимать чужих.

Юрий Васильевич навсегда запомнил двухкомнатную квартиру, предоставленную его тёте – директору Станковской семилетней школы. Она располагалась на опушке леса, в большом деревянном помещичьем доме дореволюционной постройки. Квартира имела отдельный вход с улицы. Но для того, чтобы попасть в школу, достаточно было открыть дверь из кухни в школьный коридор. Отапливали здания дровами, освещением служили керосиновые лампы, ни о каком электричестве тогда не было и речи. Рядом со школой располагалось несколько хозяйственных построек: амбар, хлев для домашнего скота, сеновал.

Приёмный отец – Василий Иванович – слыл очень хозяйственным человеком – держал корову, овец, домашнюю птицу, разводил пчёл, выращивал на огороде картошку и овощи. В голодные послевоенные годы, когда в деревнях люди пухли с голода и ели «драники» (лепёшки из крахмала от сгнившей колхозной картошки, зимовавшей в буртах), Румянцевы не бедствовали.

– Семья была немаленькая. К осени 1945 года, когда меня, шестилетнего, привезли из калужской деревни после смерти мамы, в ней уже было шесть едоков: кроме тёти с дядей – дед Николай Александрович, бабушка Мария Евдокимовна (мать Василия Ивановича, с 1871 года рождения), девятилетний племянник Коля (сын Елизаветы Николаевны) и домработница Надя.

Как мы все помещались в тесной двухкомнатной квартире, сейчас трудно вообразить, а тогда всё казалось естественным.

Летом приезжали многочисленные племянники, в наше распоряжение отдавали целый класс. Было весело и сътно.

У деда в маленькой комнате стояла кровать, висели иконы (задёрнутые занавеской). Моя кроватка стояла как раз под этими иконами. Мне почему-то больше всего запомнились дедовские инструменты, расположенные на полочке, – молоток, стамеска, коловорот... и церковные книги.

По утрам дед отдёргивал занавеску с икон и подолгу молился. Мне, лежавшему в кровати, приходилось ежедневно выслушивать

эти молитвы, произносимые полуёпотом, и принимать поклоны, поскольку дед кланялся непосредственно мне – его седая борода почти касалась моего живота.

Бабушка и Надя спали в кухне, там же была печь, и стоял обеденный стол с деревянными скамейками. Кухня одновременно служила и прихожей.

По заведённому порядку перед завтраком (чаще всего это была жареная картошка) деду наливали персональную чашку чая. Только после этого чаепития он приступал к еде. В качестве заварки использовалась сушёная морковь. И хотя ужин по составу блюд практически ничем не отличался от завтрака, вечером до еды чай ему не полагался.

За столом все молчали. Фразу «когда ем, я глух и нем» помню от деда с раннего детства. Если дети, не дай бог, начинали шалить (а такое случалось не единожды), дед прекращал трапезу, поднимался и выходил. Поскольку сидел дед во главе стола, остальным приходилось вставать и пропускать его к выходу. Естественно, назад уже никто не возвращался. Далее за воспитательный процесс принималась тётя.

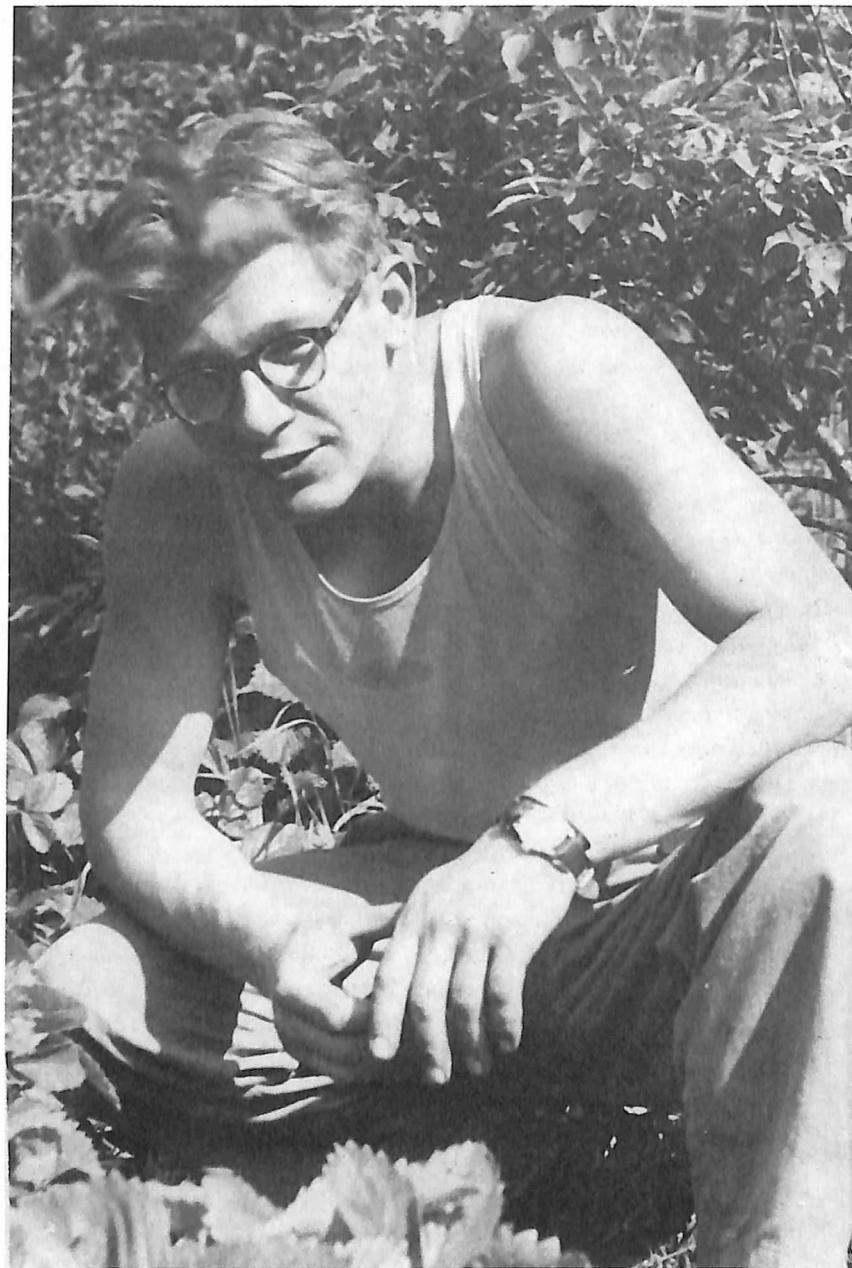
До конца своих дней дед помогал мне учиться. Несмотря на новые, современные программы, небрежно «щелкал» задачки по алгебре, переводил с немецкого языка тексты, читал газеты и просвещал женщин в политике. Умер он в глубокой старости. Мне уже было 13 лет. Похоронили его в одной могиле с женой, в Ярославской области.

Счастливой жизни Николая Александровича Богоявленского не назовёшь. Я бы сказал, ему не повезло с эпохой. Не случись октябрьского переворота, его судьба, как и судьба России, могла бы сложиться подругому, более привлекательному сценарию.

Некоторое время мы молчали, задумавшись о чудовищной неразберихе начала двадцатого столетия. Переосмысливать её «ценности» будет ещё не одно поколение, ибо они в каждой семье оставили свой неповторимый след.

...В 1946 году Юра Румянцев пошёл в первый класс. В квартире гостеприимных хозяев частенько собирались учителя. Пили чай, пели песни, читали стихи. Атмосфера увлечённых своей профессией людей привлекала. Он слушал, вникал, запоминал.

Тётя Тоня была очень строгой женщиной. Может быть, поэтому Юра так ни разу и не назвал её матерью. Слово «мама» он вообще не

Лето, 1961 год

употреблял. И «папа» – тоже. В его памяти навсегда осталась другая мама, та, которая согревала его обмороженные руки в своих роскошных волосах и для которой малыш с каждой прогулки в детском саду приносил… веник.

Выросший в учительской атмосфере (все его многочисленные тётки преподавали в школе), Юрий пристрастился к чтению художественной литературы, знал великое множество стихов, иногда его посещала Муза, и он пытался сам рифмовать. Получалось неплохо, и это хобби осталось с ним навсегда. Интересовался также историей происхождения слов, фразеологией и мог бы стать великолепным филологом. Но… с гуманитарного направления его сбил Коля Брусницын, который был на год старше и успел окончить первый курс МЭИ. Кумир легко убедил ещё не определившегося в выборе будущей профессии друга, что энергомашиностроительный факультет – это здорово! И тот поверил. Пошёл и поступил. Легко!

Конечно, в жизни студента Румянцева были и усердные зубрёжки в освоении сложных технических наук, и разгрузка вагонов, когда не хватало стипендии, и походы с девчонками на модные в те годы вечера поэзии, и романтические гулянья под луной… Всё это было, было, было… В далёком детстве, в далёкой ленинградской жизни, которую уже не вернуть. И почему-то именно сейчас, в часы затишья, вспоминались они с особой теплотой, щемящей тоской о невозвратном…

Первый блок. Работа на ускорение

В первый же год Юрий Васильевич понял, что такое «Север крайний». Зима 1983–1984 годов выдалась поистине жестокой. Даже старожилы удивлялись – такое не часто бывает. Стрелы мостовых кранов чистенько висели над фундаментом, едва покачиваясь от лёгкого ветерка, который делал мороз ещё злее, ещё непримируемее с металлом. А внизу, на плашке, как муравьи, суетились люди. Да… металл не выдерживал морозов, а строители подобрались особой прочности – под стать бетону, который они укладывали под многотонное оборудование.

Проектно-сметную документацию УралТЭП выдавал по ходу строительства. Естественно, в типовом проекте не учитывались многие усовершенствования технологических схем. Чтобы вовремянести изменения, с учётом наработанного опыта, специалисты должны были согласовывать их с проектным институтом. Поэтому его представители постоянно находились в Сургуте, по ходу строительства

вносили изменения в чертежи, исправляли собственные ошибки. Ко всем нововведениям относились осторожно, осмотрительно, нехотя соглашались с доводами эксплуатационников. Инженерной службе во главе с Юрием Румянцевым неоднократно приходилось доказывать состоятельность своих позиций и подтверждать их высоким уровнем знаний. В конце концов недоверие перестало давать о себе знать, контакт с проектировщиками наладили.

— Я рисовал эскиз, а они заносили его в рабочий чертёж, — говорит Юрий Васильевич. — Процесс выдачи чертежей ускорился. Естественно, ускорение получило и всё остальное. Чтобы укладываться в отведённые сроки, надо было работать в одной связке и проектировщикам, и строителям, и монтажникам.

Не сразу нашли общий язык и со строителями. Среди них мало было охотников считаться с эксплуатационниками. Приходилось доказывать, что ты — далеко не новичок в своём деле. Юрий Васильевич продолжает вспоминать:

— Однажды заходит в мой маленький кабинет (уже во временном инженерно-бытовом корпусе, который находился в торце котельного отделения) паренёк с мотком провода, связист. Я своих всех знаю, а этого не признал. Оказалось, Владимир Степанович Викулов, управляющий трестом приказал провести со мной прямую связь. Он понял, что нам придётся общаться часто и напрямую. Но, чтобы добиться этого признания, потребовалось проявить огромное терпение и не один месяц рядом поработать. К тому моменту даже консервативные проектировщики стали нас всерьёз воспринимать. Поняли, что когда чертежи воплотятся в натуру, исправлять ошибки будет сложно, да и потеря времени станет неизбежной.

Много новшеств внедрили при строительстве и монтаже электрооборудования на Сургутской ГРЭС-2, в разработке которых Румянцев принимал самое непосредственное участие. Не стану вдаваться в детали, ибо технологические оценки слишком сложны для восприятия непосвящённого читателя. Скажу главное: он — Инженер от Бога. Это не только моё мнение, но и оценка инженерного таланта Румянцева со стороны специалистов самого высокого класса.

Ситуации, возникающие на строительстве, иногда вынуждали идти на риск. К примеру, первый статор генератора. Весил он более 300 тонн. Чтобы завезти его в машинный зал, потребовались специальные подъездные пути. Их соорудили. Но кто-то из кураторов засо-

мневался в прочности. Дескать, не выдержат такого веса. Надо укреплять, то есть, делать новое усиление. К тому же за простой вагона, в котором находился статор генератора, пришлось бы платить штрафные санкции. Но самое главное – процесс монтажа мог отодвинуться на неопределённый срок, исчисляемый месяцами. И тогда Румянцев вопреки всем установкам пошёл на риск.

– Собрал маленький консилиум со строителями. Один из них – талантливый инженер Иосиф Владимирович Луцук. Именно он сделал трест «Запсибэнергострой» мозговым центром строительства станции. Удивляла способность Луцюка перерабатывать все проекты, знать наизусть чертежи, охватывать огромный объём информации. Мы посоветовались (там было ещё несколько специалистов), как поступить в этой ситуации.

Решив, что ничего страшного не произойдёт, и доказав это необходимыми расчётами, я воспользовался своим должностным положением, встал впереди паровоза, который привёз статор генератора, скомандовал: «За мной!» – и пошёл вперёд в машинный зал на то место, где его должны были выгружать. И всё! Наши импровизированный состав благополучно проехал, оборудование разгрузили. Монтаж не был задержан ни на одни сутки.

Последние полгода перед пуском первого блока были особенно напряжёнными. Приходилось работать сутками – с небольшими перерывами на сон. Да и тот частенько прерывался телефонным звонком, после которого следовало принимать срочные меры. Тут уж не до отдыха... Работали в таком напряжении, что терялось ощущение времени, дня и ночи. А где-то далеко, вне его «штатных» ежедневных забот, текла другая жизнь. Людиправляли свадьбы, отмечали юбилеи, смеялись и радовались, ходили в кино, смотрели телевизор, читали книги, танцевали и пели. В орбите же интересов Румянцева было одно: станция! Юрий Румянцев забыл, что где-то есть другая жизнь.

Самый напряжённый период начался во время монтажа оборудования. На специальной, почти законченной строительством тепло-монтажной базе шла укрупнительная сборка поверхностей нагрева котла. Затем эти детали отправляли в главный корпус, и они с ходу шли в монтаж.

– Теоретически – вариант идеальный, а практически именно при сборке и началась неразбериха. – Юрий Васильевич разгорячился. – Понимаете, это – характерная черта любой стройки! Обязанность заказчика – поставка технологического оборудования. Если его потеряли при транспортировке или складировании навалом, монтажники не утруждали себя поисками. Было даже такое: мы направляем дополнительный заказ на нужную деталь котла в Таганрог, а спустя полгода выясняется: эта деталь давным-давно в Сургуте! Её просто не захотели искать.

Не одно воскресенье мы с Владимиром Георгиевичем Губачёвым (директором объединённой ГРЭС) прошагали каждый квадратный метр площадки, чтобы по монтажному перечню осмотреть все большие и малые трубы, найти, сверить цифры маркировки и отдать их в монтаж. Это тоже влияло на ускорение. К концу 84 года турбину смонтировали, оборудование наладили. Электрическая часть была готова принять нагрузку, а котёл монтажом... не закончен.

Тогда вновь приняли неординарное решение: проложили два трубыопровода по эстакаде, соединяющей ГРЭС-1 и ГРЭС-2, и воспользовались паром от первой станции. «Крутили» турбину от постороннего источника на номинальные обороты, проверили вибрационное состояние, включили в сеть, провели электрические испытания. Результаты работ вселили уверенность в скором и надёжном пуске

блока. Эксплуатационники ликовали. Первая победа одержана! Но котла-то ещё не было...

В канун 1985 года на кабельном хозяйстве произошёл пожар. Сама по себе ситуация не из приятных. Среди специалистов поползли слухи, якобы кто-то из монтажников поджёг, чтобы, пока кабель перекладывают, они смогли выправить свои дела на монтаже котла. Слухи слухами, а виновных так и не нашли. Дело замяли.

ГРЭС-2: хроника стройки:

23 февраля 1985 года. Первый блок – 800 мегаватт поставлен под промышленную нагрузку от «родного» котла. Совершён акт высокого человеческого самоутверждения: блок построен на полтора года раньше нормативного срока. Это стало великим торжеством жизни для каждого участника пуска. Победой человека над Временем, обстоятельствами и собой.

– Это был первый блок–800 в моей жизни, в моей биографии, в стране. Событие необычайной важности! Ему предшествовала такая огромная работа! Столько бессонных ночей, столько... ой, это сейчас приятно вспоминать, но в то время было тяжело, по-русски говоря.

Любопытный факт. Был у нас главный инженер управления строительства Василий Лигинченко – внешне очень неординарный мужчина – с окладистой чёрной бородой. Человек высококультурный, с хорошим чувством юмора. С ним интересно было в компании. Так вот Вася сказал, что первый котёл будем расстапливать его «бородой». И правда, когда подошло время растопки котла, он вырезал клок из своей красивой бороды, привязал к длинному импровизированному факелу с паклей на конце (тогда от факела зажигали, это сейчас автоматика всё делает), сунули его в топку и подали газ. Пламя в котле красиво заиграло своими бело-голубыми языками. Вот так мы от бороды Лигинченко и пустили блок (смеётся).

Вскоре приступили к комплексному опробованию всего оборудования энергоблока и включению его в сеть. Казалось, волнение достигло предела. У каждого оно выражалось по-разному: кто-то излишне сутился, кто-то, наоборот, находился в заторможенном состоянии – все изнывали от усталости. Но вот, наконец, свершилось! Можно ли

описать ликование, которое ощутили первостроители, когда приборы показали первые мегаватты! Энергоблок послушно выполнял волю человека и в короткий срок набрал проектную мощность.

В 1994 году, к 60-летию Гарольда Александровича Давидовского, главного инженера РЭУ Тюменьэнерго, с которым вплотную работали во время строительства и пуска станции, Румянцев написал дружеское стихотворение. Привожу здесь небольшой отрывок. На мой взгляд, он вполне отражает предпусковую напряжёнку:

*...Te дни забудем мы едва ли.
Вот снова в памяти встаёт,
Как мы сражались вместе с вами
На первом блоке восемьсот.
Я помню, ночью, пусковая,
Мужской серьёзный разговор.
От дыма лампочку качает
И над столом «висит топор».
Монтажников шальные тени
Снуют по штабу здесь и там.
Зевает Зеваков Евгений,
Перстом водя по чертежам.
Луцук доказывает что-то,
И Дежин смело рвётся в бой,
Хилькович спит. Кипит работа.
Работа, как на передовой.
Залезть готовые на стенку,
Как два заклятые «врага»,
Ведут разборку Конопленко
И Ваш покорнейший слуга.*

*И тут же, ошалевший в доску,
Как председатель пусковой,
Сидит охрипший Давидовский –
Не бог, не царь и не герой.*

Вот так это было...
Дальше пошло «как по маслу».

ГРЭС-2. Хроника стройки:

Ноябрь 1985 года. Началось комплексное опробование второго энергоблока. Установлен мировой рекорд. Никто никогда не вводил два энергоблока по 800 МВт с нуля! На одной электростанции в один год.

Июль 1986 года. Состоялся пуск третьего блока.

Февраль 1987 года. Пущен в эксплуатацию блок № 4. Суммарная мощность новой станции сравнялась с 16 блоками ГРЭС-1. Начался новый отсчёт времени: получен официальный статус самостоятельности, предприятие вошло структурным подразделением в РЭУ «Тюменьэнерго» и стало называться «Сургутская ГРЭС-2». Первым её директором назначили Станислава Ивановича Третьякова, главным инженером – Юрия Васильевича Румянцева.

Декабрь 1987 года. Пущен пятый блок. С вводом его в эксплуатацию покрыт дефицит электроэнергии в нефтяном регионе. Дальнейшее наращивание мощностей позволило направлять избыток электроэнергии в другие регионы страны.

Сентябрь 1988-го. Вступил в строй действующий последний – шестой блок новой станции. Началась перестройка. Строительство и монтаж 7-го и 8-го блоков были приостановлены на неопределённый срок.

– Когда я работал, Министерство энергетики вводило по 15 тысяч мегаватт в год! Вы представляете, какие объёмы покоряли?! Столько же введено по всей России за последнее десятилетие...

Те, кому посчастливилось принять участие в строительстве теплового энергетического гиганта страны, всегда будут вспоминать сверхперенапряжение (именно так: «сверх» и «перенапряжение»), ценою которого удалось в сжатые до предела сроки оставить такой прекрасный след на сибирской земле – красавицу ГРЭС-2. Она могла быть на два блока мощнее. Но... Политическая нестабильность, глубокая инфляция привели к спаду производства в стране, которое до сих пор не восстановилось. Сургутская станция оставалась с мощностью 4800 МВт до 2011 года: в результате реорганизации её хозяевами стали ино-

странные представители, которые приобрели главный пакет акций. Они-то и достроили оставшиеся два блока.

Непредсказуемые повороты. Мода на выборы

Не знаю, не ведаю, кому первому пришла в голову бредовая идея избирать руководителей трудовых коллективов. В том числе и крупнейших промышленных предприятий. Эта «капризная», хотя и краткосрочная «мода» успела сломать не одну судьбу, буквальным образом вышибала из седла настоящих специалистов своего дела. Многих довела до инфарктов, инсультов, уложила в гроб. Тот период в кулуарах интеллигентского круга называли «Три "П" – перестройка, перестрелка, перекличка». Первый период – разрушения в области политики, экономики, идеалов, нравственности, веры – прошёл весьма и весьма быстро. Люди ахали, возмущались, но шли толпой – за демократизацию общества! В период «перестрелки» делили власть на всех уровнях. Всеобщая гласность вынесла из глубин столько всякого... Честно признаться, журналисты не успевали удивляться, я уже не говорю «разбираясь» во всех нюансах резко изменившего направление государства в построении нового абсолютно непонятной ориентации общества.

До перестройки Румянцева в верхах и в низах считали настоящим профессионалом, трудоголиком, талантливым руководителем, эрудитом с широким диапазоном интересов.

Однако эти характеристики на втором этапе перестройки потеряли свою значимость. На почве вседозволенности стремительно взращивались другие ценности. И проявилось это во время выборов директора станции.

– Как главный инженер, я посчитал, что могу претендовать на это место, тоже подал заявление на участие в выборах. И... успешно проиграл (смеётся). Почему? Потому что в числе первопроходцев, кроме деловых людей были ещё и демагоги. Типа нашего председателя профкома Бориса Борисовича Сесько, который обещал и зарплату всем повысить, и детскими садами обеспечить, и жильё построить и прочее... Он критиковал всё и вся! В том числе и меня, и директора станции, и остальных четырёх претендентов.

В отличие от Сесько я в своих предвыборных речах использовал только реальные факты: как живём, как будем жить и что сможем сделать в ближайшее время, учитывая полный дефицит во всём. К сожалению, люди привыкли верить демагогам. Избрали Сесько.

Я помню выступления Бориса Борисовича в газетах, на местном радио и телевидении. В выражениях он не стеснялся. «Играл» на больном, забыв, как несколько лет назад призывал тех же энергетиков отдавать все свои силы, знания и умения на ускорение темпов ввода энергоблоков.

Именно следствием этого ускорения и создалось отставание строительства объектов социального назначения. В том числе и инженерно-бытового корпуса. В чём Сесько во время предвыборной кампании почему-то обвинил... главного инженера станции. Хотя от Румянцева, да и от директора ГРЭС мало что зависело: стране нужна была нефть, а нефтяникам – электроэнергия. Строители просто не успевали выполнять постоянно растущие задачи. К тому же прежний директор по состоянию здоровья уволился, а нового не назначали. Так что Юрий Васильевич вынужден был в течение целого года работать, совмещая обязанности двух руководителей.

Итак, большинством голосов коллектив ГРЭС-2 директором избрали председателя профкома. Слава Богу, в отраслевом министерстве нашлись умные люди, и кандидатуру Бориса Борисовича Сесько не утвердили. Назначили перевыборы. Румянцев баллотировался больше не стал, но посодействовал продвижению на роль директора специалиста из Нижневартовска – Валерия Чернышёва. Тот по итогам вторичного голосования и возглавил предприятие.

Но всё-таки, видимо, Судьбой для Румянцева было предназначено место директора. Вскоре у Валерия Павловича открылась болезнь, которая оказалась неизлечимой. Когда он ушёл из жизни, инженерно-технические работники станции проявили инициативу, написав письмо генеральному директору «Тюменьэнерго» Соколову с просьбой назначить директором Румянцева. Многочисленные подписи главных специалистов Сургутской ГРЭС-2,ставленные под документом, убедили Владимира Петровича Соколова («мода» на выборы руководителей на тот момент уже спала). Он посчитал кандидатуру вполне достойной, к тому же проверенной временем. Произошло это в октябре 1990 года.

Новый директор вместе со станцией пережил самые сложные времена. Но даже в период реформ и ошибок именно в его бытность построены детские сады и школы для детей энергетиков, карповое хозяйство. Практически все ветераны получили жильё. Второе поколение пришло на смену родителям. Под одной крышей трудятся отцы и дети, матери и сёстры. И если раньше руководство можно

было упрекнуть в дефиците внимания к человеку, то при директоре Румянцеве по большому счёту энергетики стали жить лучше многих других. Вовремя выплачивалась зарплата, что было очень немаловажно для последнего десятилетия XX века. Работу стали совмещать с лечением и отдыхом в санатории-профилактории «Энергетик». По санаторно-курортным путёвкам отдыхали и лечились как в пределах России, так и за рубежом.

На территории станции появился здравпункт, больше напоминающий поликлинику. Он включал амбулаторию, процедурный, перевязочный, физиотерапевтический кабинеты. Клиническая лаборатория способна была выполнять необходимый набор анализов. Вели прием врачи стоматологи, гинекологи, терапевты. Получили лицензию на выдачу больничных листов. Здесь же делали прививки, проводили профосмотры. Дефицита в медикаментах сотрудники здравпункта не ощущали. Средства на его содержание регулярно выделяло руководство станции.

При Румянцеве в инженерно-бытовом корпусе появилась просторная столовая. Обслуживают здесь около полутора тысяч человек в сутки. В меню – до тридцати наименований (это в начале девяностых годов!). Повара стараются, чтобы завтрак, обед и ужин были вкусными и калорийными. И цены здесь не в пример городским: 60 процентов стоимости. То есть практически каждый второй питался бесплатно. Кроме того, в пищеблок входили бар и зал для гостей, где отмечали юбилеи, принимали гостей.

Появился на станции и собственный пункт тренажёрной подготовки персонала, который включает полномасштабный тренажёр – блочный щит управления и компьютерный класс. Здесь проводится обучение персонала котлотурбинного цеха и противоаварийные тренировки. По специально подготовленным программам в компьютерном классе проходит подготовка машинистов-обходчиков КТБ. Тут они сдают экзамены по правилам технической эксплуатации, Госгортехнадзора, техники безопасности и т.д.

Такая система подготовки персонала позволяет ускорить процесс обучения высококвалифицированных специалистов, обеспечивать грамотную и надёжную эксплуатацию сложнейшего оборудования ГРЭС.

Подсобные хозяйства Тюменьэнерго, расположенные в Сургуте и на юге Тюменской области, снабжали работников станции мясом, молочными и овощными продуктами по сниженным ценам.

В магазинах, расположенных на территории предприятия (всего их было четыре), люди покупали продукты и промышленные товары. Работали мужская и женская парикмахерские, спортивный зал; арендованным бассейном пользовались любители плавания. Построили и свой дворец культуры с двумя залами и многочисленными помещениями для занятий в кружках и секциях. И свой вокально-инструментальный ансамбль имели на станции, и радио своё, и даже самодеятельный театр, который успешно работал в период становления коллектива. Но в перестроечные годы энтузиазм постепенно угас.

На водохранилище ГРЭС организовали лодочный кооператив, для личных автомобилей построили два гаражных кооператива. Большинство работников станции – дачники. Они не только отдохивают на своих земельных участках, но и обеспечивают себя свежими овощами, ягодами, картофелем.

Всех дошкольников обеспечили детскими садами. На балансе предприятия их три. А ребяташки младших и средних классов проводили каникулы на Черноморском побережье Кавказа, в Крыму или в городе Конаково под Москвой.

Очень серьёзно и целенаправленно занимался Румянцев экологическими проблемами. При нём на станции появились лаборатории различного назначения, контролирующие безопасное состояние воздуха, воды, земли. При нём радио на станции использовалось не только в качестве технологического режима, но и для трансляции передач о людях предприятия. С подачи Румянцева построили огромный макет станции, по его же заказу сняли документальный фильм об уникальной ГРЭС, создали музей, который и сейчас показывают гостям как достопримечательность.

Рядом с железнодорожной станцией Островная в заброшенной деревеньке организовали охотничье хозяйство и небольшую базу отдыха. Места там прекрасные. Леса богаты дичью и зверьём, а речки и озёра привлекают сюда рыбаков. Но больше всего оказалось любителей «тихой охоты». Грибы и ягоды собирали практически все. И местность, и природа края, и финансовые возможности позволяли сделать жизнь разнообразной, плодотворной. Следует учесть, что всё это было сделано в самые тяжелейшие времена – в пору «лихих» девяностых.

Увы... из вышеперечисленного все социальные объекты остались

в прошлом. В третьем тысячелетии (с приходом новых хозяев) все не-профильные активы ликвидировали.

Кризис неплатежей

В советский период был весьма популярен лозунг «Кадры решают всё!». Он останется актуальным для всех общественных формаций, в каких бы фразах ни выуалировали его смысл. Будь то социализм, капитализм или демократический строй. В середине 90-х годов в России очень тяжёлая обстановка сложилась не только в политическом, экономическом, социальном плане, но и в кадрах.

Убедившись, что и новый состав правительенного кабинета не в состоянии вытащить страну из глубокого кризиса, президент Борис Ельцин в очередной раз перетасовал колоду «тузов». Таким образом, не успев проявить себя в полной мере, ушёл «на практическую работу» министр топлива и энергетики Пётр Родионов. Его краткосрочное и в общем-то бездарное руководство в Среднем Приобье приняли как бесполезный, ошибочный вариант. Осталось лишь недоумение: как *такого* человека можно было назначить на *такую* должность? В конце концов кабинет министров – не проходной двор.

В январе 1997 года в Сургуте проходило очередное совещание на высоком уровне, участие в котором приняли новые представители различных министерств и ведомств, руководители акционерных обществ нефтяной и газовой промышленности, энергетики края. Проходило оно в актовом зале ГРЭС-2, где генеральный директор акционерного общества «Тюменьэнерго» Валентин Боган доложил обстановку: в 1996 году тюменские энергетики произвели 60 млрд кВт·ч электроэнергии. Полученная прибыль – 800 млрд рублей позволила своевременно выплачивать зарплату, развивать объекты социального назначения. Но накопившиеся долги за предыдущие годы повисли непомерным грузом. В результате практически *вся* энергетика стала бесплатным кредитором для *всех* отраслей промышленности. Это – первое.

Вторая проблема – ценообразование. Существующая система не соответствовала действующему закону. Она здравому смыслу не соответствовала. Потому что избыточные энергосистемы (к ним относилось прежде всего Тюменьэнерго) заставляли отпускать электроэнергию на оптовый рынок по ценам значительно ниже её стоимости. Свои указы руководство страной мотивировало общегосударственными интересами. Такое давление было возможным при тоталитарном

строе, но не в условиях рыночной экономики. Ведь убытки, которые несли поставщики, никто не компенсировал.

Директор Румянцев, озабоченный этими обстоятельствами не меньше других, тогда говорил:

– Может сложиться впечатление, что мы здесь живём очень хорошо, но это иллюзия, потому что в целом финансовое состояние станции продолжает оставаться чрезвычайно тяжёлым. На правлении «Тюменьэнерго» в прошлом году мы приняли решение о приоритетности платежей. Все деньги, которые удается собрать с потребителей, в первую очередь распределяются на выдачу заработной платы.

Кризис 90-х привёл к повальным неплатежам. Даже введение системы взаимозачётов не могло снять проблему с повестки дня и обеспечить надёжную безаварийную работу станции. Возникла такая ситуация, при которой газовики только за полгода задолжали Тюменской энергосистеме около двух триллионов рублей. Столько же сами энергетики должны были газовикам за поставляемое сырьё. Румянцев на всех доступных уровнях в разумных пределах боролся за решение главной проблемы – ликвидации неплатежей и её последствий. Он утверждал:

– Эта проблема поставит нас в буквальном смысле на колени. Мы не можем платить за капитальный ремонт, за материалы, за оборудование, за запасные части! Надёжность работы станции – под угрозой. Если она не будет решена на правительственном уровне, мы придём к катастрофе...

Как приходилось выкручиваться директору в этих непростых условиях, знают только руководители. Но станция выжила! И даже получила диплом Берлингема. Эта награда учреждена Институтом международного финансового и экономического сотрудничества академией лидеров бизнеса и администрацией организации «Послы американского народа». Сургутским энергетикам она досталась «...за успешное выживание и развитие ГРЭС-2 в условиях становления рыночных отношений». Кроме того, Румянцева приняли в состав почетных членов академии, председателем которого тогда являлся президент США Бил Клинтон.

Когда вручали диплом, Юрий Васильевич очень растрогался:

– Любая награда приятна. Наш коллектив действительно её заслужил. Потому что мы работаем на грани невозможного... В силу неплатежей, в силу существующих проблем, в силу сложностей в

экономике России. Нам потребуются колоссальные усилия для дальнейшего сохранения работоспособности и надежности станции.

Сделать это, когда ты в долгах, как в шелках, очень и очень сложно! Когда произойдёт спад этой напряжённости, сказать трудно.

...В конце 90-х в Тюменскую энергетическую систему прибыла группа москвичей. Прошёл слухов: среди них – будущий генеральный директор акционерного общества «Тюменьэнерго», который сядет в кресло сегодняшнего руководителя системой Валентина Богана. Гости посетили объекты, познакомились с ситуацией. Вот тогда-то один из представителей РАО «ЕЭС России» и спросил: «А где все-таки у вас хранится готовая продукция?» Это не шутка! Вопрос задал будущий «генерал» – Артём Биков. У Румянцева сердце в ноги ушло: «Тюменьэнерго» возглавит человек, который не знает энергетику даже на уровне школьной программы! Шок...

– Вы понимаете, наша продукция на складе не хранится! Её вырабатывают ровно столько, сколько потребляют одновременно.

Тем не менее посланец из Москвы круто взялся за дело. Его главной целью было любыми методами ликвидировать задолженности потребителей электроэнергии. Началось силовое вмешательство в производственный процесс промышленных предприятий, расположенных

женных на территории. А именно: отключение должников от линий электропередачи.

У Бикова получилось навести порядок в этом отношении. Хоть и непопулярными методами, но... получилось. Другое потрясло тогда энергетиков – новое руководство начало разрушать целостность российской энергетической системы. И с этим патриарх отрасли Юрий Румянцев мириться не захотел. Точнее – не мог. Совесть, професионализм не позволяли.

Прямой, иногда даже резкий в доказательстве своей правоты, директор ГРЭС-2 категорически не принял новые формы управления энергосистемой. И воспользовавшись тем, что контракт закончился, вышел на пенсию. Попытки Артёма Бикова отговорить от принятого решения Юрий Васильевич отверг сразу и категорически.

Прощание было горьким. Хотя... на общем собрании прозвучало много тёплых слов, комплиментов! Некоторые сотрудники не смогли сдержать слёз. И Юрий Васильевич дрогнул... Во время последнего интервью для местного телевидения в его глазах засияли слезы.

– Мы приросли корнями к Сургуту, сроднились с этим городом, здесь остаются оба наших сына с семьями. У нас три孙女. Отъезд – большая душевная травма и для меня и для жены.

Зоя Ильинична: Это очень трудный момент – резко уйти с работы. Я думаю, что он не сможет без работы жить (плачут).

Супруги Румянцевы вскоре уехали в Подмосковье, где началась совсем другая жизнь.

Совсем другая жизнь...

Выбор «пенсионного» места жительства оказался не случаен. Дело в том, что здесь когда-то обосновались предки Румянцева. Великолепный дом в шести ярусаах всегда готов принять гостей. В нём тепло и уютно. Обстановка располагает к разговорам, воспоминаниям. Вот и в тот день мы говорили... о любви. Дополняя друг друга, супруги увлечённо рассказывали о своей юности, и я очень чётко представила, как это было.

Однажды в общагу к девчонкам, к которым наш герой бегал с другом чайку попить да время скротать, пришла незнакомка: хрупкая красавица, большеглазая, скромная – до невероятия!

– Зоя, – произнесла едва слышно.

1961 год

Играли в «гоп-доп». Юрий Васильевич поясняет:

— Смысъ игры заключался в следующем: один из нас, к примеру я, берёт монетку — три или пять копеек. Ведущий говорит «гоп!». Я должен всем показать: монетка в моих руках. Далее он говорит «доп!». Мы все убираем руки под стол. Он опять говорит «гоп» — я снова показываю монетку. А когда звучит команда «Руки на стол!», я кому-то быстро должен отдать эту монетку. Не важно, справа, слева, можно даже через человека передать, а ведущий должен угадать у кого монетка.

И вот сидит со мной рядом эта девочка — Зоя. Я кладу в её руку монету, смотрю, а у неё рука от моего прикосновения краснеет. Можете себе представить?! Краснеет! Ну, думаю, до чего же скромная девочка! Где такие берутся в наше время? Так меня это обстоятельство очень тронуло. Ведь от моего прикосновения не она, а её рука красной стала, понимаете? Потом мы с Женкой её провожали домой. Жила тут же, в студгородке, только в другом корпусе.

Студгородок располагался в Лефортове. С пятого этажа балкона общежития ребята любовались Лефортовским валом, на котором стояла знаменитая тюрьма. Студенты частенько наблюдали, как по внут-

ренней территории гуськом гуляют заключённые. В то время никто и понятия не имел, что эта тюрьма – для политических. Иногда один из инакомыслящих поднимал голову вверх и замечал любопытных молодых людей, приветливо машущих им руками. В ответ заключённый тоже пытался взмахнуть рукой, но тут же раздавался грозный окрик охранника, а в сторону балкона устремлялся устрашающий кулак. Парни, естественно, скрывались в комнате.

– Наш студгородок окружали четыре улицы. Мы совершили по ним вечерние прогулки, разделяя на малое и большое Лефортовское кольцо. Я развлекал девушки стихами. Когда по малому кольцу ходили, мне хватало поэмы Константина Симонова в пять страниц. По большому – другое читал, что-нибудь более масштабное. Вот так и соблазнял, совращал с пути истинного, к примеру Зою (смеётся).

Мы познакомились на пятом курсе, а учились пять с половиной лет. Полгода готовили диплом. У нас была чисто «пионерская» дружба до конца учёбы. Потом её распределили в Ангарск на электромеханический завод, а меня – в Ленинград. Прощаясь на вокзале (у нас уже поцелуйчики скромные были), я подарил ей фарфорового зайчика и сказал, что всё равно на ней женюсь.

Молодой специалист Зоя с княжеской фамилией Горчакова уехала в сомнении. Следом за ней за четыре тысячи километров полетели, поехали, пошли – письма. Даже звуковые. Через год, не выдержав разлуки, Юрий приехал в Ангарск. В командировку.

– К свадьбе готовились долго. Тщательно. Я штаны купил синего цвета. Ей не понравились «пасхальные», как она выразилась, свадебные брюки (смеётся). Раскритиковала меня. Чёрный костюм, который привёз из Ленинграда, тоже отдала в ателье перешивать. Он показался ей слишком широким. А я в то время любую одежду подбирал по принципу: лишь бы налезло. Какой цвет – мне на это было абсолютно наплевать. Кстати, на последнем курсе в институте носил оранжевый пиджак. Не потому, что он очень модный, а потому что в нём было удобно.

Свадьбу сыграли. Согласившись на «рай в шалаше», молодая супруга разделяла его и в общаге северной столицы, и в гостиницах, куда молодого специалиста то и дело отправляли в командировку.

– Когда мы ещё были студентами, нас на целый семестр отправляли на практику на Ленинградский металлический завод техниками.

Получали зарплату – 60 рублей плюс стипендия – 48. Это были большие деньги. После окончания института работал там же по специальности – турбинистом. Вернувшись из Ангарска с молодой женой, обратился в дирекцию завода с просьбой поставить в очередь на квартиру. Оказались по списку на седьмой тысяче по Калининскому району Ленинграда: 15 лет ждать! За меня стали ходатайствовать, но я просил лишь об одном: пропишите супругу. Знал, что практически буду жить в командировках, на электростанциях страны. А там всегда предоставляли как минимум комнату. Условия для шефа-монтажника выполнялись твёрдо.

К сожалению, Зою не прописали в Ленинграде даже в общаге. Поехав в очередную командировку в Новосибирск, взял с собой жену. Дали нам отдельную комнату. Там я занимался параллельно и монтажом и ремонтом турбин. А когда понял, что Зоя беременна, отправил её к родителям. 30 ноября 1963 года получил телеграмму: родился сын (смеётся).

Когда Игорю исполнился месяц, под Новый год Зоя с ребёнком переехала к моим родителям, в Подмосковье. А я выписал себе командировку на Конаковскую ГРЭС (в 50 км от нашей деревни), чтобы иметь возможность чаще бывать с семьёй.

На Конаковской ГРЭС талантливого инженера Румянцева знали многие специалисты. Поэтому его желание перейти к ним на постоянную работу приняли с удовольствием. Блестящие рекомендации сверху позволили выполнить условия нового сотрудника в полном объёме. Юрию Васильевичу предоставили инженерную должность – мастер по ремонту турбин и оборудования турбинного цеха. Нашлось место и для жены – инженер производственно-технического отдела.

- Садик?
- Будет сразу.
- Квартира?
- Дом строится.

Всё складывалось прекрасно. Окрылённый перспективами, Румянцев приехал домой на так называемые каникулы. С порога заявил приёмной матери:

– Тётя Тоня, я принял решение – переходить на Конаковскую станцию!

Услышав новость, жена расплакалась:

– Ты хочешь променять Ленинград на такую глухомань – Конаково! «Где мяса нету никакого!»

Пришлось убеждать. Вскоре молодая семья получила первую в своей жизни квартиру – новую, светлую, хорошую, двухкомнатную. Ребёнок пошёл в детский сад. Зоя вышла на работу и... стала секретарём пусковой комиссии.

– Этот факт я привожу как семейный анекдот. Вот – Ким Николаевич Горский – директор Конаковской ГРЭС и председатель пусковой комиссии в одном лице. Не важно, что за столом есть люди рангом повыше. Он – главный. Рядом сидит Зоя Ильинична Румянцева – секретарь пусковой комиссии. А кто был Юрий Васильевич Румянцев? Никто! Конечно, Горский меня лично знал. Но я для него был несопоставимо маленьким по сравнению с моей женой. Ведь на каждом заседании она писала поручения то заместителю министра, то непосредственно министру. Уровень был – не ниже. Более того, на Зое лежал контроль за исполнением принятых решений. Она могла позвонить министру и спросить: сделали или нет ту или иную работу, если нет, то по какой причине. Её уважали, перед ней преклонялись, заискивали, боялись, чтобы она не написала ничего лишнего. Ведь она министрами распоряжалась! (Смеётся).

В пусковой комиссии – человек 70. Две женщины: секретарь и начальник химцеха. Зоя должна была выделить и записать главную тему. У неё это хорошо получалось. Поэтому Горский очень ценил мою супругу. Был такой случай – заболел у нас сын, ей пришлось остаться дома. Горский позвонил её начальному:

– Немедленно отправьте Шаврову (другой инженер отдела) к Румянцевой, пусть посидит с её сыном, а Зою Ильиничну срочно привезите на станцию.

Когда Горского отправили на повышение, он устроил прощальный банкет. Пригласил строителей, эксплуатационников. Рангом не ниже начальника цеха. Среди них была и секретарь пусковой комиссии – Зоя Ильинична Румянцева с мужем! Он пригласил её, а я был приложением к ней! (Смеётся).

– Написал: с мужем. И всё! – вступает в разговор Зоя Ильинична. – Юра оскорбился, но пошёл (смеются оба). Больше меня так нигде не ценили. Потом я стала просто – женой своего мужа. И по сей день ею остаюсь.

Вскоре у Румянцевых появился второй сынишка – Олег. Основная

тяжесть семейных забот легла на плечи Зои Ильиничны. Сейчас в доме – разделение обязанностей.

– Что такое семья? Это очаг, в котором сгорает бюджет (смеётся). Хранительницей очага является она, а хранитель бюджета – я. Она доверяет мне хранить наши семейные деньги.

Стирает она. У нас есть две комнаты в подвальном помещении, в одной расположена «сушилка», в другой – отдельный «кабинет» со стиральной машиной и гладильной доской. Гладим бельё оба. Она – рубашки, майки и т.д., а постельные принадлежности, полотенца и прочее – я. Готовит она, но иногда не чураюсь и я приготовить что-нибудь вкусненькое. Всегда любил этим делом заниматься. Поэтому, когда приезжают гости, часть праздничного обеда или ужина беру на себя.

Есть у меня свои фирменные блюда, например, селёдка, которую научила разделять моя мама (после её смерти я тёту Тоню стал называть мамой). Выбираю жирную селёдку (ещё найти надо хорошую), снимаю шкуру, отделяю кости, разрезаю, поливаю маслом, лук раскладываю и подаю на стол. Никому не доверяю! Жене – тоже.

Виллу «Зоя» друзья Румянцевых называют «Дворянским гнездом». «Гнездо» никогда не пустует. В летний период его наполняют дети и внуки, многочисленные друзья и знакомые. В его стенах, как и в прежних квартирах, звучат любимые песни, весёлые анекдоты, красивые стихи…

Сюда частенько приезжают сургутяне. Хозяева создали здесь маленький оазис, в котором есть и сад, и теплица, и летняя кухня, и бассейн, и качели, и даже мастерская, в которой Юрий Васильевич мастерит скворечники, кормушки для птиц, необходимые в хозяйстве вещи.

– Поскольку основная работа осталась в прошлом, занимаю себя другими делами. К примеру, сад. Опрыскиваю деревья, поливаю траву, варю соки, давлю ягоды. Научился выращивать хорошие урожаи огурцов и томатов. Вместе с супругой делаем заготовки на зиму.

До сих пор со многими поддерживаю связь. Есть друзья с институтских времён. Так что не скучно живём.

Увлекаюсь нумизматикой, собираю монетки. Причём монетки только русские – российские и советские – юбилейные памятные монетки. Каждый год Центробанк выпускает их до 30–40 штук. То, что по карману, стараюсь приобретать. У меня около... 700 штук

таких раритетов. Свою коллекцию иногда рассматриваю часами. Это мое любимое занятие.

В подмосковном «Дворянском гнезде» супруги частенько вспоминают родную станцию, Сургут. Для энергетика Румянцева ГРЭС-2 на всегда осталась в памяти важнейшим этапом рабочей биографии. Этот период был самым осознанным и самым насыщенным яркими событиями и встречами. В Сургут приезжали многие звезды отечественного искусства и литературы – Театр имени Вахтангова, ансамбль скрипачей под управлением Владимира Спивакова, певец Александр Малинин, поэты Белла Ахмадулина и Евгений Евтушенко... Да разве всех перечислишь! И все они побывали на Сургутской ГРЭС-2.

– С детства у меня осталась любовь к поэзии. Иногда пытаюсь сам писать. Хорошие стихи получаются только тогда, когда то, о чём пишешь, пережил сам. Тогда и слова находятся нужные, и рифмы.

Именно так – на первые – рождались стихи Румянцева о ГРЭС-2, о друзьях-коллегах, о городе, к которому у Юрия Васильевича и Зои Ильиничны особое отношение.

*Вновь пророчат синоптики снег и пургу,
За окошком январская выюга.
Я прощаюсь с тобой, мой любимый Сургут,
Как прощаются с преданным другом.
Заметает позёмка извилистый след,
Точно так же, как в самом начале...
Пролетело семнадцать стремительных лет,
С той поры, когда мы повстречались.
Я приехал тогда в этот северный край
Не по зову души или сердца.
Был тогда у меня тот душевный раздрай,
Когда попросту некуда деться.
Ты мне в душу не лез, не спросил ни о чём,
Не показывал псевдозаботы,
Просто молча, как другу, подставил плечо
И позвал за собой – на работу.
Трудный жизненный путь ты со мною прошёл,
Так предписано было судьбою.
Но всегда и во всём было мне хорошо*

*И легко от общенья с тобою.
Если делом твоим управляет прогресс,
Всё подвластно рукам человека.
Мы построили самую мощную ГРЭС
На исходе двадцатого века.
Много выпало нам испытаний и бед,
Серых будней и ярких сражений,
Мы делили с тобою и радость побед,
И обидную боль поражений.
Были мы волонтёрами целой страны,
И, решая задачи большие,
Были друг перед другом предельно честны,
Никогда и ни в чём не фальшивы.
Нам не стыдно с тобой за проделанный труд,
Даже более, есть чем гордиться.
Пусть потомки когда-нибудь нас помянут
На твоих летописных страницах.
Всё, что было, то было, прошло без следа,
Растворившись в сумятице буден.
Одного только жаль, что уже никогда
В нашей жизни такого не будет.
Расставаться пора. Что поделаешь тут?
Всё кончается в жизни когда-то.
Ты прости меня, мой молчаливый Сургут,
Если в чём-то я был виноватым.
Нету слёз у меня – это тающий снег,
И разлуки предательский холод.
Ты мне стал дорогим, как родной человек,
Мой красивый заснеженный город.
Я покину тебя, что останется здесь,
В этом царстве снегов и метелей?
Остаются друзья, и красавица ГРЭС,
Как отчёт о законченном деле.
...Пролетело семнадцать стремительных лет
С той поры, когда мы повстречались.
Я сжимаю в руке свой обратный билет
И сжимается сердце – печалью.
...Каждый год журнали улетают на юг,*

*Чтоб потом возвратиться обратно...
Я прощаюсь с тобой, край метелей и вылог.
Насовсем. До конца. Безвозвратно.
Пусть пророчат синоптики снег и пургу,
Пусть метель наметает сугробы;
Я тебя в своём сердце навек сберегу
И с тобой не расстанусь до гроба.
Пусть тебя навсегда стороной обойдут
Все невзгоды и злые напасти.
Я желаю тебе, мой любимый Сургут,
Долгих лет бесконечного счастья.*

— Это стихотворение я написал в 2000 году, когда уехал в Подмосковье. Я вообще люблю этот город. Жена до слёз в него влюблена. Она где-то вычитала, что магнитный северный полюс притягивает людей, а южный, наоборот, отталкивает. Поэтому люди с севером всегда расстаются с сожалением. Многие возвращаются обратно. Я в этом убедился лично.

«А напоследок я скажу...»

Его учителями были прекрасные мастера: шеф-инженеры Некрасов, Горчаков... Работал Румянцев под руководством великолепных организаторов: Горский, Гервиц, Каштанов, Викулов, Давидовский – что ни имя, то легенда в энергетической системе страны. Он быстро поднимался по лестнице мастерства: от техника по монтажу паровых турбин до шеф-инженера, мастера по ремонту турбин. Желая глубже освоить эксплуатацию, будучи уже начальником смены, попросился обходчиком по котлу. Больше полугода упорно познавал эту специальность. Впоследствии с должности заместителя начальника цеха был сразу назначен замом главного инженера, через два года – инженером станции. Юрий Васильевич освоил монтаж блоков 200, 300 и 800 мегаватт. По местам его работы можно составить географическую карту электрификации России, начиная с 60-х годов прошлого столетия: Змиевск, Ангарск, Новосибирск, Конаково, Черепетск... Практически с нуля начинал две станции – Ириклиновскую и Сургутскую.

Сургутская ГРЭС-2 незаметно входила в жизнь сотен и тысяч людей, становилась сначала частью биографии, а затем и главным делом, гордость за которое останется на многие десятилетия.

И ещё останется город, который без станции уже трудно представить. Ведь он с участием энергетиков, их трудами стал таким красивым, благоустроенным, родным. Здесь состоялось рождение новой для Крайнего Севера отрасли – энергетики. Здесь продолжается её развитие, совершенствование. С нею связано будущее не одного поколения, которое подчинено главной задаче – дарить тепло и свет людям, обеспечивать качественное и надёжное энергоснабжение Югры, Ямала, Урала, страны...

Юрий Васильевич имеет множество правительственные наград, он академик, удостоен дворянского звания. Рыцарь Мальтийского ордена и Эрцмейстер – лицо, определяющее лицо планеты.

2010 год

P.S.

30 ноября 2011 года Юрия Васильевича Румянцева не стало. В это до сих пор трудно поверить, потому что в последние годы, знаю, он весьма активно и не без результата занимался своим здоровьем: делал зарядку, контролировал уровень сахара в крови, ходил в бассейн.

Говорят, его «подтолкнули» в другую жизнь... врачи. Парадоксально, но в наше время и такое случается. Не столь уж редко, к сожалению. Как бы там ни было, его нет. Вместе с ним, с такими, как он, уходит эпоха порядочных людей, великих профессионалов избранного Судьбой дела. Уходит эпоха энтузиастов. Моя эпоха...

Содержание

- 7   **Пролог**
- 9   **Единственная любовь краеведа**
(Показаньев Флегонт Яковлевич)
- 22   **Миссионер в культуре Севера**
(Липявко Софья Васильевна)
- 53   **Призвание – жить талантливо**
(Важенин Юрий Иванович)
- 77   **Нерастряченная молодость...**
(Золотухина Лариса Ивановна)
- 101   **Очарование талантом**
(Марченко Светлана, Груздев Александр)
- 115   **«И это всё о нём...»**
(Филипенко Александр Васильевич)
- 135   **Виртуоз отечественного бурения**
(Лёвин Геннадий Михайлович)
- 170   **Жизнь Мастера, прерванная на взлёте**
(Горда Виталий Николаевич)
- 199   **«Звёздный человек»**
(Солохин Валентин Фёдорович)
- 233   **Знакомый незнакомый человек**
(Богданов Владимир Леонидович)
- 273   **Приближённый его Величества...**
(Румянцев Юрий Васильевич)

Литературно-художественное издание

Екатерина Степановна Логинова

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

Книга очерков

Редакторы: В. Матвеев,

А. Яковлев

Корректор: Л. Станкевич

Дизайн: А. Архутик

Вёрстка: А. Колганов

ООО ИД «ЛУЧ»

Свидетельство о регистрации № 706.951 от 30.09. 1994 г.

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а

Тел./факс (495) 685-66-02

E-mail: litucheba@mail.ru

Адрес сайта: www.lych.ru

Генеральный директор Л.И. Карханина

Формат 60x90/16

Печать офсетная

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 19,5

Тираж 1000 экз.

Заказ № С-273.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

**Екатерина Степановна
Логинова-Матвеева**

Телерадиожурналист. Лауреат областных, окружных и городских конкурсов, а также международных киновидеофестивалей «Бархатный сезон - 96», «Финно-угорский мир», «Спасти и сохранить», «Золотой Бубен». Обладатель «гран-при» и звания «Журналист года» в Сургуте, четыре раза побеждала в номинации «Очерк года».

В 1999 году ей присвоено звание «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа». В 2011 году признана первой «Легендой югорской журналистики». Она - член окружной Общественной палаты. После выхода в свет книги «Последняя четверть» в 2006 году Екатерина Степановна приняла участие в издании шести документальных книг, в четырёх из которых кроме авторского участия является редактором-составителем.

Книга очерков «Портрет на фоне времени» – результат многолетней творческой деятельности журналиста и писателя.

ISBN 978-5-88915-070-1

9 785889 1150701 >